Научный и общественно-политический журнал
Международный издательский центр
«Этносоциум»

МИССИЯ КОНФЕССИЙ

Том 14. Часть 3

(№84)

Зарегистрирован в 2010 году

Издание входит в перечень ВАК РФ,
РИНЦ, МИНЦ и НЭБ

Москва 2025

Журнал «Миссия конфессий» - социально значимый проект.

Миссия журнала – консолидация прогрессивных сил,
конструктивных идей всех конфессий
перед лицом глобальных угроз.

Рецензионный совет издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений Российской Федерации.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Миссия Конфессий» обязательна.

Рукописи рецензируются.

Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад в поддержку проекта «Миссия конфессий перед лицом глобальных угроз».

ISSN 2499-9423

8 номеров в год
E-mail: etnosocium@mail.ru
Сайт: http://confessions-word.ru
Язык: русский, английский, китайский.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин
Корректор Е.А. Белоусова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro
Формат 60x84/8. Тираж экз. 500
Усл. п. л. 12,25

Главный редактор

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

Председатель редакционного совета

Зязиков М.М., доктор философских наук, член Союза писателей России.

Редакционный Совет журнала «Миссия конфессий»

Абдулатипов Р.Г., доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации. Директор Центра научно-методического обеспечения государственной культурной политики и традиционных ценностей Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Арефьев М.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии СПбГАУ.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор БГУ.

Бессонов Е.Г., кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия».

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Вань Хайянь, кандидат экономических наук. Старший научный сотрудник, Заместитель заведующего Центра по изучении ЦА, Центр по изучению России, Институт международных отношений и регионального развития и Институт по изучению ШОС Восточно-китайского педагогического университета.

Водолацкий В.П., доктор социологических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации, Верховный Атаман Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, Казачий генерал.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор БГТУ.

Забулионите К.И., доктор философских наук, профессор, председатель Петербургского международного культурологи-

ческого симпозиума, руководитель Секции философии культуры и культурологии в Санкт-Петербургском Доме Ученых.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Комлева В.В., доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Кузнецова Т.Ф., доктор философских наук, профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Ли Эрюн, кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Пономарева Г.М., доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пусько В.С., доктор философских наук, профессор.

Себастьян Хоппе, Научный сотрудник. Институт восточноевропейских исследований, факультет политики / международных отношений. Свободный университет Берлина.

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Ултургашева Н.Д., доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Хитарова И.Ю., доктор философских наук, профессор, член философского общества, Университета путей сообщения имени императора Александра I.

Чжан Вэй, КНР.

Scientific and socio-political journal
International Publishing Center
«Etnosocium»

Mission confessions

Volume 14. Issue 3
(№84)

Founded in 2010

The publication is included in the list of HAC RF,
RSCI, NEL and ISCI

Moscow 2025

The Mission of Confessions Journal is a socially significant project.
The mission of the journal is the consolidation of progressive forces,
constructive ideas of all faiths in the face of global threats.

With the support of the Plenipotentiary
of the RF President in the Central Federal District

The journal is registered in the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.

International Publishing House «Etnosocium» and "Mission confessions" Journal abides by standards of editorial ethics and Is making efforts not to allow their violation.

The journal "Mission confessions" is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

"Mission confessions" aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

Special thanks to the outstanding scientists and public figures who have contributed financially in support of the project "Mission of confessions in the face of global threats".

ISSN 2499-9423
8 issues per year
E-mail: etnosocium@mail.ru
Website: http://confessions-word.ru
Languages: Russian, English, Chinese.

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.
Corrector: Belousova E.A.
Paper: offset
Types: Minion Pro
Format: 60x84/8
Copies: 500

Chief Editor

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

Chairman of the Editorial Board

Zyazikov M.M., Doctor of Philosophical Sciences, member of the Writers' Union of Russia.

Editorial Board

Abdulatipov R.G., Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation. Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation. Director of the Center for Scientific and Methodological Support of State Cultural Policy and Traditional Values of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Arefev M.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy and Cultural Studies.

Baharev V.V., Doctor of Social Sciences, Professor of the VSU.

Bessonov E.G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, researcher of the VUNC of the "Naval Academy".

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

Chjan Vei, People's Republic of China.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The BSTU.

Hitarova I.Y., Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Philosophical Science, Professor, Member of the Philosophical Society, Alexander I-st University of Communications.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of Energy of Knowledge.

Komleva V.V., Doctor of Sociology, PhD in Philosophy, Pro-

fessor, Head of the Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics (Nanchang, Jiangxi), China.

Ponomareva G.M., Doctor of Philosophical Science, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University.

Pusko V.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor.

Sebastian Hoppe, Research Associate. Institute for East European Studies, Department of Politics / International Relations. Freie Universität Berlin.

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Vodolackiy V.P., Doctor of Social Sciences, Deputy of the State Duma of the Russian Federation, Supreme Ataman of the Union of Cossacks of Russia and abroad Warriors, Cossack General.

Wang Haiyan, Candidate of Economic Sciences. Senior Researcher, Deputy Head of the Center for Central Asian Studies, Center for Russian Studies, Institute of International Relations and Regional Development and the Institute for the Study of the SCO East China Pedagogical University.

Zabulionite K.I., Doctor of Philosophy, Professor. Chairman of the St. Petersburg International Cultural Research Symposium. Head of the Section of Philosophy of Culture and Cultural Studies at the St. Petersburg House of Scientists.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

Сторчак В.М., Авакян Д.А., Огородникова О.А.
Феномен апостольства в культуре советской гражданской религии...14

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ма Ян Возрождение джазового саксофона
в Китае в эпоху «реформ и открытости».....27

Рыжова В.А. Легитимность харизматического
политика и способы его персонификации в современных
политических условиях (на материале российского
и китайского лингвокультурологического сообщества).....34

Козыренко Н.Е., Козыренко И.С. Профессиональная
архитектура в стиле китайское барокко (Харбин).....41

Васильева О.А., Зюзина И.С.
Художественные образы произведений искусства
как элемент разработки рекламной кампании.....47

ФИЛОСОФИЯ

Кудряшова Е.В. Субъект познания
в естествознании и современный дискурс.....56

Ефимова Л.Н., Шехирева Н.А.,
Александрова Е.В., Тростина К.В. «Хроники Нарнии»
как духовное завещание Клайва Стейплза Льюиса (1898-1963 гг.).....64

СОЦИОЛОГИЯ

Барковский Е.С., Данакин Н.С.
Поведение персонала организации в проблемной ситуации.....76

Конев И.В., Знахарчук Ф.Р.
Мотивационно-ресурсное обеспечение социального управления.....82

Упоров И.В., Казанков В.Ю. Уголовно-правовое
регулирование ответственности за разбой в советском государстве...89

Бормотова Т.М., Макаров В.В.
Управление развитием социального капитала территории.....95
Беликова Е.В., Батяркина В.А., Миронова К.В., Нобатгелдиева Ч.Д. Анализ социально-экономических факторов в Республике Мордовия и распространенность железодефицитной анемии среди беременных женщин.....103
Калинин Н.А. Основные аспекты формирования социокультурной инклюзивной среды.....110
Подчуфаров И., Потемкина Ю.
Управление миграционными потоками на федеральном и региональном уровнях – сравнительный анализ инструментов политики и практик в России, США и Китае.....115
Калинин Н.А. Феномен инклюзивности в социальном театре.....128
Смеричевский Э.Ф., Коржова Д.А.
Надпрофессиональные навыки и компетенции профессий будущего на современном рынке труда.....134
Степнова Л.А., Афганьяр М.
Образовательная миграция среди мусульманских женщин Афганистана: политико-социологические аспекты проблемы.....141
Шепелева Л.С. Стимулы и мотивация обучения студентов: исследование и стратегия улучшения производительности учебного процесса.....153
Упоров И.В. Муниципальные программы по обеспечению безопасных условий жизнедеятельности населения: правовой и методологический аспекты.....161
Жулина Ю.О., Пренас Н.Н., Запрометова С.А. Ценностные ориентации студентов-спортсменов как социокультурный детерминант формирования здорового общества.....168
Шнайдер Ю.В., Мусабеков М.Д. Социальные лифты в новом пространстве социальной мобильности.....174

Аннотации.....181
Авторы.....193

CONTENT

RELIGION AND SOCIETY

Storchak V.M., Avakyan D.A., Ogorodnikova O.A.
The phenomenon of apostleship in the culture of soviet civil religion.....14

CULTURAL STUDIES

Ma Yang The revival of jazz saxophone
in China in the era of «reform and opening up».....27

Ryzhova V.A. The legitimacy of a charismatic politician
and the ways of his personification in modern political conditions
(based on the Russian and Chinese linguacultural community).....34

Kozyrenko N.E., Kozyrenko I.S.
Professional architecture in the Chinese baroque style (Harbin).....41

Vasilyeva O.A., Zyuzina I.S. Artistic images of works
of art as an element of the development of an advertising campaign.....47

PHILOSOPHY

Kudryashova E.V. The subject
of knowledge in natural science and modern discourse.....56

Efimova L.N., Shekhireva N.A.,
Aleksandrova E.V., Trostina K.V. "The chronicles of Narnia"
as a spiritual testament of Clive Staples Lewis (1898-1963).....64

SOCIOLOGY

Barkovskii E.S., Danakin N.S.
Behavior of the organization's staff in a problematic situation.....76

Konev I.V., Znakharchuk F.R.
Motivational and resource support for social management.....82

Uporov I.V., Kazankov V.Yu.
Criminal-legal regulation of liability for robbery in the soviet state.....89

Bormotova T.M., Makarov V.V.
Management of the development of the territory's social capital.....95
Belikova E.V., Batyarkina V.A., Mironova K.V., Nobatgeldieva C.D.
Prevalence of iron deficiency anemia among pregnant women
and analysis of socio-economic factors in the Republic of Mordovia.....103
Kalinin N.A. Main aspects of formation
of socio-cultural inclusive environment.....110
Podchufarov I., Potemkina Yu.
Management of migration flows
at the federal and regional levels – a comparative analysis
of policy instruments and practices in Russia, USA and China.....115
Kalinin N.A. The phenomenon of inclusivity in social theatre.....128
Smerichevskiy E.F., Korzhova D.A.
Transprofessional skills and competencies
of the professions of the future in the modern labor market.....134
Stepnova L.A., Afganyar M.
Educational migration among Muslim women in Afghanistan:
political and sociological aspects of the problem.....141
Shepeleva L.S. Incentives
and motivation for students' learning: research and strategy
for improving the productivity of the educational process.....153
Uporov I.V. Municipal programs for ensuring safe life
conditions of the population: legal and methodological aspects.....161
Zhulina J.O., Prenas N.N., Zaprometova S.A.
Value orientations of student-athletes
as a socio-cultural determinant of the formation of a healthy society.....168
Shnaider Y.V., Musabekov M.D.
Social elevators in the new landscape of social mobility.....174

Abstracts.....187
Authors.....195

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

RELIGION AND SOCIETY

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Журнал «**Миссия конфессий**»
продолжает серию публикаций в рамках
информационно-просветительского проекта
«**Наука и религия:
научно-конфессиональное
сотрудничество»**.

Приглашаем к публикации
материалов исследований
по диалогу всех конфессий.

Сторчак В.М.

Доктор философских наук, профессор. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Авакян Д.А.

Кандидат политических наук, доцент. Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт» (НИУ «МЭИ»).

Огородникова О.А.

Кандидат исторических наук, доцент. Московский городской педагогический университет (МГПУ).

Феномен апостольства в культуре советской гражданской религии*

Аннотация. В статье исследуется вопрос соотнесения религиозных и квазирелигиозных, а точнее, содержаний советской гражданской религии. В последнее десятилетие понятие «гражданская религия» и связанные с ней синонимы стали объектом активного изучения как в зарубежной, так и в отечественной гуманитарной науке: философии, религиоведения, истории, социологии. Многие исследователи находят много аналогий в этом аспекте между христианством и советской квазирелигией. В представленной работе такого рода аналогии касаются в основном двух аспектов: взаимосвязи образов Христос-Ленин и феномен апостольского служения как в христианском, так и в советском культурном, в большей степени литературном, отображении последователей того или иного учения.

Ключевые слова: апостольство, христианство, гражданская религия, литература, культура, Христос, Ленин, роман, стихотворение.

Storchak V.M.

Doctor of Philosophy, Professor. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Avakyan D.A.

Candidate of Political Science, Associate Professor of the National Research University «Moscow Power Engineering Institute» (NRU «MEI»).

Ogorodnikova O.A.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Moscow City Pedagogical University (MCPU).

The phenomenon of apostleship in the culture of soviet civil religion

Abstract. The article explores the issue of correlation of religious and quasi-religious, or rather, the contents of the Soviet civil religion. In the last decade, the concept of "civil religion" and related

* © Сторчак В.М., Авакян Д.А., Огородникова О.А., 2025.

Феномен апостольства в культуре советской гражданской религии

synonyms have become the object of active study in both foreign and domestic humanities: philosophy, religious studies, history, and sociology. Many researchers find many analogies in this aspect between Christianity and the Soviet quasi-religion. In the presented work, such analogies relate mainly to two aspects: the relationship between the images of Christ and Lenin and the phenomenon of apostolic ministry in both Christian and Soviet cultural, and to a greater extent literary, representations of followers of a particular teaching.

Key words: apostolate, Christianity, civil religion, literature, culture, Christ, Lenin, novel, poem.

«Мировой революции подданный»

(А. Сурков)

«Вперёд, заре навстречу, товарищи в борьбе!
Штыками и картечью, проложим путь себе.

Смелей вперёд, и твёрже шаг, и выше юношеский стяг!
Мы – молодая гвардия рабочих и крестьян…»

(А. Безыменский «Вперёд, заре навстречу», 1922)

По мнению зарубежного и отечественного религиоведения, использование понятия «квазирелигия» в секулярное и постсекулярное время, с точки зрения их социально-политических форм, особенно актуально при изучении границ между религиями и социальными явлениями, поскольку они становятся особенно размытыми. Связано это, прежде всего, с потерей религией единоличного обладания сакральных смыслов, а также с растущим убеждением общества, что большинство социально-политических проблем современного мира должны восприниматься как духовные[1].

Категории «гражданская» и «квазирелигиозная», «светская» и «политическая» религии многими исследователями воспринимаются как синонимы, поскольку они имеют схожие границы своего существования и ряд похожих содержаний. Данный факт позволяет классифицировать их в качестве религио-подобных систем, сущностную роль в которых играет сакрализация тех или иных гражданских явлений. По мнению Михайлова Д.Н., светские теории, в зависимости от исторической и социальной ситуации, могут сакрализовываться и превращаться в ядро политической мифологии и идеологии (пример марксизма как идеологического ядра в СССР)[2]. Исследователь различает традиционную и светскую сакрализацию: в традиционном обществе основой сакрализации является религиозное сознание и вера; в светском – сакрализуется доктрина, первоначально имеющая рациональный и даже атеистический характер. В свою очередь, политическая мифология в светских демократических и тоталитарных обществах также различна. В демократическом обществе политическая мифология разнообразна и плюралистична, в тоталитарном – политическая мифология зависит от фундаменталь-

1 *Ваарденбург Ж.* Религия и религии: систематическое введение в религиоведение / Ж. Ваарденбург. – Санкт-Петербург : Издательство РХГА, 2016. С. 311.

2 *Михайлов Д.Н.* Проблема сакрализации власти в социально-философском дискурсе: автореф. дис. … канд. филос. наук / Д.Н. Михайлов. – Воронеж, 2007. С. 14.

ного и непререкаемого идеологического ядра, призванного заменить объективную реальность символической реальностью.

Социальный психолог С. Московичи рассматривал «политические религии» XX века как «кредо» религии нового вида. Им были свойственны такие социальные характеристики, как обезличивание индивида в составе массы, идолократия как политическое кредо государства, культ личности вождя партии и т.п[3]. Примером такого рода политической религии для Московичи стал марксизм. Он предлагал индивиду определённый социально-политический идеал и обязательное исполнение исходящих от государства норм и предписаний, что «…придает общественный смысл индивидуальному существованию, составляет цель жизни … при условии отказа от собственных желаний»[4].

В качестве обобщения социально-политической формы гражданской религии можно привести ту характеристику, которую предложил американский религиовед Д. Чидестер. Гражданскую религию он трактовал как «… религиозно-политическую систему, независимую как от организованных религий, так и от государственных институтов, которая представляет собой набор коллективных религиозных символов, сакрализованную национальную идентичность и систему трансцендентных, квазирелигиозных принципов политического устройства»[5].

В советской квазирелигиозной идеологии использовались различные сакральные содержания, которые зачастую прослеживались в её культуре (литературе, скульптуре, художественных изображениях и т.д.). Многие из них перемежаются с библейскими сюжетами, в частности, с феноменом апостольства как религиозных, так и революционных последователей своих сакральных кумиров.

«Иисус поднимается на гору и зовёт к себе тех, кого сам выбрал. Они пришли. Это двенадцать человек, которых он назвал апостолами» (Мк: 3, 13-14), - так Евангелие повествует о появлении учеников Христа - апостолов (древнегреч. - «посол», «посланник»), которые должны были нести миру истину христианского учения: «Всё, что им было возвещено, они вкратце пересказали Петру и его спутникам. Потом им явился и сам Иисус, и послал их проповедовать от Востока до Запада священную и бессмертную весть о вечном спасении. Аминь» (Краткий эпилог в ряде древних рукописей Евангелия перед Пространным эпилогом)[6].

Такого рода страннический образ жизни проповедника стал в последствие как бы образцом для последующей миссионерской деятельности апостолов, их учеников и последователей: «Образ жизни странника был сознательно избран Иисусом. Его слова о том, что «лисицы имеют норы и птицы небесные – гнёзда, а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову» (Мф 8:19-20), можно понять, как обобщённое указание на образ жизни странствующего проповедника. …Такой страннический, бездомный образ жизни был для Него делом сознательного выбора,

3 *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи; пер. с фр. Т. П. Емельяновой. – Москва : Академический проект, 2011. С. 61.

4 *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи; пер. с фр. Т. П. Емельяновой. – Москва : Академический проект, 2011. С. 343-343.

5 *Angrosino M.* Civil Religion Redux // Anthropological Quarterly. 2002. Vol. 75. № 2. March. P. 259.

6 Канонические евангелия. / Пер. с греч. В.Н. Кузнецовой. – Москва : Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 115.

а не просто следствием стечения обстоятельств»[7].

Призыв («Идите по всему свету и возвещайте Благую Весть всем людям») и смысл проповеднической деятельности апостолов, как и Христа, сводился к спасению людей. Миссия апостолов сводилась к тому, чтобы привести к спасению всех людей на земле, но для этого им было необходимо обратить их в свою, христианскую веру.

Неся Благую Весть неофитам, последователи Христа создавали религиозные группы, общины верующих – Церковь. Христос – глава Церкви, невидимо пребывающей в ней. Церковь есть продолжающееся служение Христово, совершение его дела – спасения, исцеления, научения и приучения к благодати Божьей. Христос сравнивал Церковь с малым зерном, из которого вырастает великое древо; с закваской, которая сквашивает тесто: «Возникший из христианских конфессиональных консорций, новый этнос проявил энергию, казалось бы, полностью утраченную в Римской империи. Эта энергия толкала египетских монахов Фиваиды и сирийских начетчиков с берегов Оронта и Евфрата в Ирландию, в Индию, Среднюю Азию и даже Китай. Это была духовно-интеллектуальная экспансия, тем более удивительная, что она не подкреплялась силой оружия, не преследовала никаких практических целей или материальных интересов. Поводы этой деятельности лежали в ней самой. Это были деяния ради удовлетворения сознания того, что выполнен долг. Такая искренность влияла на сердца обращаемых и обеспечила проповеди православия успех, неизмеримо превосходивший физические затраты за счет высокой пассионарности проповедников»[8], - писал по этому поводу Л.Н. Гумилев.

У «Апостолов Великого Октября» также были свои, «ветхозаветные» предшественники, мученики и подвижники. В статьях «Памяти Герцена» и «Из прошлого рабочей печати» В.И. Ленин устанавливает три эпохи революционной борьбы в России: дворянский (1825-1961 гг.); разночинский или народнический (1861-1895 гг.); пролетарский (с 1895 года). Декабристы явились тем революционным движением, которое в своих стремлениях и идеалах сумело отразить настроения определённой части российского общества пер. пол. XIX века: явно выраженная антимонархичность, служение на благо Родины и высокому гражданскому долгу, прославление человека и вера в его всемогущество. В дворянскую эпоху революционно-освободительного движения образуются возможности и предпосылки к переходу на революционно-демократическую платформу общественного движения в России, что и нашло выражение в конкретных фактах истории идейно-художественных исканий 1830-1850 гг. Это движение дало таких мыслителей, публицистов и писателей, которые подошли к научному анализу идей социализма, самостоятельно сделав революционные выводы из передовых философских и социальных европейских учений.

Идеи революционно-демократического и народнического движения в России вт. пол. XIX века в художественной форме были отражены в произ-

7 Митрополит Волоколамский Иларион. Четвероевангелие (Том 1): учебник бакалавриата теологии / Митрополит Иларион (Алфеев). – Москва : Общецерковная аспирантура и докторантура им. Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Издательский дом «Познание», 2017. С. 201-202.

8 *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. – Москва: Библ. информ. об-ние «Танаис» : ДИ-ДИК, 1994. С. 115.

ведениях А.И. Герцена, Н.П. Огарёва, А.Н. Плещеева, М.Л. Михайлова, В.С. и Н.С. Курочкиных, Д.Д. Минаева, Л.И. Пальмина, В.Г. Короленко, Г.И. Успенского и др. Именно таким героям, как Рахметов в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» было посвящено стихотворение Н.А. Некрасова «Памяти Добролюбова»:

«Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.

Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал умиленья;
Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья
Ты отдал ей; ты честные сердца
Ей покорял…»

Революционеров-демократов на рубеже XIX-XX столетья сменили пролетарские писатели и поэты. Наиболее ярким представителем из них был А.М. Горький. В его произведениях («Враги», «Мать», «Мещане» и др.) появляются совершенно новые персонажи, в которых «забурлил дух Рахметова» (Павел Власов, Егор Иванович, Николай Иванович и др.). Они выступили как прямые преемники лучших черт характера революционеров-демократов; как энергичные продолжатели революционного, по-новому понятого, дела их идейных предшественников. Эти литературные герои являются отражением реальной исторической силы, несущей, с их точки зрения, «социальное освобождение» не только для России, но и для всего человечества. Наличие черт, роднящих героев Горького «Мать» с Рахметовым Чернышевского, несомненно. Их объединяют следующие черты:

- непоколебимая вера в спасительную силу революционного преобразования жизни;

- героическая способность вложить всего себя в революционное дело, даже если при этом они подвергаются преследованиям и им приходится полностью отказаться от личной жизни;

- стальная воля и титаническая энергия, предельная концентрация умственных, нравственных и физических сил, повседневного героизма и невиданной настойчивости, направленных к достижению одной цели;

- фанатичная одержимость идеей борьбы за социальное раскрепощение трудящихся.

Д.И. Писарев причислял Рахметова к людям, для которых девиз их «знамени давно заменил собою родных и друзей, и все личные привязанности, и все личные радости человеческой жизни». Для Павла Власова в романе Горького «Мать» личное существует лишь в том случае, если способствует достижению поставленной цели. В противном случае, как говорит один из персонажей произведения, «мать на дороге ему ляг – перешагнул бы»[9].

Идеологи большевизма всегда ставили общественные интересы выше личных интересов, интересы класса выше родственных интересов. В одной из своих речей В.И. Ленин заявил о соподчиненности нравственности интересам классовой борьбы пролетариата, выводя ее из интересов самой этой борьбы. В первой половине 1920-х гг. эти «истины» пропагандировались самым вульгарным образом. Примером может послужить статья А.Б. Залкинда, в которой автор доказывал мысль о том,

9 *Овчаренко А.И.* О положительном герое в творчестве М. Горького (1892-1907) / А.И. Овчаренко. – Москва : Советский писатель, 1956. С. 518-519.

что «интересы революционного класса важнее блага отца». Сами того вполне не осознавая, публицисты 1920-х гг. создавали идеологию "освобожденного" от нравственных «пут» государства. С появлением сакрализованного вождя, олицетворяющего государство, функции созидателя и вдохновителя новой идеологии перешли к нему. Он стал нравственным источником для народа.

Чернышевский признавался, что таких людей, как Рахметов он встречал в жизни только несколько раз. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало. Это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это ***соль земли***. В романе «Мать» Горький показал плодотворную почву, неистощимо рождающих «особенных людей» для проповедничества революционного дела. Он рисует освободительное движение самого народа, возглавляемого «новозаветной солью земли» обновлённого человека, «прозревшего» глашатая рабочего класса – пролетариата (ср. с рассуждениями одного из отцов христианской Церкви Тертуллиана о «прозрении» подвижников самого Христа: «Тот род людей, к которому мы и сами некогда принадлежали, - слепые, лишенные света Господня…»)[10].

В романе «Мать» он показывает, что первоначально кружки революционеров, как и первохристианские общины, напоминали некие сектантские организации. Маленький домик Власовых начинает привлекать к себе внимание слобожан. Стараясь узнать, что творится за его стенами, люди по ночам «заглядывали в окна, иногда кто-то стучал в стекло и быстро, пугливо убегал прочь». По слободке распространился слух, будто Павел Власов «устраивает артель такую, вроде хлыстов. Секты – называется это». Затем герои Горького, «постигая великое учение», начинают действовать активно и бесстрашно. В слободке заговорили о социалистах, которые разбрасывают листовки с критикой существующего строя и положения дел.

Ветхозаветные пророки критиковали общество за отход от божественных догматов и нравственных истин, прикрываясь ложными идеями или же языческой похотью. У Павла Власова отношение к «фарисейскому Богу» также было весьма критичным. В дальнейшем Павел и его соратники отвергают христианского Бога. Их реальные последователи заменяют его на земного Бога – В.И. Ленина и последующих «вождей мировой революции», причём не только своих, отечественных, но и зарубежных. В Новом завете речь идёт о ветхозаветном Боге-Отце и Иисусе Христе – Боге-Сыне. У Демьяна Бедного в стихотворении «Незабываемое» «Богом-Отцом» является Карл Маркс, а лидер немецких коммунистов – Карл Либкнехт – выступает в роли «Бога-Сына»:

«…Великий сын из стран заветов отчих
Шёл по стопам великого отца,
И не было среди вождей рабочих
Отважнее и пламенней бойца.
Он вышел в бой с передовым отрядом
И первый пал от вражьего свинца.
И роем мы могилу сыну рядом
С священною могилою отца.
Хвала тому, кто жил и пал героем!
Пусть враг дрожит в предчувствии конца.
Товарищи, вперёд железным строем!
Мы старый мир до основанья сроем –
Таков завет и сына *(К. Либкнехт. – В.С.)* и отца *(К. Маркса. – В.С.)*»

(Д. Бедный «Незабываемое» («Памяти Карла Либкнехта»))

10 Тертуллиан. О покаянии // Тертуллиан. Избранные сочинения. – Москва : Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1994. С. 307.

В эпической поэме Владимира Маяковского «Владимир Ильич Ленин» можно найти много параллелей, связывающий жизнедеятельность Ленина с «новозаветной историей» её главных персонажей. Также, как и Христос, Ленин долгое время занимался «проповеднической» деятельностью («революционной борьбой») на чужбине (за границей).

В Евангелии можно увидеть постепенное открытие Христа людям в качестве Мессии, который продолжает проповеднический пафос ветхозаветных пророков, с одной стороны, и божественных установлений, с другой: «Не подумайте, что я пришёл отменить Закон или Пророков. Не отменить Я пришёл, а исполнить!» (Мф 5:17-18). В то же время, он выступает как низвергатель сложившихся устоев; как бунтарь, революционер, покусившийся на основы государства («не сотвори себе кумира» в лице «божественного» императора римской империи), общества и Церкви «фарисеев» и «законников» (Лк 12:49-53).

В произведении «Владимир Ильич Ленин» В. Маяковского Ленин не показан сразу в качестве уже сложившегося вождя партии и «мирового пролетариата», а в динамике, в процессе его мировоззренческой эволюции. В советской агиографии есть место в биографии Ленина, когда он, узнав о казни своего брата Александра за участие в террористической организации, сказал известную фразу: «Мы пойдём другим путём». Маяковский отражает этот переломный в жизни Ленина момент. Он усиливает важность момента тем, что даёт эти слова как клятву молодого Ильича. Затем поэт показывает рост Ленина, созревание его как революционера и вождя рабочего класса. Ленин учит рабочих соединять повседневную борьбу за улучшение жизни и условий труда с общими целями борьбы за социализм: «Тысячи раз одно и то же он вбивает в тугой слух». Работа даёт результаты. Клятва молодого Ленина превращается в великое революционное дело. Вместе со своими соратниками он создаёт партию – «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». О Ленине, ставшим лидером партии и находящемся в изгнании, Маяковский говорит следующее:

«Он учит
и сам вбирает знание».
(В. Маяковский «Владимир Ильич Ленин»)

Эти характерные черты Ленина можно отнести к каждому периоду его деятельности. Он учит народ, который всё более и более проникается революционным духом, становясь активной творческой силой истории. Активность Ленина со своими сподвижниками показана и в строках, рисующих подготовку и ход Октябрьской революции. Сам факт – рост народного самосознания – Владимир Маяковский и Демьян Бедный ясно связывают с работой Ленина, страница 21.

Здесь Ленин показан как величайший вождь революции, способный наметить правильную линию развития партии и страны на самых крутых поворотах революционного движения, где во всех делах революции и народа

«…видна
направляющая
ленинская мысль,
видна
ведущая
ленинская рука».

И подобно Христу в его проповеднической деятельности,

«Словам Ильичёвым – лучшая почва: падают, сейчас же дело растя, и рядом уже с плечом рабочего плечи миллионов крестьян». *(В. Маяковский «Владимир Ильич Ленин»)*	«А Ленин рабочий собирал авангард, Ковал пролетарское вооружение, - Чеканя партийный походный регламент, Подбирая для штаба надёжных людей, Цементировал несокрушимый фундамент Большевистских идей! Он видел взрывчатых сил нарастание, Слыхал он подземных громов рокотание, - «Учтены были силы и эта и та (Здесь – пролетарии, там беднота), - Он твёрдо знал, что «нет, не мечта – Всенародное вооружённое восстание!» - «Всенародное?!.. Это – химеры!..» - «Ленин, - трусы вопили, - да он сумасброд!» Мудрый Ленин им дал от ворот поворот. Как бесчисленны, как величавы примеры Изумительной ленинской веры В революционный народ!» *(Д. Бедный «Героический год»)*

«Бился
об Ленина
тёмный класс,
тёк
от него
в просветленьи,
и обданный
силой
и мыслями масс,
с классом
рос
Ленин».
(В. Маяковский «Владимир Ильич Ленин»)

Апостолы Христа стали правопреемниками Его Правды и учения. Такими же апостолами Октября стали ученики и соратники Ленина-Сталина, последующие вожди советского государства: Н.С. Хрущёв, Л.И. Брежнев и др. Ленинская правда меняла мировоззрение людей, сподвигала их двигаться вперёд по намеченному пути, невзирая ни на какие трудности:

В некоторых местах поэмы Маяковский нарушает принцип постепенного накапливания черт для характеристики образа Ленина и даёт его образ в виде полного исторического обобщения. Примером такого обобщения является отрывок, связанный с духовным родством Ленина и его учеников-соратников по общему революционному делу, входящих в большевистскую партию, которую он создал:

«А как умел он говорить, Как верили ему! Какой простор он мог открыть И сердцу, и уму!	Немало смелых эта речь На жизненном пути Смогла увлечь, смогла зажечь, Поднять и повести.	И те, кто слушали вождя Те шли за ним вперёд, Ни сил, ни жизни не щадя, За правду, за народ!..» *(А. Гайдар «В музее В.И. Ленина»)*

«Партия и Ленин –
близнецы-братья, -
кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим – Ленин,
подразумеваем –
партия,
мы говорим –
партия,
подразумеваем –
Ленин».
(В. Маяковский «Владимир Ильич Ленин»)

Этими строками поэт с исключительной силой выразил свой взгляд на роль и значение Ленина как создателя и вождя Коммунистической партии, которая после смерти вождя, ушедшего в «бессмертие своего великого дела», продолжила путь, предначертанный им при жизни:

«Мы только в заботах о деле, Завещанной нашей судьбе, Печали предаться не смели И боль подавляли в себе. И если б мы были иными, Согбенными горем своим, Мы памяти б той изменили, Которую свято храним. А спросим друг друга, брат брата, Товарищ товарища. – Нет! Утрата осталась утратой, И нету ей давности лет.	И может, чем ближе мы к цели, Указанной нам Ильичём, Не меньше, чем прежде скорбели, А больше мы будем о нём. Не смеркнула скорбная дата, Горит её памятный свет. Утрата осталась утратой, И нету ей давности лет. Бессрочна она и безмерна, Мы её в вечность несём. *Как Ленина дело бессмертно,* *Так память бессмертна о нём* (курсив мой. – В.С.)» *(А. Твардовский «Памяти Ленина»)*

В очерке «В.И. Ленин» Горький говорит о Ленине как о вдохновителе и вожде пролетариев всех стран. И хотя он не существует физически, но его голос «… всё громче, победоноснее звучит для трудящихся земли, и уже нет такого угла на ней, где бы этот голос не возбуждал волю рабочего народа к революции, к новой жизни, к строительству мира людей равных. Всё более уверенно, крепче, успешней делают великое дело ученики Ленина, наследники его силы»[11]. Заканчивается очерк словами о наследниках ленинского разума и его воли, которые «…живы и работают так успешно, как никто, никогда, нигде в мире не работал»[12]. В речи на пленуме Моссовета в 1928 году Горький говорит уже о наследниках Ильича как о некоем «коллективном» Ленине: «Дорогие товарищи, на Красной площади лежит Владимир Ильич Ленин. Здесь сидит коллективный Ленин. Этот Ленин должен как-то углубиться, он должен создать много Лениных, таких огромных, таких великих, таких настоящих, массовых, громадных Лениных» [14, с.164].

11 *Горький А.М.* В.И. Ленин // Русская советская литература: Учеб. хрестоматия для 11 кл. нац. шк. РСФСР. В 2-х ч. Ч 1. – Ленинград : Просвещение, Ленинг. отд-ние, 1991. С. 130.

12 *Горький А.М.* В.И. Ленин // Русская советская литература: Учеб. хрестоматия для 11 кл. нац. шк. РСФСР. В 2-х ч. Ч 1. – Ленинград : Просвещение, Ленинг. отд-ние, 1991. С. 137.

У Сергея Есенина в неоконченной им поэме «Гуляй-поле» (1924) Ленин – это человек, наделённый богатырской внутренней энергией, «мятежник», встревоживший весь мир. Поэт видит, что начатое Лениным великое дело после его смерти продолжают его соратники по борьбе и созданная им коммунистическая партия:

«И вот он умер…
Плач досаден.
Не славят музы голос бед.
Из меднолающих громадин
Салют последний даден.
Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он (курсив мой. – В.С.),

Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.
Для них не скажешь:
«Л е н и н у м е р!»
Их смерть к тоске не привела.
Ещё суровей и угрюмей
Они творят его дела… (курсив мой. – В.С.)»

Точно такие же слова, как и советские поэты, могли сказать и христианские апостолы о Христе после Его вознесения на небо:

«Не хнычем,
а торжествуем
и чествуем.
Ленин с нами,
бессмертен и величав.
По всей вселенной
ширится шествие –
мыслей,
слов
и дел Ильича».
(А. Гайдар «В музее В.И. Ленина»)

«Апостолов революции», верных соратников Ленина, сменяют их последователи, которые как эстафету передают «благодать» ленинского наследия. В стихотворении В. Фёдорова эта мысль звучит через призму духовной взаимосвязи поэтов двух разных поколений:

«Поколенья…
Мы двух поколений поэты.
Кто зажегся вперёд,
Тот вперёд отгорит.
Мы с тобой
Как ступени летящей ракеты:
Оторвётся одна,
А другая вперёд полетит»[13].

Советская литература утверждала непрерывную общность стремлений отцов и детей, старших и младших братьев. «Да, - пишет известный советский критик, - каждый возраст имеет свой опыт, свои стремления, но они вносятся в единый арсенал революционных идей и подвигов.

«Мы духом одно,
понимаете сами:
По линии сердца
нет раздела - »

Эти слова Маяковского, обращённые к младшим по годам товарищам, могут с полным правом повторить тысячи и тысячи людей – и в жизни, и в книгах»[14]. На смену отживших адептов советской веры приходит всё новое и новое поколение людей с общей верой в светлые идеалы ленинских идей и устремлений, страница 25.

13 *Гринберг И.Л.* Живые истины. Характеристики, сопоставления, выводы / И.Л. Гринберг. – Москва : Советский писатель, 1964. С.327.

14 Там же. С. 218-219.

В стихотворении Юрия Яковлева «Ленинский броневик» (1952) рассказывается о пионерском отряде, который проходил мимо бронзового изваянья В.И. Ленина. Для них он не является просто историческим персонажем прошлого, а есть живой свидетель грандиозных преобразований в стране и мире («Он, как живой, стоит сейчас…»); они – его прямые потомки, страница 25.

Культ «вождя мирового пролетариата» В.И. Ленина привел впоследствии к появлению множество культов его верных соратников, учеников и последователей. Причиной этому стала заданность схемы, предусматривавшей идеализацию героев дооктябрьского периода, Великого Октября, первых пятилеток и т.д. Ведя борьбу с институциональной Церковью, уничтожая ее святыни и издеваясь над ее святыми, большевики противопоставили им свои святыни и своих святых.

Список литературы

1. Ваарденбург Ж. Религия и религии: систематическое введение в религиоведение / Ж. Ваарденбург. – Санкт-Петербург: Издательство РХГА, 2016. 216 с.
2. Горький А.М. В.И. Ленин // Русская советская литература: Учеб. хрестоматия для 11 кл. нац. шк. РСФСР. В 2-х ч. Ч 1. – Ленинград : Просвещение, Ленинг. отд-ние, 1991. 352 с.
3. Гринберг И.Л. Живые истины. Характеристики, сопоставления, выводы / И.Л. Гринберг. – Москва: Советский писатель, 1964. 400 с.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Москва: Библ. информ. об-ние «Танаис»: ДИ-ДИК, 1994. 637 с.
5. Залкинд А. Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата // Родник. 1989. № 9. С.63-69.
6. Канонические евангелия. / Пер. с греч. В.Н. Кузнецовой. – Москва: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 350 с.
7. Колкунова К.А. Современные концепции квазирелигий // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Том 15. Вып. 1. С. 305-313.
8. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 309-311.
9. Митрополит Волоколамский Иларион. Четвероевангелие (Том 1): учебник бакалавриата теологии / Митрополит Иларион (Алфеев). – Москва: Общецерковная аспирантура и докторантура им. Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Издательский дом «Познание», 2017. 632 с.
10. Михайлов Д.Н. Проблема сакрализации власти в социально-философском дискурсе: автореф. дис. … канд. филос. наук / Д.Н. Михайлов. – Воронеж, 2007. 27 с.
11. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи; пер. с фр. Т.П. Емельяновой. – Москва: Академический проект, 2011. 396 с.
12. Московичи С. Машина, творящая богов / С. Московичи; пер. с фр. – Москва: Центр психологии и психотерапии, 1998. 560 с.
13. Овчаренко А.И. О положительном герое в творчестве М. Горького (1892-1907) / А.И. Овчаренко. – Москва: Советский писатель, 1956. 585 с.
14. Панков В.К. Горький и советская действительность / В.К. Панков. – Москва: «Московский рабочий», 1968. 352 с.
15. Тертуллиан. О покаянии // Тертуллиан. Избранные сочинения. – Москва: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1994. 448 с.
16. Angrosino M. Civil Religion Redux // Anthropological Quarterly. 2002. Vol. 75. № 2.

References

1. Waardenburg J. Religion and religions: a systematic introduction to religious studies / J. Waardenburg. - St. Petersburg: Publishing house of the Russian Academy of Sciences, 2016. 216 p.
2. Gorky A. M. V. I. Lenin // Russian Soviet Literature: Textbook. reader for the 11th grade of the national. school of the RSFSR. In 2 parts. Part 1. - Leningrad: Education, Leningrad Department, 1991. 352 p.
3. Grinberg I. L. Living truths. Characteristics, comparisons, conclusions / I.L. Grinberg. - Moscow: Sovetsky pisatel, 1964. 400 p.
4. Gumilyov L. N. Ethnogenesis and the biosphere of the Earth. - Moscow: Bibl. information. ob-nie "Tanais": DI-DIK, 1994. 637 p.
5. Zalkind A. The Twelve Sexual Commandments of the Revolutionary Proletariat // Rodnik. 1989. No. 9. P. 63-69.
6. Canonical Gospels. / Translated from Greek by V.N. Kuznetsova. - Moscow: Nauka. Publishing firm "Eastern Literature", 1993. 350 p.
7. Kolkunova K.A. Modern concepts of quasi-religions // Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2014. Vol. 15. Issue 1. P. 305-313.
8. Lenin V.I. Tasks of youth unions // Complete collected works. Vol. 41. P. 309-311.
9. Metropolitan Hilarion of Volokolamsk. The Four Gospels (Volume 1): a textbook for the bachelor's degree in theology / Metropolitan Hilarion (Alfeyev). - Moscow: General Church Postgraduate and Doctoral Studies named after Saints Cyril and Methodius, Publishing House "Poznanie", 2017. 632 p.
10. Mikhailov D.N. The Problem of Sacralization of Power in Social and Philosophical Discourse: author's abstract. diss. ... candidate of philosophical sciences / D.N. Mikhailov. - Voronezh, 2007. 27 p.
11. Moskovichi S. The Age of the Crowd. Historical treatise on the psychology of the masses / S. Moskovichi; trans. from French by T.P. Emelyanova. - Moscow: Academichesky Proekt, 2011. 396 p.
12. Moskovichi S. The Machine That Creates the Gods / S. Moskovichi; trans. from French. – Moscow: Center for Psychology and Psychotherapy, 1998. 560 p.
13. Ovcharenko A.I. On the Positive Hero in the Works of M. Gorky (1892-1907) / A.I. Ovcharenko. – Moscow: Sovetsky Pisatel, 1956. 585 p.
14. Pankov V.K. Gorky and Soviet Reality / V.K. Pankov. – Moscow: "Moskovsky Rabochy", 1968. 352 p.
15. Tertullian. On Repentance // Tertullian. Selected Works. – Moscow: Publishing Group "Progress", "Culture", 1994. 448 p.
16. Angrosino M. Civil Religion Redux // Anthropological Quarterly. 2002. Vol. 75. № 2.

«И вдруг встречам мы ребят И узнаём друзей: То юных ленинцев отряд Пришёл на сбор в музей.	Под знамя Ленина они Торжественно встают, И клятву партии они Торжественно дают:	Клянёмся так на свете жить, Как вождь великий жил, И так же родине служить, Как Ленин ей служил!	Клянёмся ленинским путём – Прямее нет пути! – За мудрым и родным вождём – За Партией идти!» *(А. Гайдар «В музее В.И. Ленина»)*

«…Фуражка скомкана в руке, Пальто распахнуто движеньем. На бронзовом броневике Стоит товарищ Ленин.	Как хорошо знаком он нам В огнях салюта, В гулких звуках! С брони навстречу новым дням Ильич протягивает руку.	Дорога наша широка. Проходят ленинцев отряды. Победный гром броневика Мы вечно слышим рядом».

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

CULTURAL STUDIES

Ма Ян

Аспирант. ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», г. Владимир.

Возрождение джазового саксофона в Китае в эпоху «реформ и открытости»*

Аннотация. Статья посвящена возрождению в 1980-1990-е годы в КНР джазового саксофона. Автор указывает на трудности, сопровождавшие данный процесс. Выявлены ключевые фигуры, заложившие основы современного развития китайского саксофонного джаза. Также определены основные факторы будущего развития в Китае джазового саксофона: исполнительство, международный обмен, аудиозаписи, инфраструктура, образование.

Ключевые слова: саксофон, джаз, жёлтая музыка, Лю Юань, Лу Тинцюань, Ду Иньцзяо, китайская музыка, музыка XX века.

Ma Yang

Postgraduate student. Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolay Grigorievich Stoletov, Vladimir.

The revival of jazz saxophone in China in the era of "reform and opening up"

Abstract. The article is devoted to the revival of jazz saxophone in the 1980-1990s in China. The author points out the difficulties that accompanied this process. The key figures who laid the foundations for the modern development of Chinese saxophone jazz are identified. The main factors of the future development of jazz saxophone in China are also determined: performance, international exchange, audio recordings, infrastructure, and education.

Key words: saxophone, jazz, yellow music, Liu Yuan, Lu Tingquan, Du Yinjiao, Chinese music, 20th century music.

После смерти Мао Цзедуна в 1976 году политический и экономический курс Китая изменились. В 1978 году правительство объявило о начале «политики реформ и открытости», в соответствии с которой страна вновь открывалась для внешнего мира. Однако, политическая либерализация, устранившая барьеры для новой музыки, искусства и других форм культуры со всего мира, далеко не сразу привела к снятию запретов на зарубежную поп-музыку.

Ещё в начале 1960-х годов в Китае укоренился идеологический термин «жёлтая музыка» (黄色音乐 – *непристойная, вульгарная музыка*). Первоначально обозначавший лирические песни Гонконга, Тайваня и Макао, данный термин в годы Культурной революции

* © Ма Ян, 2025.

Возрождение джазового саксофона в Китае в эпоху «реформ и открытости»

распространился на всю «буржуазную», то есть западную поп-музыку. Именно «жёлтая музыка» вызвала длительную общественную дискуссию, призванную ответить на вопрос: нужно ли принять (слушать, изучать, адаптировать) западную поп-музыку или нет? Поначалу ни о каком принятии речи не шло. В четвёртом выпуске журнала «Народная музыка» за 1981 год появилась статья Сяо Сина «Какой музыкальный стиль нам следует продвигать? Критика духа времени и звучания 1980-х» [9]. В ней обосновывалась оппозиция «культурной» социалистической музыки и «вульгарной» капиталистической. Годом позже данная оппозиция закрепилась в статье Чэнь Жунси «От песни к звучанию: два музыкальных стиля, два духа времени» [13]. В том же 1982 году вышло совместное постановление ЦК КПК и Госсовета КНР, официально запрещающее импортировать, тиражировать, транслировать и продавать «жёлтую музыку» в любых её формах [7]. Тогда же издательство «Народная музыка» опубликовало сборник эссе «Как распознать жёлтую музыку», в котором анализировались пути проникновения в Китай западной поп-музыки, а сама она беспощадно критиковалась [1]. Автор одной из статей 1983 года, ссылаясь на указанное постановление, всерьёз рассуждал о том, как под воздействием «музыки в стиле свинг» (имея в виду джаз) вянут тыквы, кабачки и кукуруза [10].

Между тем, экономические реформы набирали обороты. В 1984 году четырнадцать крупных прибрежных городов были открыты для международной торговли. Эксперимент дал большой финансовый эффект, а кроме того, привлёк большое количество молодёжи из бедных сельских районов в богатые города побережья. В потоке зарубежных товаров на побережье Китая попадала и западная аудио-продукция (вначале кассеты, а затем компакт-диски), помогавшая молодым китайским музыкантам сориентироваться в мире современной поп-музыки.

Вскоре запреты и ограничения были сняты, и с середины 1980-х годов молодёжь смогла беспрепятственно слушать рок, диско-музыку и, конечно, джаз. На волне мощного культурного притока саксофон вновь стал актуальным инструментом китайской эстрады.

Культурный статус джазового саксофона в Китае второй половины 1980-х годов был неустойчивым. Инструмент по-прежнему находился под официальным запретом, однако, наметились две позитивные тенденции. Во-первых, в музыкальное пространство Китая начали попадать современные западные саксофонисты. Во-вторых, на сцену вновь вышли китайские ветераны джазового саксофона, игравшие в молодости в Шанхае. Кратко охарактеризуем зарождение обеих тенденций.

Первым выступлением американского коллектива с саксофонами, получившим широкий резонанс, стал концерт «Джазового ансамбля университета Ховарда» (Howard University Jazz Ensemble, HUJE) 26 октября 1986 года в пекинском Столичном театре. На фото со сцены, впоследствии украсившем памятную пластинку ансамбля, видно, что в первом ряду оркестрантов сидят четыре саксофониста. Коллектив исполнил стандарты модерн-джаза, а также современные оркестровые композиции. «Ансамбль Ховарда» проложил дорогу в Китай американским саксофонистам.

Вторая тенденция – возвращение ветеранов джазового саксофона – зародилась уже в 1981 году. Это выглядит

удивительно, ведь джаз и саксофон в то время всё ещё прочно ассоциировались с идеологически вредной «жёлтой музыкой». В шанхайском отеле «Мир» (Peace Hotel) начал выступать ансамбль «Старый джазовый оркестр» (Old Jazz Band), собранный из пожилых шанхайских музыкантов – носителей довоенной джазовой традиции. К 2011 году в живых остался последний участник первого состава «Старого джазового оркестра», саксофонист Сунь Цзибинь (孙继斌). Он так описал создание коллектива: «Это было под Рождество тридцать лет назад. Благодаря реформам многие жители Запада приехали в Китай. Министерство иностранных дел (…) пригласило нескольких из нас и попросило сыграть западную музыку, чтобы иностранцы могли чувствовать себя в Китае как дома. Позже мы стали играть три дня в неделю, но руководство посчитало, что и этого недостаточно, и захотело, чтобы мы играли каждый день» [8]. Сегодня в коллективе играют пожилые музыканты следующего поколения, знакомые с шанхайской традицией по детским воспоминаниям и раритетным аудиозаписям. Ансамбли, подобные «Старому джазовому оркестру» до конца XX века появились в Шанхае, затем в Пекине и других крупных городах.

Также в 1980-е годы начались процессы, приведшие к важным результатам позже, уже в последнее десятилетие XX века. Будущие звёзды китайского джаза начали осваивать саксофон.[1] Перечислим наиболее заметные фигуры: Лю Юань – в 1984-м году, Цзинь Хао – в 1988-м, Лу Тиньцюань – в 1989-м.

Кроме того, во второй половине 1980-х годов начались долгосрочные визиты европейцев и американцев с целью развития джаза в Китае. Большинство из иностранцев направлялось в Пекин, где открывались посольства западных стран, формировалось современное студенческое и бизнес-сообщество. Например, американский тромбонист и будущий лидер фьюжн-группы «ALAS» Мэтт Робертс (Matt Roberts) приехал в КНР в 1987 году по студенческой учебной программе.

Отдельного упоминания заслуживает просветительская деятельность немецкого дипломата Мартина Флейшера (Martin Fleischer), приехавшего в Пекин в 1987 в качестве сотрудника посольства Германии. Считая себя «серьёзным и амбициозным музыкантом-любителем» [4, 119], он самостоятельно освоил джазовый контрабас, и теперь искал единомышленников среди местных музыкантов. Позже Флейшер вспоминал: «Я разместил рукописные объявления на английском языке в различных местах, например, в супермаркетах, и сказал, что ищу музыкантов, интересующихся джазовой музыкой и желающих играть» [2]. На объявление откликнулись несколько китайских музыкантов, в числе которых был молодой саксофонист Лю Юань. До встречи с Флейшером он играл только китайскую традиционную музыку и рок. Поэтому первый опыт игры в современном джазовом коллективе стал для китайского саксофониста настоящим трамплином в мир джаза. По словам Флейшера, «Лю Юань был первым китайским джазовым музыкантом [в Пекине], выступавшим на профессиональном уровне и серьезно интересовавшимся современным джазом» [4, 123]. Группа под названием «Совместное предприятие» (Joint Venture Jazz Band) была создана в 1987 году и объединила немецких и китайских музыкантов. Коллектив просуществовал всего несколько меся-

1 Многие из них до этого играли на других духовых – сона, гобое, кларнете или флейте.

цев, но вошёл в историю современного китайского джаза как первый интернациональный коллектив. Кроме того, Мартину Флейшеру следует поставить в заслугу открытие таланта саксофониста Лю Юаня.

В 1988 году Флейшер организовал ансамбль «Свингующие мандарины» (Swinging Mandarins), объединивший немецкого басиста, американского гитариста, китайских пианиста и барабанщика, а также франко-корейского саксофониста Фредерика Чо (Frederic Cho). «Свингующие мандарины» существенно расширили географию джазового сотрудничества в Пекине.

Таким образом, в 1980-е годы китайский джазовый саксофон окончательно вышел из забвения. Пока ещё не достигший новых художественных результатов, он начал активно участвовать в оживлении джазовой жизни в Китае.

Последнее десятилетие XX века стало для китайского джазового саксофона временем настоящего прорыва по многим направлениям. Были созданы новые, более современные и профессиональные ансамбли с солирующим саксофоном; китайские саксофонисты получили первое признание в мировом джазовом сообществе; преподавание инструмента стало частью молодого джазового образования в Китае; были записаны первые аудио-альбомы китайских джазовых саксофонистов.

В 1990 году уже упомянутый американский тромбонист Мэтт Робертс создал интернациональную группу «АЛАС» (ALAS) из местных музыкантов и сотрудников американского посольства в Пекине. На саксофоне играл Чжан Лунюнь (张龙云), исполнитель на сона из Центрального национального оркестра [3, 172-173]. Группа первой стала выступать с современным джазом за пределами посольского квартала: пять-шесть концертов в неделю помогли популяризировать джаз среди жителей столицы. Вскоре в Пекине появились другие современные ансамбли с участием саксофонистов: «Кора старого дерева» (老树皮) в 1990-м году, «Широкий угол» (广角) в 1992-м, «Пекинский союз джаза» (Beijing Jazz Unite) в 1993-м, «Левая рука» (左手乐队) в 1994-м, «Небесная площадь» (天场) в 1995-м, «Братья» (兄弟) в 1996-м. Они играли музыку в широком стилевом диапазоне: от джазовой традиции до современного этно- и поп-джаза. Эти коллективы создали основу интенсивной джазовой жизни в китайской столице: регулярно проводили концерты в клубах, отелях и кафе, а также участвовали в джэм-сэйшэнах.

Визиты американских саксофонистов в составе джазовых ансамблей и оркестров 1990-е годы стали регулярными. География международного сотрудничества расширилась в 1992 году, когда Китай с гастролями посетил бигбэнд швейцарского пианиста и аранжировщика Джорджа Грунца (George Gruntz). За ним последовал визит австрийского мульти-инструменталиста Хайнца фон Херманна (Heinz von Hermann). Играющий на саксофоне, кларнете и флейте европейский джазмен дал в 1994 году несколько концертов в Пекине. Во второй половине десятилетия европейские джазовые саксофонисты посещали Китай так же часто, как и американские.

Накопленный молодыми китайскими саксофонистами опыт закономерно привёл к появлению первых аудио-альбомов. Дебютной работой стал «Саксофон мечты» (梦的萨克斯) Ду Иньцзяо, записанный в 1991 году и получивший национальную премию за лучшую аудиозапись [6]. Рассчитанный на широкую аудиторию, данный альбом был выдер-

жан в стилистике смув-джаза. Годом позже дебютную пластинку «Сон персика» (梦桃花) выпустил Лю Юань. Исследовательница Чжао Ифэй отмечает в композициях альбома черты народной китайской музыки, свинга, фри-джаза, смув-джаза и фьюжн [12; 113, 115, 137].

К середине 1990-х годов мастерство китайских джазовых саксофонистов достаточно возросло для того, чтобы уверенно заявить о себе в сольных концертных выступлениях высокого уровня. Так, в 1993 году Ду Иньцзяо выступил на первом фестивале «Пекинская международная коллекция джаза» (впоследствии он играл ещё на шести таких фестивалях). На первых фестивалях «Пекинской коллекции» были представлены, в основном, иностранные джазмены. Но в 1997 мероприятие впервые открыл китайский коллектив – группа «Широкий угол» с саксофонистом Ду Иньцзяо в качестве солиста. Как отметил джазовый журналист Дэн Уэллет, «коллектив отлично справился со своей задачей, начав праздник со свингующих мелодий Билли Стрэйхорна, Дюка Эллингтона, Херби Хэнкока и Гленна Миллера» [11].

Другой саксофонист Лю Юань основал в 1995 году клуб «CD Café», быстро снискавший популярность среди иностранных джазменов, бывавших в Пекине. Помимо концертов и джэм-сэйшэнов, в клубе устраивались творческие встречи с всемирно известными джазменами. Например, в феврале 2000 года американский трубач Уинтон Марсалис провёл в «CD Café» семинар для местных музыкантов [3, 197]. Лю Юань играл в «CD Café» вплоть до его закрытия в 2012 году, став, таким образом, первым китайским саксофонистом, стабильно выступавшим на всемирно известной джазовой площадке.

Также в середине 1990-х годов саксофон начинает встраиваться в нарождающуюся систему джазового образования Китая. В 1993 году Лю Юань первым приступил к преподаванию специальности «джазовый саксофон» в только что созданной «Пекинской школе музыки MIDI». В 1995 году его сменил другой молодой музыкант – Лу Тинцюань. Он же стал автором первого китайского учебника по джазовому саксофону, изданного в 1997 году. В открывшемся в 1996 году джазовом колледже при Пекинской академии современной музыки также была введена специальность «саксофон». Также отметим преподавание саксофона на отделении поп-музыки, открытом в 1993 году в Шэньянской консерватории. Молодой педагог Лю Ян (刘焱) преподавал саксофон в разных направлениях поп-музыки, в том числе, и в джазе. Поэтому вклад Шэньянской консерватории можно считать важным шагом к становлению джазового саксофонного образования в Китае [5, 164].

Именно у первых китайских педагогов джазового саксофона во второй половине 1990-х годов начинала учиться талантливая молодёжь, которая сегодня достойно представляет китайский джаз на мировом уровне. Так, Чэнь Цзяцзюнь начал учиться игре на джазовом саксофоне в 1998 году в возрасте 13 лет. Через 4 года он попал в класс Чжана Сяолу, только вернувшегося со стажировки в США. Другой молодой саксофонист Ли Шихай начинал осваивать джазовый саксофон у преподавателя Шэньянской консерватории Гу Чжаохуэя. Затем он также попал в класс Чжана Сяолу.

Широкая мировая известность впервые приходит к китайскому джазовому саксофонисту в 1995 году. Этим музыкантом стал Цзинь Хао, записавший в

составе группы «Небесная площадь» дебютный альбом «Сделано в Китае» (Made In China). Эту работу продюсировал известный американский джазовый пианист и композитор Дэн Сигал. Музыка альбома отличается свежим прочтением джазовой идиомы, а также выверенным балансом национальных китайских и интернациональных джазовых элементов. В начале 1996 года состоялась мировая премьера «Сделано в Китае», после чего группа «Небесная площадь» отправилась в концертный тур по Австралии. В дальнейшем Цзинь Хао несколько лет прожил в США, и объехал с гастролями весь мир.

К концу 1990-х годов относится зарождение традиции получения зарубежного джазового образования китайскими саксофонистами. Первопроходцем в этом направлении выступил молодой саксофонист Чжан Сяолу: в 1999-2002 годах он обучался в Бостонском университете у известного джазового педагога Майкла Моргана. Примечательно, что его дедушка Чжан Пэйюань самостоятельно освоил саксофон, был одним из первых саксофонистов Шанхая, и даже играл в 1930-е годы в шанхайском танцзале «Парамаунт». Детство самого Чжана Сяолу закономерно прошло под джазовую музыку [14].

Таким образом, 1990-е годы в истории китайского джазового саксофона оказались временем выхода на профессиональный уровень, временем плодотворного сотрудничества с иностранными коллегами и первого международного признания. В силу исторических причин китайские джазовые саксофонисты, наряду с джазменами других специальностей, получили уникальную возможность одновременного освоения множества джазовых стилей и жанров. Достигнутые художественные результаты показали, что данная возможность была использована. Ценно и то, что китайский джазовый саксофон уже в 1990-е годы заявил о себе как национальный инструмент. Этому во многом способствовал опыт таких основоположников как Лю Юань в игре китайской традиционной музыки.

Список литературы

1. Как распознать жёлтую музыку. Пекин: Народное музыкальное издательство, 1982. 60 с.
2. Ласковски К. Контрабасист погружается в историю джазовой сцены города // URL: https://global.chinadaily.com.cn/beijing/2010-03/29/content_12388750.htm (Дата обращения: 04.06.2024)
3. Ли Мо. История джаза в Китае: от желтой музыки к возрождению джаза в Пекине. Магистерская диссертация. Государственный университет Кента, Огайо, США. 2018. 279 с.
4. Марлоу Ю. Джаз в Китае: от музыки танцзалов к индивидуальной свободе выражения. – Джексон: Издательство Университета Мисиссипи, 2018. 288 с.
5. Покрус Дж. Саксофон в Китае: исторические характеристики и развитие: дисс. … доктора муз. искусств. – Дентон: университет Северного Техаса, 2018. 222 с.
6. Преподаватель саксофона Ду Иньцзяо // URL: http://www.unwtt.com/teacher/2505.html (Дата обращения: 22.08.2024)
7. Пять правил. Центральная комиссия по проверке дисциплины Коммунистической партии Китая Министерства общественной безопасности. 1982.
8. «Старый джазовый оркестр» отеля «Мир» очаровывает голландскую публику // URL: https://helanonline.cn/archive/article/2536 (Дата обращения: 03.06.2024)
9. Сяо Син. Какой музыкальный стиль нам следует продвигать? Критика «духа времени и звучания 1980-х» // Народная музыка, 1981. № 4. С. 5-7.
10. Тянь Тин. Дискуссия на тему «жёлтой музыки» // Современная коммуникация: Журнал коммуникационного университета Китая, 1983. № 3. С. 85-86.
11. Уэллетт Д. Первые просмотры: Пекинский международный джазовый фестиваль // URL: http://www.jazzhouse.org/library/index.php3?read=ouellette1 (Дата обращения: 04.06.2024)
12. Чжао Ифэй. Становление и развитие джазового искусства в Китае: дисс. ... канд. иск.: 17.00.02. – Нижний Новгород: Нижегородская государственная консерватория им. М.И. Глинки, 2022. 183 с.
13. Чэнь Жунси. От песни к звучанию: два музыкальных стиля, два духа времени // Научный вестник Синхайской консерватории, 1982. № 4. С. 78.
14. Юэ Шэн. Чжан Сяолу: саксофонист с танцующими пальцами // URL: http://www.360doc.com/content/17/0216/13/17976275_629433181.shtml (Дата обращения: 04.06.2024)

References

1. How to Recognize Yellow Music. Beijing: People's Music Publishing House, 1982. 60 p.

2. Laskowski, K. A Double Bassist Delves into the History of the City's Jazz Scene // URL: https://global.chinadaily.com.cn/beijing/2010-03/29/content_12388750.htm (04.06.2024)
3. Li, Mo. A History of Jazz in China: From Yellow Music to the Jazz Revival in Beijing. Master's Thesis. Kent State University, Ohio, USA. 2018. 279 p.
4. Marlow, Y. Jazz in China: From Dance Hall Music to Individual Freedom of Expression. – Jackson: University of Mississippi Press, 2018. 288 p.
5. Pokrus J. Saxophone in China: Historical Characteristics and Development: Diss. ... Doctor of Musical Arts. - Denton: University of North Texas, 2018. 222 p.
6. Saxophone teacher Du Yinjiao // URL: http://www.unwtt.com/teacher/2505.html (08.22.2024)
7. Five Rules. Central Commission for Discipline Inspection of the Communist Party of China, Ministry of Public Security. 1982.
8. "Old Jazz Orchestra" of the Mir Hotel Charms the Dutch Audience // URL: https://helanonline.cn/archive/article/2536 (06.03.2024)
9. Xiao Xing. What kind of music style should we promote? Critique of the "spirit of the times and the sound of the 1980s" // Folk Music, 1981. № 4. P. 5-7.
10. Tian Ting. Discussion on the theme of "yellow music" // Modern Communication: Journal of the Communication University of China, 1983. № 3. P. 85-86.
11. Ouellette D. First views: Beijing International Jazz Festival // URL: http://www.jazzhouse.org/library/index.php3?read=ouellette1 (04.06.2024)
12. Zhao Yifei. Formation and development of jazz art in China: diss. ... cand. art.: 17.00.02. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Conservatory named after M.I. Glinka, 2022. 183 p.
13. Chen Rongxi. From Song to Sound: Two Musical Styles, Two Spirits of the Times // Scientific Bulletin of the Xinghai Conservatory, 1982. № 4. P. 78.
14. Yue Sheng. Zhang Xiaolu: Saxophonist with Dancing Fingers // URL: http://www.360doc.com/content/17/0216/13/17976275_629433181.shtml (04.06.2024)

Рыжова В.А.

Старший преподаватель Высшей школы социальных и политических наук ФГБОУ ВО «Тихоокеанский, государственный университет», г. Хабаровск.

Легитимность харизматического политика и способы его персонификации в современных политических условиях (на материале российского и китайского лингвокультурологического сообщества)*

Аннотация. На сегодня политологические и лингвокультурологические исследования существуют, практически, в непересекающихся плоскостях. Вместе с тем, уже в гипотезе лингвистической относительности (Э. Сэпира и Б. Уорфа) показывается, что именно языковая картина мира конструирует систему детерминаций, приводящих именно к такому поступку, такой коммуникации и т.д. В настоящей работе мы попытаемся показать, как модель харизматичного политика, выдвинутая классиком обществознания М. Вебером, может быть дополнена и аргументирована средствами лингвокультурологии. Мы исходим из того, что национальная мифологема, понимаемая как устойчивый конструкт, на котором базируется национальное мировоззрение, закрепляется в языке. Закрепившись, она начинает оказывать мощнейшее воздействие и на поведение лидера, и на систему коллективных действий. Для анализа таких устойчивых конструктов выбраны лингвокультурологические сообщества России и Китая. Однако начнем все же с анализа концепции М. Вебера о политике как призвании и как профессии.

Ключевые слова: харизматический политик, персонификация, мифологема, идеологема.

Ryzhova V.A.

Senior Lecture. The School of Social and Political Studies of the Pacific National University, Khabarovsk.

The legitimacy of a charismatic politician and the ways of his personification in modern political conditions (based on the Russian and Chinese linguacultural community)

Abstract. Today, political science and linguistic and cultural studies exist, practically, in disjoint planes. At the same time, it is already shown in the hypothesis of linguistic relativity (E. Sapir and B. Whorf) that it is the linguistic picture of the world that constructs a system of determinations leading to just such an act, such communication, etc. In this paper, we will try to show how the model of a charismatic politician, put forward by the classic of social studies M. Weber, can be supplemented and argued by means of linguoculturology. We proceed from the fact that the national mythologeme, understood as a stable construct on which the national worldview is based, is fixed in the language. Once established, it begins to have a powerful impact on both the behavior of the leader and the system of collective actions. The linguistic and cultural communities of Russia and China have been selected to analyze such stable constructs. However, let's start with an analysis of M. Weber's concept of politics as a vocation and as a profession.

Key words: charismatic politician, personification, mythologeme, ideologeme.

* © Рыжова В.А., 2025.

Легитимность харизматического политика и способы его персонификации в современных политических условиях (на материале российского и китайского лингвокультурологического сообщества)

Исследуя политические процессы, невозможно не задаться вопросом о применимости веберовской концепции харизматического господства и личности харизматичного политика. Кроме того, интересной становится проблема когнитивного моделирования образа харизматичного политика (прототипического вождя) средствами лингвакультурологических инструментов – архетипов, мифологем и идеологем.

Являясь классиком социологии и крупнейшим политическим мыслителем, М. Вебер в своей работе «Политика как призвание и профессия» оперирует такими понятиям как «власть», «легитимность», «господство». Через эти основные категории ученый описывает феномен власти и аспекты ее персонификации. Однако начинает он свое научное повествование с понятия «Политика». В широком смысле политика может иметь множество определений, но в политической социологии М. Вебера установлены четкие рамки означивания данного термина: «Политика означает стремление к участию во власти или оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами или внутри государства, между группами людей, которых оно в себе содержит» [2].

Далее следует пояснить определение государства, описанного в его курсе «Основные социологические понятия». Ученный подчеркивает процессуальный характер понятия «государства», так как трактует его через определение «das Handeln», что в переводе с немецкого означает «поступок» [2, 29]. По мнению М. Вебера, государство способно решать множество задач разного характера. Однако нет такой задачи, которая была бы присуща исключительно государству. Поэтому, с одной стороны, нельзя рассматривать «государство» лишь как социологический феномен. Но с другой стороны, можно дать социологическое определение «государству» исходя из «специфики применяемого им, как и всяким политическим союзом, физического насилия».

Государство способно силой навязать порядок, при этом основные характеристики порядка не так важны, как средство – легитимное насилие. «Насилие» по Веберу не что иное, как «преодоление сопротивления». Таким образом чужая воля должна быть сломлена именно как воля, то есть подчинена или перенаправлена [2, 33].

Однако, по мнению ученого, если бы порядок был обеспечен только грубой силой, то он мог бы быть нарушен ответной силой и противостоянием. Следовательно, порядок обеспечивается также верой масс в легитимность господствующей власти, то есть политиков.

Согласно теории М. Вебера всех без исключения представителей власти можно отнести к одной из двух категорий – те, для кого политика есть призвание, и те, для кого политика – профессия. Деятельность представителей первой категории можно определить как действия «для политики» – либо они открыто наслаждаются властью, либо самоутверждаются и обогащают чувство собственного достоинства и собственно значимости из осознания того, что «служат общему делу». В реальности же довольно сложно разграничить две этих категории, поскольку «профессиональный» политик так же может быть политиком «по призванию». Но мысль о призвании в его высшем выражении интересует М. Вебера с позиции «господства, основанного на преданности тех, кто подчиняется личной харизме вождя» [2, 46].

Харизма как политическая катего-

рия наполнена двумя разными смыслами:

- реальная вера, реальная надежда на спасителя-политика;

- прямая отсылка к религиозной тематике: «связь посустороннего поведения не с моментальной хозяйственной потребностью, но с благами политика-героического спасения» [2, 34].

Рассмотрим противоречие в концепции харизмы, предложенной Максом Вебером. Анализ его работ выявляет двойственное использование этого термина, что и порождает кажущуюся внутреннюю несогласованность. С одной стороны, Вебер определяет харизму как исключительное, внесистемное явление, существующее лишь в зародышевом состоянии (in statu nascendi). Это исключительная, почти мистическая способность, не вписывающаяся в рамки существующих социальных структур и порядков. Это спонтанное, непредсказуемое проявление лидерских качеств, которое выходит за рамки обыденного и рационального. Представьте себе внезапное появление гениального полководца, который своим обаянием и убедительностью вдохновляет армии на невероятные подвиги, - это и есть харизма в ее чистом, первозданном виде. Однако, с другой стороны, Вебер неоднократно применяет понятие харизмы для описания уже устоявшихся институциональных структур. Он показывает, как первоначальная, спонтанная харизма вождя может трансформироваться и институционализироваться, сохраняя при этом свою силу, пусть и в видоизмененном виде.

Здесь мы сталкиваемся с парадоксом: как нечто по определению спонтанное и внесистемное может стать частью системы? Разгадка, вероятно, лежит в механизмах преемственности и легитимации власти. М. Вебер подчеркивает, что фундаментом власти харизматического лидера служит не традиция, а эмоциональная вера последователей в его исключительные качества. Эта вера формирует «эмоциональное сообщество», группу людей, объединенных не рациональными аргументами или традиционными нормами, а глубоким, почти религиозным поклонением своему вождю. Это сообщество сплочено эмоциональной привязанностью, а не какими-либо формальными обязательствами.

Однако, такая власть крайне неустойчива. Она держится на тонкой нити веры, которая может разорваться в любой момент. Харизматический лидер постоянно должен подтверждать свои исключительные качества, подпитывать веру своих последователей, демонстрируя свои способности, иначе его власть рухнет. Эта хрупкость – ключевая проблема харизматического господства. Вебер показывает, что постоянное подтверждение харизмы – это не просто демонстрация силы или ума, это непрерывное поддержание эмоционального напряжения, постоянная игра на чувствах и ожиданиях последователей. В своей работе М Вебер приводит многочисленные примеры харизматических лидеров: революционные вожди, героические государственные деятели, выдающиеся полководцы, религиозные пророки, маги и другие. Их объединяет наличие «магических способностей», пророческого дара, исключительной силы духа и слова, необыкновенных организаторских и лидерских талантов.

Важно подчеркнуть, что Вебер анализирует харизму без оценки содержания идей и целей лидера. Его научный подход отделяет феномен харизмы от моральной и политической оценки деятельности харизматической личности.

В этом суть объективности веберовского подхода – он описывает механизмы функционирования харизмы, не занимаясь ее ценностной оценкой. Этот аспект его исследований является ключевым для понимания нейтральности научного подхода и отличия социологического анализа от морального суждения. В таком случае, незаурядный политик, сам являясь транслятором своих идей, убеждений и качеств, способен подчинить своей воле народные массы. Среди таких деятелей нередко встречались фанатики, подчиняющие собственной воле целы народы.

На современном этапе развития социальной политики активно используются приемы формирования образа и имиджа того или иного политика с целью формирования общественного мнения для последующей легитимизации господства представителей власти, печатные, радио- и видеоисточники информации.

Имидж (от англ. image – «образ», «изображение», «отражение») – совокупность представлений, сложившихся в общественном мнении и том, как должен вести себя человек в соответствии со своим статусом, и как должен соотносить права и обязанности в данном статусе. В PR-технологиях «имидж» рассматривается не как реальная социальная персона, а как представление ее в СМИ и видение ее адресной аудиторией [3]. С психологической точки зрения имидж представляет собой интегральную, индивидуальную характеристику личностных и профессиональных качеств, которые воспринимаются общественностью целостным образом [5].

Имидж создается с целью формирования в массовом сознании определенного отношения к объекту, и может сочетать в себе как реальные свойства объекта, так и несуществующие, а лишь приписываемые. Иными словами, имидж способен заменить реальный объект, соответствующий идеальному образу политика. Функциональность создаваемого имиджа имеет первостепенное значение для успешной политической деятельности лидера государства.

Современные эмпирические исследования в области психологии лидерства продемонстрировали, что в реальной политической практике харизма лидера может не быть связана с каким-либо уникальным талантом. Она часто является результатом некритического восприятия его образа сторонниками и последователями. Подобная харизма зачастую формируется благодаря искусной демагогии и популизму, а также через мощное влияние на аудиторию с помощью СМИ или в других формах политического дискурса, таких как предвыборные дебаты и агитационные материалы.

В лингвистике появился термин «мифологема» в ответ на растущий интерес к изучению глубинных значений определенных языковых элементов, а именно психологических праформ – неизменных структур, помогающих классифицировать и систематизировать множество абстрактных концепций, которые разум получает из окружающей среды.

Этот термин был позаимствован из психологических трудов К. Юнга, который понимал под мифологемами устойчивые, повторяющиеся модели общечеловеческого мышления, отражающие реальность через чувственные и конкретные ассоциации, воспринимаемые человеческим сознанием как нечто объективно существующее [6].

Интерпретация термина «мифологема» в современной лингвистике ведется

от концепции мифологий Р. Барта, согласно которой, ведущим определением мифа является слово-мифологема как форма, наполненная социальным содержанием, со своей исторической и культурной границами и условиями ее употребления [1].

Согласно теории Р. Барта о первичной (Мир Действий) и вторичной (Мир Ценностей) семиотических системах, разделяемых мифом, мифологема – феномен вторичной семиотической системы, воздействующий на получателя информации через МЦ. Иными словами, все в МД поддается объяснению и внушению, мифом в нем становится то, что покрывается в тексте/дискурсе мифологемами.

Так, в политическом дискурсе широко используются мифологемы, подчеркивающие статус лидеров государств. Повествование о них обрастает всевозможными подробностями и для следующих поколений становится мифом. Интересным представляется тот факт, что для каждого этноса характерен свой набор мифологем подобного рода, но смысл их сводится к одному – формирование образа харизматического политика: ***«Великий кормчий»*** (основатель КНР – Мао Цзэдун); ***«Великий Вождь» (***недавний лидер КНДР – Ким Ир Сен, теоретически обосновавший вождизм); ***«Великий руководитель»*** – его приемник Ким Чен Ир; ***«Елбасы»*** (т.е. ***«Лидер нации»***) – официальный титул Нурсултана Назарбаева; в авторитарной социалистической Румынии времен культа личности пафосных номинаций Николае Чеушеску было слово ***«Вождь»***; в СССР после Октябрьской революции 1917 года стал использоваться титул ***«Вождь»*** во множественном и единственном числе применительно к В.И.Ленину и Л.Д. Троцкому – ***«Вожди Красной армии»***, Г.Е. Зиновьеву – ***«Вождь Коминтерна»*** и т.п.; в официальной публицистике в отношении И.В. Сталина использовалось выражение ***«Великий вождь и учитель»***, а прежние номинации практически вышли из употребления.

Поле функционирования приведенных выше мифологем находится в коммуникационном пространстве политического дискурса, основная интенция которого – борьба за власть. Таким образом, прагматические установки мифологем в политическом дискурсе определяются довольно четко – внушать, манипулировать, подчинять, опираясь на архетипические знания человечества как на область психологических ролевых образов.

Если рассматривать мифологемы, формирующие образ политика с точки зрения теории речевых актов с учетом организации временного контекста, можно представить мифологему, встроенную в нарратив. В своей воздействующей функции она репрезентируется ассертивом, представляющим определенный миф, стремясь управлять сознанием адресата, исключая любые альтернативные интерпретации значений. Причем, мифологема направлена на прошлое и опирается на прототипическую установку.

В лингвистической парадигме современной науке идеологема как феномен рассматривалась многими отечественными и зарубежными учеными (М.М. Бахтин, Р. Барт, Н.А. Купина, А.П. Чудинов, Т.Б. Ратбиль, Г. Гусейнов и др.). Обобщая уже существующие теоретические положения, идеологему следуют понимать как универсальную мыслительную когнитивную единицу идеологической картины мира, объективизирующийся в текстах/дискурсе вербальными средствами, такими языковыми единицами, как «мировоззрен-

чески насыщенное слово», обладающее суггестивной силой, воздействующей на мысли, сознание и поведение представителей отдельно взятого языкового сообщества.

Вместе с тем особый интерес представляет проблема когнитивного моделирования как поиска корреляции между языковыми единицами, выражающими идеологемы вождизма, отражающими образ харизматического политика, с одной стороны, и ментальными структурами представлений о данной идеологеме у носителей конкретного лингвокультурного сообщества, с другой стороны.

Концептуальный анализ позволит выявить ядро исследуемой идеологемы. С помощью построения когнитивной карты становится возможным репрезентация процессов в ментальных структурах адресата, что позволяет моделировать их представление о том или ином политике, внушая представления о нем как о «харизматическом вожде». Операционный код обеспечит базу для отбора когнитивных ориентаций, занимающих центральное место в когнитивной структуре единого лингвокультурного социума.

В качестве иллюстрации приведем примеры из национального корпуса китайского языка. В отобранных предложениях представлены языковые единицы, передающие идеологему Вождь: 世界无产阶级的领袖 (**Вождь** мирового пролетариата); 伟大领袖 (Великий **Вождь**); 人民的领袖 (**Вождь** народа); 党的领导 (**Вождь** партии)**;** 革命领导者 (**Вождь** Революции)**;** 思想领袖 (Идейный **Воджь**); 清神领袖 (Духовный **Вождь**); 歌颂领导 (воспевать **Вождя**); 领导死亡 (смерть **Вождя**); 自封的领袖 (самозванный **вождь**); 首领球队 (**вождь** дружины); 北美印第安首领 (**Вождь** краснокожих) и т.д.

В текстах на китайском языке, отражающих деятельность «харизматического политика» (прототипического вождя), используются следующие идеографические знаки: 领袖 *(воротник + рукова)* – вождь, лидер; 领导 *(воротник + направлять)* – руководитель, лидер, вождь; 首领 *(голова + воротник)* – глава, вождь, предводитель, вожак, главарь, атаман; 首脑 *(голова + мозг)* – глава, вождь, вожак.

Соответственно, концептосферу данного идеологического знака для носителей китайского лингвокультурного сообщества представляется следующим образом: в центре находится концепт «Вождь», на периферии располагаются концепты «Лидер», «Глава», «Руководитель», «Вожак», «Главарь».

Когнитивная карта представлений китайцев о «харизматических вождях» сводится к следующей модели: 领袖（领导、首领、首脑）– политический деятель строго на вершине политической власти, а вниз по вертикали находятся 群众 （选民） – народные массы (электорат).

Операционный код, соответствующий данной когнитивной модели представителей единого социума носителей китайского языка и культуры о личности политического деятеля, позволяет выделить когнитивно-ориентированную модель идеологемы ВОЖДЬ директивом: «Следуй моим указаниям!». Тогда как в русском языковом и культурном сознании описываемая идеологема раскрывается директивом «За мной!»

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить растущий интерес к социальному феномену политического лидерства, а также исследованию проблем персонификации власти. В данной статье была проведена попытка на основе веберовского науч-

ного социально-политического наследия о политиках «по профессии» и «по призванию» описать способы формирования общественного мнения о харизматическом политике по средствам мифологем и идеологем. Механизм использования данных инструментов заключается в укладывание в словестную речевую формулу сложных явлений и понятий из Мира Ценностей, с целью побуждения реципиента к действию в Мире Действий [4].

Суггестивность мифологем и идеологем как лингвопрагматических инструментов мифотворчества при создании образа харизматического политика передается их способностью воздействовать на чувства и управлять эмоциональным состоянием носителей единого культурного и социолингвистического пространства. С одной стороны, и мифологема и идеологема основываются на разграничении идей и действий, с другой стороны, только миф собирает в себе весь опыт человечества, а идеологема направляет массовое сознание на действие в реальном мире.

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии. Mythologies [Текст] / Р. Барт; пер. с фр. С. Зенькин. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 312с.
2. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер; [пре. с нем. и вступит. ст. А.Ф. Филиппова]. – М.: РИПОЛ классик. 292 с.
3. Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ // PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. – Екатеринбург, 2008. 282 с.
4. Рыжова В.А. Идеологема и мифологема как прагматическое ядро высказывания // Вестник Иркутского государственного университета. – Иркутск, 2014. № 1. С. 27-31.
5. Фатыхова Д.Р. Роль социальных медиа в формировании имиджа политика //Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 4. С. 263-265.
6. Юнг К.Г., Кереньи К. О мифологеме. Введение в сущность мифологии [Текст] / К.Г. Юнг. Душа и миф: шесть архитипов. – М.: 1997. С. 13.

References

1. Bart R. Mythologies. Mythologies [Text] / R. Bart; trans. from French by S. Zenkin. – M.: Sabashnikov Publishing House, 2000. 312 p.
2. Weber, M. Politics as a Vocation and Profession / M. Weber; [prev. from Germ. and introduction by A.F. Filippova]. – M.: RIPOL classic. 292 p.
3. Rusakova O.F., Rusakov V.M. PR-discourse: theoretical and methodological analysis // PR-discourse: theoretical and methodological analysis. - Ekaterinburg, 2008. 282 p.
4. Ryzhova V. A. Ideologeme and mythologem as a pragmatic core of an utterance // Bulletin of Irkutsk State University. – Irkutsk, 2014. № 1. P. 27-31.
5. Fatykhova D.R. The role of social media in shaping the image of a politician // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2014. № 4. P. 263-265.
6. Jung K.G., Kerenyi K. About the mythologem. Introduction to the essence of mythology [Text] / K.G. Jung. Soul and myth: six archetypes. – M .: 1997. P. 13.

Козыренко Н.Е.

Кандидат архитектуры, доцент, архитектор. ООО «Сегмаг», Харбин, Китай.

Козыренко И.С.

Старший преподаватель. Тихоокеанский государственный университет Хабаровск, Россия.

Профессиональная архитектура в стиле китайское барокко (Харбин)*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об авторстве сооружений в стиле китайского барокко, построенных в начале XX в. в китайском городе Харбина. Сегодня данному стилю уделяется большое внимание и в том числе авторству исторических архитектурных памятников [1]. Данная тема актуализировалась в связи с реконструкцией района Дао Вай (Фудзядьзянь), с восстановлением разрушенных объектов и со строительством новых зданий в аналогичном стиле. Основным методом исследования были натурные обследования объектов, которое проводилось с 2002 г. К основным результатам исследования относятся электронные обмеры крупных объектов, систематизация полученных материалов, архитектурный, композиционный анализы фасадов сооружений и семантический анализ декоративных деталей.

Анализ 54 объектов позволили прийти к выводу, что это не народная архитектура, которую разработали китайские ремесленники. Это профессиональная архитектура с ярко выраженными стилистическими признаками. Авторами проектов сооружений в стиле китайского барокко были российские архитекторы, которые в это время работали в Харбине. Именно они определили генетический код стиля, который раскрывается через архитектурные детали, обладающих благопожелательной символикой.

Ключевые слова: реконструкция, китайское барокко, архитектура, стиль, среда, функции, композиция, детали, символы.

Kozyrenko N.E.

Candidate of Architecture, Associate Professor, Architect. «Segmag» LLC, Harbin, China.

Kozyrenko I.S.

Senior Lecturer. Pacific State University Khabarovsk, Russia.

Professional architecture in the Chinese baroque style (Harbin)

Abstract. The article examines the question of the authorship of the Chinese Baroque buildings built in the early twentieth century in the Chinese city of Harbin. Today, much attention is paid to this style, including the authorship of historical architectural monuments [1]. This topic has become relevant in connection with the reconstruction of the Dao Wai district (Fujiajian), the restoration of destroyed facilities and the construction of new buildings in a similar style. The main research method was field surveys of objects, which have been conducted since 2002. The main research results include electronic measurements of large objects, systematization of the obtained

* © Ма Ян, 2025.

Возрождение джазового саксофона в Китае в эпоху «реформ и открытости»

materials, architectural and compositional analyses of facades of structures and semantic analysis of decorative details. An analysis of 54 objects led to the conclusion that this is not a folk architecture that was developed by Chinese artisans. This is a professional architecture with pronounced stylistic features. The authors of the Chinese Baroque buildings were Russian architects who were working in Harbin at the time. It was they who determined the genetic code of the style, which is revealed through architectural details with benevolent symbols.

Key words: reconstruction, Chinese Baroque, architecture, style, environment, functions, composition, details, symbols.

Харбин, в конце XIX в., был образован недалеко от деревни Фудзядьзянь, которая имела типичную структуру и организацию пространства. Она не вошла в полосу отчуждения и длительное время активно развивалась самостоятельно. Расположение рядом с русским городом влияло на ее рост (торговля, рабочая сила, производство продуктов и т. д.) и поселение становится городом, превосходящим Харбин по численности населения. Но застраиваться китайский город продолжал фанзами и мазанками, которые возводились за один день. Все они были многофункциональные - жилье, торговля, производство, хранение. В начале XX в. Фудзядьзянь резко меняет направление в формировании городской среды. В китайском городе начинается строительство крупных объектов, стиль которых впоследствии был определен как китайское барокко. Новые здания резко отличались от архитектуры русского города. Не было таких архитектурных решений и в европейских концессиях.

Кардинальной сменой застройки традиционного китайского города послужил тот факт, что в начале XX в. он становится центром национальной экономики и промышленности. Фудзядьзянь стал притягивать иностранные капиталы из Шанхая, Пекина, Хэбэйя и других городов. Экономический фундамент был основан представителями элитой национальной промышленности и торговли. Финансовый поток стимулировал развитие торговых домов (магазины, универмаги), коммерческих фирм, банков, гостиниц. Заказчиками становятся крупные китайские бизнесмены, которые не только стремились под строительство своих объектов выбрать престижное местоположение, но и выделить их в застройке представительным видом.

Китайские исследователи считают, что авторами сооружений были местные ремесленниками и здания в стиле китайского барокко являются народным творчеством. Они определяют его как гибрид – смесь европейских и азиатских мотивов [1]. Некоторые исследователи пытаются найти чертежи сооружений [2]. Единственный чертеж, выполненный российским автором, мы увидели в частном музеи господина Сонга «Фудзядьзянь». Из-за плохого качества мы не приводим его в качестве примера. Он содержит все необходимые проекции здания, подписанные на русском языке.

Для того чтобы построить крупные сооружения необходима проектная документация и обязательное согласование и утверждение проекта в соответствующих городских органах. Очевидно, что китайские ремесленники не имели навыков выполнения рабочих чертежей и опыта строительства крупных объектов. По мнению известного китаеведа А. Маслова китайцы

являются отличными копистами. Они могут сделать хорошую копию с оригинала [3]. Но дело в том, что китайские ремесленники не видели европейское барокко в реальности ни в Китае, и тем более в Европе.

При проектировании и строительстве любого объекта участвуют двое: заказчик и исполнитель (архитектор). Активную роль в данном случае играл архитектор. Определяя стиль престижных сооружений, он владеет необходимыми знаниями (не исключаем, что видел подобные здания в Европе), знает строительное производство и имеет опыт в разработке строительных чертежей. И первые состоятельные китайцы для проектирования универмагов обратились к профессиональным архитекторам, которые знали весь процесс строительства. Выполняя заказы харбинские архитекторы отдали предпочтение стилю барокко. Не только за иллюстрированность и насыщенность фасадов, но и потому что данный стиль символичен. Разрабатывая сооружения, фасады которых были насыщены магическими детали, они понимали, что создают новую архитектурную эстетику. Для зодчих это стало своеобразным экспериментом, а для китайцев – это желанием создать новое пространство, исходя из собственных представлений о парадности и красоте. Скорее всего, ими двигало желание противопоставить новый Фудзядьзянь русского Харбину.

Стиль китайское барокко, пожалуй, самый загадочный. Китайские ученые Лонг Шао и Сун Цзяньцяо пытаются найти генетический код данного стиля, благодаря которому определиться национальная идентичность данного стиля [1]. Много лет назад архитектор с мировым именем Луи Салливен отметил, что «Идентичность здания заключается в орнаменте» [4]. Китайцы приняли данный стиль, так как для них фасады сооружений являлись подобием открыток с благопожеланиями.

Мы обратили внимание символическому значению декоративных элементов [5, 6]. На фасадах карниз наполняется гранатами, которые символизируют изобилие, плодородие, многочисленное и добродетельное потомство, счастливое будущее. Парапеты декорируются лилиями, которые являются образом истока мира, производительной силы, развертывания бытия. В Китае это символ возрождения, красоты, жизни, счастья, чистоты и духовности. Раскрываясь с рассветом и закрываясь на закате, лотос олицетворяет возрождение Солнца, возобновление жизненных сил, возвращение молодости, бессмертие. Для украшения фронтона используется лотос для обозначения трех этапов в духовном росте человека: невежество, попытку его преодоления и обретенное понимание. Лепными пионами украшались межэтажные пояски, которые являются символом благополучия, силы, богатства и процветания.

Красные подвески для китайцев имели большое значение. Они являлись талисманами, приносящие удачу, богатство, здоровье. Красный цвет и сложная система узлов определяли долголетие и процветания. Китайские подвески стали элементами лепного декора, который размещался в простенках между окнами и в обрамлениях проемов. Практически на всех фасадах встречаются китайские колокольчики. Их мелодичный звон предназначался для привлечения положительной энергии Ци в дом и оберегал его от злых духов. Колокольчики дарили обитателям дома радость, положительные эмоции, очищали пространство.

Главными элементами в архитектуре были фронтоны, которые становятся

маркерами стиля китайского барокко. Они имели сложно составное построение и по особым правилам наполнялись лепным декором. Они располагались на «пятом фасаде» и боковых крыльях выполняли роль входных пилонов (палоу), имели завышенные размеры (более 3-х метров), выделялись парапетными столбиками разной высоты для создания иллюзии перспективы) и богато декорировались. В их решение китайцы вкладывали большой смысл – выход на «дорогу за пределами города», «открыть дверь в углу».

Тянь Хэ отмечал, что большое значение в составлении орнамента в Китае придавалась контрастам [6]. Противопоставление элементов гарантировало процветание и успех владельцу здания. При натурных обследованиях особое внимание уделялось композиционному построению фасадов (см. рисунки 1, 2, 3): сочетанию горизонтальных и вертикальных элементов, расположению деталей и их совмещение [9, 10].

В начале 30-х гг. к застройке Фудзядьзяня подключились китайские мастера. Они уже имеют архитектурный шаблон и определенный круг заказчиков, для которых начинают строить небольшие объекты (магазины, кафе, чайные, цехиа). Китайцы не придерживаются так называемого «чистого стиля». Народную архитектуру отличают крупная лепнина, некоторая грубоватость форм, слабая проработка деталей, искажение пропорций, атектоничность, сбой масштабов, вольность трактовки канонических элементов (см. рисунок 4). Для ремесленников не имело значение архитектура фасадов, которая будет завешена многочисленными плакатами, афишами и рекламой. Главным фактором строительства подобных объектов имело финансовая состоятельность заказчика. И таких клиентов было достаточно. Аналогичными здания сформировали фронт многих улиц в Фудзядьзяне. Некоторые из них до сих пор функционируют.

В конце 30-х гг. в Харбине начинают работать китайцы, которые получили архитектурное образование. В этот период стиль китайского барокко исчезает в архитектуре Фудзядьзяня. Перед архитекторами стояли новые задачи – массовое строительство жилья для расселения большого числа китайцев. Для строительства жилья они выбирают кирпичный стиль с мотивами необарокко.

Китайцы выбрали именно стиль архитектуры китайское барокко, который транслировал их национальную культуру, а архитекторы нашли новые

Рис. 1. Административное здание. Фото авторов.

Рис. 2. Детали универмага «Тай Лай Рен». Фото авторов.

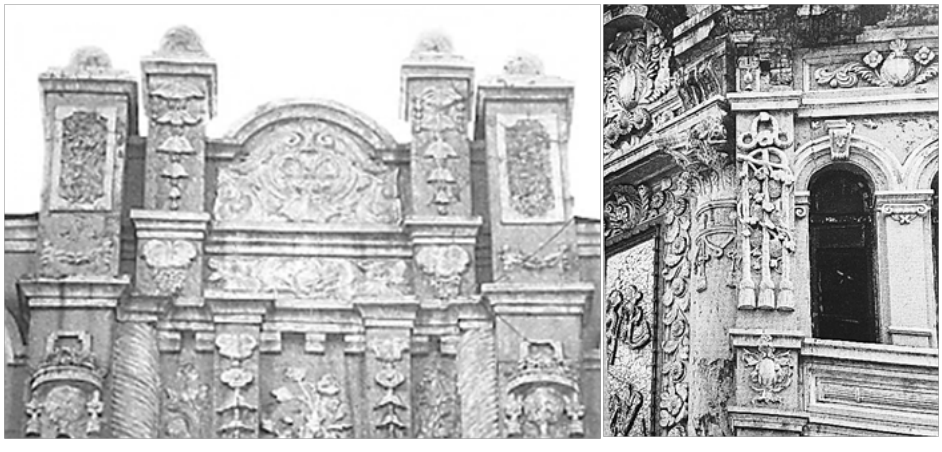

Рис. 3. Детали универмага «Тун-И-Цин». Фото авторов.

Рис. 4. Народная архитектура в стиле китайского барокко. Начало 30-х гг. XX в. Фудзядьзянь. Фото авторов.

композиции и мотивы. Идентичность стиля китайское барокко определяется магической символикой деталей главных фасадов. Поэтому генетический код стиля китайского барокко находится в китайских традициях. В результате исследований мы пришли к выводу, что с 1915 г. в застройке Фудзядьзяня принимали участие российские архитекторы. Именно они являются авторами стиля китайское барокко и их профессионализм отражен в композиционном построении фасадов и в каждой детали с благопожелательной символикой. Предполагаем, что строительство сооружений осуществлялось китайцами. В Харбине их большое количество и их часто привлекали к строительным работам. Местные строители качественно воспроизвели все лепные детали и элементы стили. Поэтому здания в стиле китайского барокко производят впечатление архитектуры ручной работы.

Трудно определенно сказать, почему рассматриваемый стиль не распространился на застройку русского Харбина. Предположительно, что стилевое решение зданий в районах Пристани и Нового города определяли заказчики, которые предпочитали более сдержанные стилистические решения (необарокко, неоклассицизм) или модные архитектурные направления (модерн, ар деко).

Список литературы

1. Лонг Шао и Сун Цзяньцяо Идентификация «генов» исторических зданий на основе глубокого обучения: тематическое исследование архитектуры китайского барокко в Харбине, Китай //Наука о наследии. 2023. № 11. С. 241. 2023. // URL: https://doi.org/10.1186/s40494-023-01091-3.
2. Левошко С., Киричков И. Туристический квартал «Китайское барокко» района Дао Вэй в городе Харбине: опыт, проблемы, перспективы реконструкции. ТРАСЕЕ. 2016. № 73. С. 21 // URL: https://doi.org/10.1051/matecconf/20167306003
3. Маслов А. Китай не хочет, чтобы его постигали. The Prime Russian Magazine. 19.11.2015. // URL: http://primerussia.ru/interview_posts/595
4. Луис Генри Салливан. Об архитектуре. // URL: https://theory.totalarch.com/sullivanabout-architecture
5. Исаева Л.И. Жизнь среди символов. – М.: Изд-во «Диалог культур». 2009. С. 146-249.
6. Тянь Хэ. Семантика традиционного китайского орнамента. С. 173-178. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-traditsionnogo-kitayskogo-ornamenta/viewer
7. Ли Мэн «Харбин продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 96-103.
8. Козыренко И.С., Иванова А.П. Формирование архитектуры в стиле «китайское барокко» // Новые идеи нового века. 2017. Т. 1 С. 128-134
9. Козыренко И.С. Архитектура универмага «Тун-И-Цин» в районе Дао Вай в Харбине (начало XX века) // Флагман науки. 2024. № 8 (19). С. 1-7.
10. Козыренко И.С. Стиль китайское барокко универмага «Тай Лай Рен» в Дао Вай в Харбине // Флагман науки. 2024. № 8 (19). С. 8-15.
11. Иванова А.П., Козыренко И.С. «Китайское барокко» как основа «харбинского стиля» //Дальний Восток: проблемы развития архитектурно-строительного и дорожно-транспортного комплекса: материалы региональной научно-практической конференции. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та. 2015. Вып. 15. С. 420-424.
12. Иванова А.П., Крадин Н.П. К вопросу изучения архитектурного наследия г. Харбина «Китайское барокко» // Вестник ТОГУ. 2014. № 4 (35). С. 31-40.

References

1. Long Shao and Song Jianqiao. Identification of Historical Building "Genes" Based on Deep Learning: A Case Study of Chinese Baroque Architecture in Harbin, China. Heritage Science. 2023. № 11. P. 241. 2023. // URL: https://doi.org/10.1186/s40494-023-01091-3.
2. Levoshko S., Kirichkov I. The Chinese Baroque Tourist Quarter of Dao Wei District in Harbin: Experience, Problems, and Prospects for Reconstruction. TRACEE. 2016. № 73. P. 21 // URL: https://doi.org/10.1051/matecconf/20167306003
3. Maslov A. China Does Not Want to Be Understood. The Prime Russian Magazine. 11/19/2015. // URL: http://primerussia.ru/interview_posts/595
4. Louis Henry Sullivan. About architecture. // URL: https://theory.totalarch.com/sullivanabout-architecture
5. Isaeva L.I. Life among symbols. - M.: Publishing house "Dialogue of Cultures". 2009. P. 146-249.
6. Tian He. Semantics of traditional Chinese ornament. P. 173-178. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-traditsionnogo-kitayskogo-ornamenta/viewer
7. Li Meng "Harbin product of colonialism // Problems of the Far East. 1999. № 1. P. 96-103.
8. Kozyrenko I.S., Ivanova A.P. Formation of Architecture in the Style of "Chinese Baroque" // New Ideas of the New Century. 2017. Vol. 1 P. 128-134
9. Kozyrenko I.S. Architecture of the Tong-I-Qing Department Store in the Dao Wai District in Harbin (early 20th Century) // Flagship of Science. 2024. № 8 (19). P. 1-7.
10. Kozyrenko I.S. Chinese Baroque Style of the Tai Lai Ren Department Store in Dao Wai in Harbin // Flagship of Science. 2024. № 8 (19). P. 8-15.
11. Ivanova A.P., Kozyrenko I.S. "Chinese Baroque" as the basis of the "Harbin style" // Far East: problems of development of the architectural-construction and road-transport complex: materials of the regional scientific-practical conference. - Khabarovsk: Publishing house of Pacific state University. 2015. Issue. 15. P. 420-424.
12. Ivanova A.P., Kradin N.P. On the issue of studying the architectural heritage of Harbin "Chinese Baroque" // Bulletin of Pacific state university. 2014. № 4 (35). P. 31-40.

Васильева О.А.

Старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью. Государственный Университет Управления.

Зюзина И.С.

Студент. Государственный Университет Управления.

Художественные образы произведений искусства как элемент разработки рекламной кампании*

Аннотация. В статье рассматривается образно-эстетическая составляющая современной рекламы, выявляется ее специфика и исследуется трансформация художественных образов в рекламе. Целью данной работы является выявление особенностей использования образов художественной культуры при разработке рекламной кампании. Основной фокус направлен на исследование инструментария искусства в конкретных примерах рекламной практики. Результатом стали рекомендации относительно применения художественных образов при разработке креативной концепции рекламной кампании для усиления позиционирования бренда, создания эмоциональной связи с целевой аудиторией и достижения наибольшей эффективности коммуникации.

Ключевые слова: образность рекламы, трансформация художественных образов, инструментарий искусства, реклама как искусство, эффективность рекламной кампании.

Vasilyeva O.A.

Senior Lecturer at the Department of Advertising and Public Relations at the State University of Management.

Zyuzina I.S.

Student at the State University of Management.

Artistic images of works of art as an element of the development of an advertising campaign

Abstract. The article examines the figurative and aesthetic component of modern advertising, identifies its specifics and explores the transformation of artistic images in advertising. The purpose of this work is to identify the features of using images of artistic culture in the development of an advertising campaign. The main focus is on exploring the tools of art in specific examples of advertising practice. The result was recommendations on the use of artistic images in developing a creative concept for an advertising campaign to strengthen brand positioning, create an emotional connection with the target audience and achieve the greatest communication effectiveness.

Key words: imagery of advertising, transformation of artistic images, tools of art, advertising as art, effectiveness of an advertising campaign.

* © Васильева О.А., Зюзина И.С., 2025.

Художественные образы произведений искусства как элемент разработки рекламной кампании

На сегодняшний день реклама представляет собой стремительно развивающееся комплексное явление, охватывающее различные сферы жизни общества. По итогам 2024 года затраты на рекламу во всем мире впервые в истории достигли отметки в $1 трлн, увеличившись почти на 10% по сравнению с прошлым годом, а объем российского рекламного рынка увеличился на 25% и достиг 980 млрд рублей [1]. Представляя собой емкую многофункциональную систему взаимодействия между потребителем, общественными институтами и продуктом, рекламный инструментарий как составляющая продвижения входит в комплекс маркетинга. При этом реклама способствует формированию репутации брендов, информирует общественность о новых товарах или услугах, влияет на потребительский спрос и в целом стимулирует развитие экономики.

Помимо выполнения основной функции «двигателя торговли», реклама является значимым культурным феноменом, поскольку играет всё более заметную роль в формировании ценностных приоритетов общества. Она не только способна изменить модель поведения человека, но и сформировать его картину мира, согласно которой он помимо совершения покупок формирует идеальный образ экономического и социального благополучия, а также этико-эстетические принципы.

Основной вопрос данной работы заключается в поиске наиболее эффективных решений по применению и внедрению известных художественных образов в креативную концепцию рекламной кампании. Методологической основой и научно-теоретической базой данной работы стали результаты исследований в области искусствоведения, труды российских и зарубежных в сфере эстетики, философии и психологии рекламы. Значительный вклад в изучение вопроса внесли теоретики и практики рекламы: О. Кюльпе исследовал эмоциональность восприятия рекламы, К. Марбе изучал запоминаемость рекламы и ассоциации, возникающие у покупателей при её восприятии, а А.Н. Лебедев исследовал динамику эмоционального отношения российского потребителя к рекламе [2].

Рекламная индустрия в России успешно адаптировалась к изменениям и демонстрирует устойчивый рост. В 2023 году объем рекламного рынка побил исторический максимум, показав рост на 30% и достигнув 731 млрд. рублей. Влияние рекламы на человека не ограничивается исключительно социально-экономической функцией. Важно не забывать о культурном коде, который закладывается в подсознание личности через рекламный контент. Особенно значимо это направление в условиях укрепления национальной идентичности и воспитания молодого поколения, которое большую часть информации получает через медиаканалы. В последнее время представители рекламной индустрии уходят от рациональных методов влияния на потребителя, отдавая предпочтение *образности*. Реклама стремится воздействовать на чувства и эмоции потребителя, создавать устойчивые ассоциации, связанные с конкретным брендом, транслировать его миссию и ценности. Мировая практика применения элементов художественной культуры в рекламе демонстрирует эффективность воздействия на потенциального потребителя.

Таким образом в современной рекламе существенно возрастает роль образно-эстетического начала. В рамках данной статьи представляется важным рассмотрение процесса трансформации

художественного образа через призму рекламы и изучение особенностей применения конкретного инструментария искусства с целью включения его в рекламное сообщение для достижения эффекта узнаваемости и запоминаемости рекламной коммуникации.

Уникальность образа бренда, создаваемого комплексным рекламным инструментарием, обеспечивает успешное позиционирование и повышает конкурентоспособность на рынке. В этом контексте художественные образы произведений искусства в рекламной практике можно рассматривать в качестве источника креативных идей и канала нравственно-эстетических ценностных ориентиров. При это процесс создания высокоэффективного рекламного продукта подразумевает необходимость *трансформации художественного образа*, включая адаптацию его формы и содержания под коммуникационные цели [3].

В ходе интеграции художественного образа в новый рекламный контекст он утрачивает свою самоценность, связь с элитарным искусством и прежние смыслы, при этом приобретая новые. Теперь он выступает только как средство продажи товаров или передачи идей. В связи с тем, что глобально целью рекламы является поддержание идеологии постоянного потребления, художественный образ также служит этой цели, возвышая материальные блага и подменяя ими духовные ценности. В условиях массовой культуры художественные образы сильно видоизменяются, становясь более доступными и понятными аудитории.

К примеру, в рекламной кампании 2020 года от бренда Venus используется образ богини Венеры, взятый с известной картины С. Боттичелли «Рождение Венеры» (1486 г.), который призван привлечь внимание целевой аудитории бренда – молодых девушек – и транслировать ценности ухода за собой и любви к своему телу. Как известно, образ Венеры символизирует вечную молодость и красоту. Благодаря использованию его в коммуникации продукт бренда наделяется новыми свойствами свою продукцию и закрепляет за ней следующие ассоциации – женственность, красота и юность. Использование этого художественного образа из шедевра мировой живописи не только способствует продвижению лимитированной коллекции

Рисунок 1. Дизайн подарочного набора Venus с изображением Венеры С. Боттичелли, 2020.

подарочных наборов, но и призывает девушек стремиться к совершенству, вызывая желание приблизиться к возвышенному образу. Кампания достигла коммуникационных целей и повысила лояльность аудитории бренда.

По мнению исследователей рекламы Е. Павловской, И. Шубиной в условиях информационной перенасыщенности процесс создания образа товара / услуги / бренда минимизирует демонстрацию реальных функциональных характеристик. При этом усиливается эмоциональное воздействие на потенциального потребителя, фокус внимания рекламодателя направлен на чувственную сферу – например, влюблённость, уют, прилив энергии и т.д. Это в полной мере можно отнести и к художественному образу в рекламе. Создавая на его основе рекламу, субъект исследует эмоциональное восприятие аудитории и соотносит образ с общей тональностью рекламы. Однако стоит помнить о соблюдении баланса рациональных и эмоциональных смыслов в рекламном сообщении [3]. Примером могут служить образы трех богатырей из знаменитого живописного произведения В. Васнецова (1881 – 1898 г.) в рекламе пива «Ворсин» 2003 года, которые в новом контексте символизируют такие обретаемые с товаром качества, как сила, мощь и дополнительно создают приятный эмоциональный фон, возникающий при встрече со всем русским, которое здесь обретает значение «свое, родное».

Учитывая многообразие примеров и кейсов из рекламной практики, в которых присутствует обращение к художественным образам, представляется важным рассмотреть, какой *инструментарий искусства* используется в современной рекламе в целом.

Массовая направленность рекламы предполагает применение доступных, быстро узнаваемых форм искусства и популярных художественных средств. Подобный подход способен обеспечить широкое понимание основных смыслов рекламного сообщения и стимулировать интерес аудитории. В поисках художественных образов и средств выразительности создатели рекламного продукта зачастую обращаются к *живописи, литературе, музыке и кинематографу.*

В современной рекламе остаются востребованными классические образы, созданные известными живописцами основных направлений, начиная от эпох *Античности*, *Возрождения, Ренессанса, заканчивая мастерами XIX века.* Это позволяет подчеркнуть уважение бренда к определённым традициям и ценностям, что создает дополнительную эмоциональную связь с потребителями и вызывает глубокое доверие. Примером может служить кейс – дизайн упаковки подарочных наборов конфет «Красный Октябрь». Бренд поддерживает коммуникацию с аудиторией благодаря использованию в дизайне упаковки узнаваемых художественных образов из известных картин русских художников XIX века – «Всадница» К. Брюллова, «Утро в сосновом бору» И. Шишкина, «Портрет Марии Лопухиной» В. Боровиковского и многие другие. «Красный Октябрь» позиционирует себя как бренд, который придерживается традиционных ценностей, демонстрирует уважение к истории и культурному наследию нашей страны и тем самым завоевывает лояльность потребителей. Упаковка кондитерских изделий выгодно выделяется на фоне конкурентной продукции на полке в магазине и привлекает внимание покупателей. Образ воспринимается как нечто знакомое каждому, классическое и традиционное.

Однако на сегодняшний день мож-

Рисунок 2. Дизайн упаковки конфет «Красный Октябрь».

но наблюдать частое обращение к эстетике сюрреализма, импрессионизма и конструктивизма, которые возникли в XIX-XX веках и отличались особой выразительностью, характеризующей эпоху и время. Популярными для заимствования и интерпретаций эти художественные стили стали благодаря крайне необычным и узнаваемым приемам и средствам, которые способны привлекать внимание массового зрителя, находя отражение в современной рекламе.

Примером может служить рекламная кампания, разработанная в 2022 году агентством DDB Athens для всемирно известного бренда McDonald's. Авторы обращаются к образам величайших мастеров импрессионизма Эдуарда Мане, Пьера Огюста Ренуара и пр, соединяя узнаваемые произведения искусства с айдентикой бренда. Встраивая элементы бренда в эстетику импрессионизма, McDonald's стремится подчеркнуть креативный подход к собственной дифференциации от других франшиз быстрого питания [4].

Кроме того, грамотное соединение характерных элементов основных художественных стилей в трансляции потребителю ключевого рекламного сообщения воспринимается сегодня как специфический единый стиль – *постмодернизм.*

Литература также имеет высокую степень цитируемости в современной рекламе. Особенно часто видно обращение к образам классической литературы, которые создают впечатление связи бренда с историей и культурным наследием страны. Например, бренд одежды «Твое» в 2023–2024 годах совместно с книжным сервисом «Литрес» разработал коллекцию одежды с цитатами из классических литературных произведений, а также очерков и дневников писателей. Использовались известные афоризмы и крылатые фразы, к примеру, «Счастливые часов не наблюдают» из поэмы «Горе от ума» А. Грибоедова или «Красота спасет мир» из романа «Идиот» Ф. Достоев-

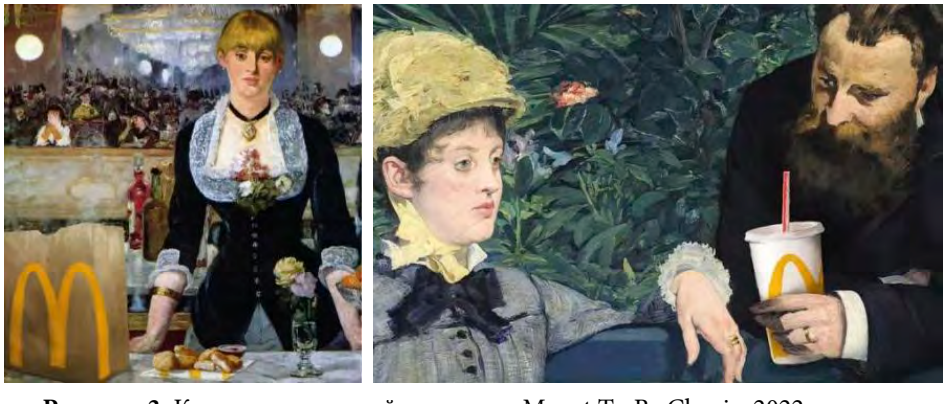

Рисунок 3. Креатив рекламной кампании Meant To Be Classic, 2022.

ского. Коллаборации бренда сопровождались PR-кампаниями, которые были направлены на освещение инфоповода, стимулирование публикаций в СМИ и повышение информированности аудитории. В результате новости были опубликованы в различных медиа: «ОК!», «Горящая изба», BURO и других, с охватом более 100 000 просмотров. Таким образом бренд стремится привлечь внимание более молодой аудитории к известным произведениям искусства, дать пищу для размышления и пространство для поиска новых идей и смыслов [5].

Современная реклама богата на отсылки к сценам из *фильмов*, ставших культовыми. К примеру, в рекламном ролике 2008 года Toshiba применила эффект «время пули», который впервые использовался братьями Вачовски в «Матрице». В рекламном видеоклипе, который снимался 336 часов, выполняются простые действия — бег, прыжки, раскачивание флага — но благодаря их зацикленности и круговой панораме получается завораживающий видеоряд. Кампания обошлась Toshiba в $4,7 млн — все для того, чтобы рассказать зрителям о новой технологии апскейлинга. Ролик получил несколько наград в конкурсах по рекламе, включая Clio Awards и London International Awards, а в 2009 году был отмечен в Книге рекордов Гиннеса за использование наибольшего количества камер для одной композиции [6].

В рекламных роликах менее заметны отсылки и цитирования, связанные с *музыкой*, но именно она задает общее настроение и дополняет рекламное сообщение. Зачастую в рекламе товаров премиум-сегмента используют произведения известных композиторов классической музыки – Моцарта, Баха, Вивальди и других. К примеру, в рекламном ролике автомобиля Renault 2023 звучит композиция Антонио Вивальди «Лето» – произведение из знаменитого цикла «Времена года». Известная многим музыка приобретает новую интерпретацию в рекламе автомобиля, поскольку акцент в ролике делается на скорости и динамичности произведения, ассоциируя его со скоростью движения автомобиля [7].

Таким образом, в современной рекламе довольно часто встречается обращение к известным художественным образам, особенно классическим, с целью создания у потребителей ассоциации с культурной значимостью рекламируемого продукта и повышения эффективности коммуникации в целом. Классика проверена временем, поэтому потребители чувствуют лояльность и приверженность бренду, который органично включает в свою коммуникацию

Рисунок 4. Коллаборация бренда «Твое» и книжного сервиса «Литрес», 2023–2024.

узнаваемые образы.

Для определения необходимых точно воздействующих на потребителя элементов художественных стилей, а также выбора узнаваемого образа для заимствования в рекламном продукте важно осмыслить его экспрессивно-выразительные характеристики, проанализировать потенциал возможного воздействия на целевую аудиторию, убедиться в нравственной и позитивной эмоционально-психологической составляющей образа, оценить параметры доступности смыслового понимания для массовой аудитории.

Насколько корректно говорить о рекламе как о самостоятельном направлении в искусстве? Первым о рекламе в таком ключе отозвался канадский философ Маршалл Маклюэн в своей книге «Понимание медиа», поскольку зачастую при создании рекламы используют художественные инструменты, визуальные приемы и образы.

Следует отметить, что реклама и искусство зачастую прибегают к использованию аналогичных приемов и средств художественной выразительности при представлении жизненных явлений. Творческий подход в создании рекламы вынуждает специалиста переосмысливать реальные события и моделировать собственный художественный образ. Как и искусство, конечный рекламный продукт нацелен на возбуждение эмоциональной сферы человека, затрагивает его психологическое и чувственное восприятие.

Однако конечная цель рекламы и искусства разнится. Реклама стремится призвать потребителя к действию и побудить к совершению покупки, а искусство транслирует определенные ценности и заставляет человека задуматься о вечном. Также в отличие от искусства в рекламном сообщении фокус внимания направлен, в первую очередь, материальную выгоду, получаемую от приобретения демонстрируемого товара или услуги. Искусство отражает окружающую действительность целостно и затрагивает духовно-нравственные смыслы. В рекламных произведениях наиболее значимыми являются те темы и категории, которые работают на занимательность, зрелищность, популярность произведения.

Однако между рекламой и искусством существует и более глубинная связь, поскольку оба направления используют устойчивые и принятые образы, так называемые архетипы. Шаблонность массового создания отражает сегментацию социума по гендерным, социальным, возрастным, национально-этническим и прочим критериям. Зачастую в произведении искусства и в рекламном продукте представлен собирательный портрет типичного представителя социальной группы.

Исходя из выше сказанного, авторы придерживаются мнения, что рекламу возможно поставить в один ряд с другими видами массового искусства, поскольку она активно применяет архетипичные образы, оперирует стереотипами массового сознания. Вместе с тем специфика рекламного продукта состоит в динамичном и насыщенном действии, а также информационном посыле, отражающем маркетинговые цели [8].

На основе вышеизложенных выводов был разработан ряд универсальных рекомендаций по применению художественных образов в креативной концепции рекламной коммуникации бренда для достижения наибольшей эффективности рекламы:

– Критерии выбора определенного художественного образа для включения в креативную стратегию коммуникации

бренда должны быть основаны на архетипе, которого придерживается бренд. Например, для разработки рекламной кампании бренда с архетипом «маг» будет уместно обратиться к произведениям искусства, окутанным мистическим флером. Они должны создавать ощущение сказки, магии, показывать трансформации человека и мира, чудесные перевоплощения.

– Каждая новая кампания должна органично встраиваться в общую коммуникацию, которую осуществляет бренд, не противоречить его ценностям и миссии.

– Не всегда использование классических образов будет удачным решением и «беспроигрышным вариантом», потому что при выборе средств и приемов следует опираться на предпочтения целевой аудитории бренда и уделять внимание изучению ее интересов и вкусов, проводить качественные исследования, направленные на выявление визуально удачных решений, которые получают положительный эмоциональный отклик.

– Важно сопоставлять продвигаемый продукт со средствами продвижения и созданными на основе художественных образов рекламными креативами.

– Не стоит сильно искажать исходные художественные образы и смыслы, которые в них заложены, в коммерческих интересах, потому что такое решение может оттолкнуть покупателей и поставить под сомнение репутацию бренда.

Разработанные рекомендации имеют практическую значимость для специалистов в области рекламы, PR и коммуникаций. Они позволят разработать эффективные и запоминающиеся рекламные решения, которые будут привлекать внимание аудитории, вызывать эмоциональный отклик и достигать поставленных маркетинговых целей.

Список литературы

1. Объем рекламного рынка России в 2024 году // Adpass.ru. // URL: https://adpass.ru/obem-reklamnogo-rynka-rossii-v-2024-godu/ (Дата обращения: 17.02.2025).
2. Методологические основы психологии рекламной деятельности // Ftp.lgaki.info. // URL: https://ftp.lgaki.info/virtual/bakalavr/dnevnaya/menedgment/reklama_i_svyzi_s_objestvennostiy/psihologiya_reklamnoi_deyatelnosti/lekcii.pdf (Дата обращения: 17.02.2025).
3. Акиньшина К. Ю. Трансформация художественного образа в рекламе: философско-эстетический анализ // Journal.altstu.ru. // URL: https://journal.altstu.ru/media/f/old2/pv2006_03_1/pdf/019akunsheva.pdf (Дата обращения: 20.02.2025).
4. Новая реклама McDonald's, вдохновленная картинами импрессионистов // Design-mate.ru. URL: https://design-mate.ru/read/news/novaya-reklama-mcdonald-s-vdohnovlennaya-kartinami-impressionistov (дата обращения: 18.02.2025)
5. Коллекция одежды ТВОЕ х Литрес // Литрес: Журнал. // URL: https://journal.litres.ru/litresxtvoe/?ysclid=m7ndl89gfu712113433 (Дата обращения: 22.02.2025).
6. Матрица ворвалась в ролик Toshiba // Sostav.ru. // URL: https://www.sostav.ru/news/2008/11/12/rol3/?ysclid=m7ndd49yqr817580963 (Дата обращения: 22.02.2025).
7. Шедевры классической музыки в рекламе // Русская инициатива. // URL: https://youfrom.ru/en/2020/12/24/shedevry-classicheskoy-muziky-v-reklame/ (Дата обращения: 23.02.2025).
8. Пономаренко Ю.А. Реклама как особый вид массового искусства: опыт философско-эстетического анализа // New-disser.ru. // URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002979834.pdf (Дата обращения: 23.02.2025).

References

1. The size of the Russian advertising market in 2024 // Adpass.ru. // URL: https://adpass.ru/obem-reklamnogo-rynka-rossii-v-2024-godu/ (17.02.2025).
2. Methodological foundations of the psychology of advertising activities // Ftp.lgaki.info. // URL: https://ftp.lgaki.info/virtual/bakalavr/dnevnaya/menedgment/reklama_i_svyzi_s_objestvennostiy/psihologiya_reklamnoi_deyatelnosti/lekcii.pdf (17.02.2025).
3. Akinshina K. Yu. Transformation of the artistic image in advertising: philosophical and aesthetic analysis // Journal.altstu.ru. // URL: https://journal.altstu.ru/media/f/old2/pv2006_03_1/pdf/019akunsheva.pdf (20.02.2025).
4. New McDonald's advertisement inspired by impressionist paintings // Design-mate.ru. // URL: https://design-mate.ru/read/news/novaya-reklama-mcdonald-s-vdohnovlennaya-kartinami-impressionistov (18.02.2025)
5. Clothing collection TVOE x Litres // Litres: Magazine. // URL: https://journal.litres.ru/litresxtvoe/?ysclid=m7ndl89gfu712113433 (22.02.2025).
6. The Matrix Burst into a Toshiba Video // Sostav.ru. // URL: https://www.sostav.ru/news/2008/11/12/rol3/?ysclid=m7ndd49yqr817580963 (22.02.2025).
7. Classical Music Masterpieces in Advertising // Russian Initiative. // URL: https://youfrom.ru/en/2020/12/24/shedevry-classicheskoy-muziky-v-reklame/ (23.02.2025).
8. Ponomarenko Yu.A. Advertising as a Special Kind of Mass Art: An Experience of Philosophical and Aesthetic Analysis // New-disser.ru. // URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002979834.pdf (23.02.2025).

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

Кудряшова Е.В.

Кандидат философских наук, доцент.
Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б.П. Бугаева.

Субъект познания в естествознании и современный дискурс*

Аннотация. В статье рассматриваются основные нормы познания в естествознании. Наиболее удобным для анализа познания в естественнонаучной сфере представляется понятие дискурса, сочетающего в себе внутридисциплинарные нормы получения знания и социальные ожидания эффективности его результата. Нормы получения знания формируются в процессе обучения и регулируются познавательным сообществом, главным образом на этапе оценки знания. В случае соблюдения дискурса, построенного по строгим правилам соответствующей науки, знание может транслироваться, в случае его эффективности – использоваться в технической и инженерной деятельности. Дискурс естественнонаучного познания регулируется также социальными ожиданиями. Современный социальный запрос требует оценивать знание как «инновационное» или способное привести к «новационному» результату. Современные эпистемологи активно внедряют понятие инновационности в исследования, в том числе это понятие можно встретить в истории физики.

Ключевые слова: субъект познания, дискурс, познавательное сообщество, конвенция, инновация, новационное знание.

Kudryashova E.V.

Candidate of Philosophy,
Associate Professor of the Ulyanovsk Civil Aviation Institute named after B.P. Bugaev.

The subject of knowledge in natural science and modern discourse

Аннотация. The article examines the basic norms of knowledge in natural science. The most convenient concept for analyzing knowledge in the natural sciences is discourse, which combines interdisciplinary norms for obtaining knowledge and social expectations of the effectiveness of its result. The norms of knowledge acquisition are formed in the learning process and are regulated by the cognitive community, mainly at the stage of knowledge assessment. In the case of compliance with the discourse built according to the strict rules of the relevant science, knowledge can be transmitted, and in the case of its effectiveness, it can be used in technical and engineering activities. The discourse of natural science knowledge is also regulated by social expectations. Modern social demand requires assessing knowledge as "innovative" or capable of leading to an "innovative" result. Modern epistemologists actively introduce the concept of innovativeness into research, including this concept can be found in the history of physics.

Key words: subject of knowledge, discourse, cognitive community, convention, innovation, innovative knowledge.

* © Кудряшова Е.В., 2025.

Субъект познания в естествознании и современный дискурс

Введение

Проблема поиска корректного способа установления связи между субъектом и объектом познания является центральной проблемой гносеологии. Философия познания несколько веков пытается найти и категориально осмыслить процесс познания, как установление связи между субъектом и объектом. Если «классические» трактовки познания предполагали простое противостояние и взаимодействие субъекта и объекта, то «неклассические» концепции предлагают широкий спектр вариантов проблематизации субъект-объектных отношений.

Особенно пристальное внимание гносеологи уделяют вопросу субъекта познания, который стал центральным со времен И. Канта, однако так и не разрешен окончательно. Сложный способ формирования субъекта познания в социокультурном, языковом, ценностном и нормативном контекстах не дает однозначного и точного понимания, как терминологически описать познавательный процесс. Цель данной статьи – выявить те регулятивы, которые регламентируют деятельность субъекта естественнонаучного познания.

С одной стороны совершенно понятно, что естественнонаучное познание требует подготовки субъекта к решению специфических проблем этой области. С другой стороны, ученый-теоретик имеет прагматическую задачу: результаты его исследований имеют принципиальное значение для инженерии.

Основная часть

Современные отечественные гносеологи четко различают субъекта естественнонаучного и субъекта гуманитарного познания. Считается, что если в первом случае познающий больше «отражает», чем интерпретирует, то второй – наоборот, в большей степени понимает и описывает, чем объясняет и «отражает». Такое различие по степени участия «отражения» в познании связано с традиционной для отечественных теоретиков познавательной концепцией познания.

Советская гносеологическая парадигма предполагала фундаментальной основой описания и объяснения познания ленинскую теорию отражения. Существующая еще с XIX века метафора отражения предполагала, что результатом познавательного процесса может быть только адекватное реальному миру отображение реальности. Поэтому знанием может называться только истинное знание о мире. Однако, поскольку процесс сознательного отражения сложен и активен, человеческая форма познания может вводить в заблуждение и приводить к ошибкам. Особенно, это актуально в отношении сложных гуманитарно-ориентированных объектов. Более внимательное, критическое отношение к знанию позволит устранить заблуждения и ошибки. Правда, окончательный и полный вариант «абсолютной» истины является гносеологическим идеалом, и часто недостижим.

Проблема субъекта познания в гуманитарной сфере представлена широко. В частности, признано, что субъект гуманитарного познания обусловлен различными концептами «предзнания», языковыми особенностями, ценностями и нормами познавательного сообщества. Однако если данные регулятивы организуют познавательную деятельность в области гуманитарного познания, следует предположить, что в области естественнонаучного познания происходит то же самое. В частности, если в области гуманитарного познания практикуется механизм интерпре-

тации, в области теоретической физики он осмыслен как процедура осмысления научных фактов в терминах научной теории. Так становятся возможными, например, интерпретации квантовой теории или теории относительности.

Анализ субъекта естественнонаучного познания сопряжен с внимательным критическим осмыслением порядка его формирования. Ученый в этом смысле не многим отличается от специалиста в другом виде деятельности: чтобы стать музыкантом также необходимо определенным образом подготовиться, пройти соответствующее обучение, контроль соответствующим сообществом, и лишь затем стать музыкантом. Попадая в систему образования, будущий ученый также получает необходимые знания, умения и навыки, позволяющие затем осуществлять инновационную деятельность.

Средство регуляции естественнонаучного познания, которое формируется в системе образования, проще всего описать понятием дискурс. В отечественной эпистемологической культуре это понятие чаще всего связывается с отрицательным значением, которое может привести в перспективе к релятивности знания, однако, только это понятие описывает специфику работы субъекта познания в сложных познавательных системах. С.Ф. Сергеев и А.С. Сергеева использовали понятие дискурса в своем исследовании феномена учебной организации и пришли к выводу: «Коммуникативные процессы, происходящие в учебной организации, связаны с существованием целостного, непрерывно действующего, циклически воспроизводящего себя динамического процесса формирования дискурсов в организации, ориентирующих членов группы на достижение профессиональных целей организации, интеграцию интересов группы и личности» [8, с. 69]. Авторы считают уместным включение понятия дискурса в психологию образования.

Постструктуралисткое понятие дискурса определяет особое видение предметов, процессов и явлений, основанное на метафизической картине мира и определенных способах объяснения и владения реальности, выраженное определенным способом построения языка. Поструктурализм и постмодернизм использует эти понятия для объяснения наличия идеологического содержания в языке, которые не просто отражает реальность, но создает (или по меньшей мере интерпретирует) социальную или политическую реальность.

Понятие дискурса приходит из лингвистики, В.Н. Бабаян указывает, что «Э. Бенвенист одним из первых придал слову «discours», которое во французской лингвистике означало речь вообще, терминологическое значение, обозначив им речь индивидуальную, речь говорящего» [1]. Автор насчитывает около 15 определений понятия дискурс в рамках лигвистики и когнитивистики. В когерентном философии смысле понятие дискурс используется для описания специфики языкового действия в сложных поведенческих системах при построении знания социальной реальности.

Т. ванн Дейк предложил понимать дискурс как форму социальной деятельности, ориентированную на общее понимание контекста говорящим и понимающим текст. Таким образом, дискурс становится условием наличия коммуникации, образующей сообщество. Автор предлагает «анализ дискурса» как инструмент изучения форм социального взаимодействия в определенном языковом сообществе [см. 2].

В приложении к научному познанию «дискурс-анализ» предполагает изучение форм взаимодействия членов познавательного сообщества, которое может способствовать пониманию того, в каком дискурсивном пространстве находится сообщество. Выделение дискурсивных черт в коммуникативном пространстве дает возможность говорить о нормах актуализации знания.

Ученый как субъект познания является членом соответствующего познавательного сообщества, поэтому всегда производит знание или вещи, ориентированные на других. Проблематика познавательного сообщества осмыслена еще в первой половине XX века, ее «классиками» считают Л. Флёка и Т. Куна.

Л. Флёк писал: ««Мыслительный коллектив возникает уже тогда, когда двое или больше индивидов обмениваются своими мыслями» [9, с. 68]. При элементарном обмене идеями возникает возможность формирования некоторой новой идеи, не принадлежащей ни одному из участников разговора, но существующей через них.

В более масштабных случаях формируются познавательные сообщества, втягивающие больше количество членов. Анализируя научное сообщество, Т. Кун ввел понятие дисциплинарной матрицы, ядром которого являются символические обобщения. Это «те выражения, используемые членами научной группы без сомнений и разногласий, которые могут быть без особых усилий облечены в логическую форму» [5, с. 271]. Кроме того, в дисциплинарную матрицу входит «метафизическая парадигма» или «метафизическая часть парадигмы», которая по сути представляет собой общепринятые предписания. Третьим элементом дисциплинарной матрицы являются так называемые образцы решения задач. Это, прежде всего «конкретное решение проблемы, с которым сталкиваются студенты с самого начала своей научной подготовки в лабораториях, на экзаменах или в конце глав используемых ими учебных пособий» [5, с. 278]. Таким образом, дисциплинарная матрица определяет содержание научного знания на определенном этапе.

На данном этапе развития эпистемологии общепринятым является мнение о том, что познавательное сообщество можно рассматривать как особый коллективный субъект познания [см. 3, с. 39]. При этом познавательное сообщество определенным образом воспитывает своего специалиста.

Углубление и расширение изучения проблематики познавательного сообщества связано с конкретизацией форм знания, обеспечивающих единое когнитивное поле. Для характеристики общего, парадигмального знания с середины XX века используется также понятие конвенций. В данном случае, под конвенцией понимается принятые в науке и инженерии единые стандарты деятельности, методологии и актуализации знания. Л.А. Микешина пишет: «Важнейшими и очевидными конвенциями в научно-познавательной деятельности являются языки (естественные и искусственные), другого рода знаковые системы – модели, схемы, таблицы, а также логические правила, эталоны, единицы и приемы измерения, когнитивные стандарты в целом» [6, с. 9]. Конвенциональным являются, таким образом, не только знания, но и формы его представления, актуализации для познавательного сообщества.

Однако остается вопрос, способны ли конвенции, определяющие содержание знания, связать специализированные формы познавательной дея-

тельности с социальным контекстом. Предполагается, что познавательное сообщество, особенно в области науки и естествознания, свободно от идеологического содержания, либо стремится от него дистанцироваться. «Дискурс-анализ» как раз позволяет ввести научное и естественнонаучное познание в более широкий контекст, содержащий идеологемы познания. Концептуальное единство, которое постулировал Т. Кун, формулируя понятие парадигмы, является необходимым, но не единственным.

Таким образом, научное сообщество фундируется дисциплинарной матрицей, конвенционально принятой в качестве истинной. Одновременно дисциплинарная матрица, понятая как понятийный аппарат, парадигма и образцы решения задач, либо же как, научно-исследовательская программа или научная традиция, связана с коммуникативной деятельностью в научном сообществе. Это создает картину некоторой замкнутости научного сообщества, которое движется благодаря своим внутренним потребностям.

Между тем, естествознание, также как гуманитарная сфера, погружены в большой социальный контекст, который с одной стороны, создает ожидания и формирует задачи для естествознания, а с другой – регулирует введение научных идей в социальный контекст. Эти социальные запросы общества существуют как дискурс, который довлеет над научным сообществом.

Это отчетливо прослеживается в отношении современного естествознания. С точки зрения общества, теоретическое знание не должно быть бесполезным и недостаточно, чтобы оно лишь обеспечивало рост знания. Главная характеристика знания – инновационный потенциал, прежде всего инженерии. Если принять, что метафизическая часть любой сферы деятельности, должна обосновывать «зачем», то научное знание (особенно естествознание) получает метафизический смысл только когда удовлетворяет инновационные запросы.

Эта установка прослеживается в языке осмысления эпистемологической проблематики, поскольку знаковая форма указывает не только и не столько на прямое значение. А.Л. Никифоров в этой связи подчеркивает: «При анализе идеологической функции языка его выражения обычно рассматриваются как обладающие двумя видами значения – предметным значением и оценочным (идеологическим) значением. Смысл – указание на предмет мысли и значение – обозначаемый языковым выражением объект, которыми так много занималась логическая семантика, в лингвистике часто «склеиваются» в одно – «предметное» или «семантическое» – значение слова, к которому добавляется еще одно – «оценочное» значение» [7, с. 141]. Это оценочное значение придает понятию дискурсивное звучание.

Дискурс современного естественнонаучного познания содержит понятия инновационности, которым придается оценочно положительное значение. «Инновационный» – значит «хороший», «приемлемый», «легитимный» с точки зрения общества. Инновация, при этом, понимается широко, как всякий процесс введения новационного знания (теории, гипотезы или основанных на нем изобретений) в практическую деятельность. Можно говорить о двух сторонах инновационности научного знания – теоретической и практической, каждая из которых постепенно становится нормой естественнонаучного познания.

Теоретическая сторона дискурса современного естественнонаучного знания проблематизирует инновационность в эпистемологии. Так, в частности, В.А. Яковлев пытается выявить эпистемологическую структуру генезиса и утверждения в сознании научного сообщества инноваций [см. 10, с. 52]. Показательно в этом анализе, как автор внедряет понятие инновационности в эпистемологическую концепцию.

С точки зрения В.А. Яковлева следует различать новацию, как результат познания отдельного ученого и инновацию, как длительный процесс принятия новации научным сообществом. Он пишет: «Рождение новации означает интеллектуальный «прорыв» ученого в решении поставленной проблемы» [10, с. 62]. Однако рождение новации является недостаточным для роста знания в объеме научной дисциплины, вполне возможно, что новизна может оказаться таковой только для самого ученого.

Следующий этап роста знания связан с процедурами признания новации научным сообществом, что автор называет инновацией. В.А. Яковлев пишет: «Признание и утверждение индивидуальной новации ученого на уровне научного сообщества означает переход ее в статус инновации. Этот переход чаще всего сопряжен с большими информационно-коммуникативными трудностями самого разного рода и порой растягивается, как свидетельствует история науки, на десятилетия и даже столетия. Прочно утвердившиеся в науке инновации получают статус научных традиций» [10, с. 61]. Иными словами автор связывает понятия новации и инновации с привычными для эпистемологического анализа понятиями (в том числе «традиция»).

Основными стадиями элементарного цикла роста знания у В.А. Яковлева являются следующие этапы: традиция (которая вскоре будет признана устаревшей), осмысление проблемной ситуации, проблемное событие, креативная ситуация, рождение новации, утверждение инновации, формирование традиции, новая проблемная ситуация. В качестве примера автор приводит в пример становление неклассической квантовой физики. Появившиеся открытия в конце XIX века не поддавались объяснению в механистической парадигме физики. Поэтому в качестве решения аномальных проблем было введено понятия «квант» (проблемное событие). Для научного сообщества назрела креативная ситуация, которая была связана с идеей Л. де Бройля о корпускулярно-волновом дуализме всех элементарных частиц. Она получила признание научного сообщества, затем дискутировался принцип дополнительности. После чего случилось признание принципа дополнительности Н. Бора и утверждение инновации. Несмотря на многочисленные интерпретации квантовой теории, подход Н. Бора стал восприниматься как научная традиция. Она в свою очередь, так же может быть опровергнута [см. 10, с. 62-63].

Такая концепция В.А. Яковлева явственно показывает, как аккуратно вводится сам термин инновационности в эпистемологическую концепцию, которая может быть удовлетворительной для современности. Теория познания с общественной точки зрения должна быть «легитимной», причем дискурс современности диктует необходимость введения в эпистемологию определенной терминологии (новация, инновация, новое знание, открытие и пр.).

Однако введение в теорию научного познания терминологии иннова-

ционности не является достаточной. Практическая сторона дискурса инновационности определяет нормы научного познания с точки зрения их применимости в общественной практике. Научное сообщество современности стремится воспитать такого ученого, который способен кооперироваться с инженером, инвестором, и даже менеджером и маркетологом.

Так, в стремлении максимально приблизить ученого-теоретика и инженера-практика И.Т. Касавин и В.А. Колпаков показывают, как деятельность ученого похожа на работу инженера. Ученый выдвигает идею, инженер ее воплощает. «На стадии преобразования идеи в изобретение деятельность инженера, будучи преобладающей, осуществляется вместе с деятельностью ученого, который контролирует степень реализации идеи, не позволяет творчеству инженера слишком далеко отступить в конструировании прибора от научной гипотезы или теории» [4, с. 106]. Авторы видят в процессе производства нового две стороны – открытие и изобретение, причем одно неотделимо от другого. Ученый-теоретик нужен только в том смысле, что помогает инженеру.

Затем авторы уточняют, что процесс координации деятельности ученого-теоретика и инженера-практика погружен в широкий социальный контекст, где они сталкиваются с бизнес-сообществом. И.Т. Касавин и В.А. Колпаков пишут: «Для патентования идеи и поддержания патента требуются существенные инвестиции, и здесь альянс «ученый-инженер» должен быть расширен за счет привлечения предпринимателя» [4, с. 106]. Таким образом, ученый и инженер оказываются перед необходимостью учитывать запросы общества, которое способно поддержать (или не поддержать) новацию.

Поиск инвестора авторы называют «генеральной задачей» в процессе превращения идеи в изобретение. «В качестве инвестора может выступать государство в виде научных фондов, коммерческие предприятия различных форм собственности, частные лица» [4, с. 107]. Затем должно следовать преобразование экспериментальной установки в технологию, происходит переход от лаборатории к промышленному цеху.

Однако, даже в случае внедрения в производство новой технологии, процесс для ученого-теоретика и инженера-практика не заканчивается. «На стадии маркетингового исследования все выполняют свойственным им функции в ходе самостоятельных исследований рынка при формулировке и экспертизе выполнения технического задания для профессионального маркетолога» [4, с. 111]. Иными словами, задача ученого-теоретика состоит не просто в открытии новаций, но в выведении открытия в изобретение, а затем внедрение в практическую деятельность, в том числе за счет разъяснения полезности нового.

Заключение

Таким образом, дискурс инновационности не только описывает познание в теории, но задает нормы современных исследований, требующих новшеств. Усвоение этой нормы в ходе обучения являются условием работы ученого в области естествознания. Указание на инновационность знания становится критерием оценки в познавательном сообществе, которое вынуждено ориентироваться на социальные запросы. Если это условие не будет выполнено, новое знание не будет принято.

Список литературы

1. Бабаян В.Н. Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики // Верхневолжский филологический вестник. 2017. № 1. С. 76-80.
2. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация [Пер. с англ.] / Составитель В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. 312 с.
3. Денисов С.Ф., Денисова Л.В. Научное сообщество и его формы (часть 2) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2007. № 3 (27). С. 39-46.
4. Касавин И.Т., Колпаков В.А. О субъектах и социальных технологиях инновационного процесса // Наука и социальные технологии / И.Т. Касавин, А.Ю. Антоновский, Е.О. Труфанова ; под редакцией И.Т. Касавин. – Москва: Институт философии РАН, 2011. С. 98-114.
5. Кун Т. Структура научных революций [Пер. с англ.]. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. 365 с.
6. Микешина Л.А. Размышления о субъекте неклассической эпистемологии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. №1. С. 6-12.
7. Никифоров А.Л. Язык как инструмент идеологического воздействия // Наука и социальные технологии / И.Т. Касавин, А.Ю. Антоновский, Е.О. Труфанова; под редакцией И.Т. Касавин. – Москва: Институт философии РАН, 2011. С. 139-158.
8. Сергеев С.Ф., Сергеева А.С. Введение в теорию дискурсного поля учебной организации // Открытое образование. 2012. № 3. С. 67-73.
9. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива [Пер. с англ., нем., польского яз.] / Составитель В.Н. Порус. – Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 220 с.
10. Яковлев В.А. Эпистемологическая структура инноваций в науке // Вестник московского университета. Серия 7. Философия. 2017. № 3. С. 52-68.

References

1. Babayan V.N. Various approaches to defining the concept of "discourse" and its main characteristics // Upper Volga Philological Bulletin. 2017. № 1. P. 76-80.
2. Dijk van T.A. Language. Cognition. Communication [Translated from English] / Compiled by V.V. Petrova. – M.: Progress, 1989. 312 p.
3. Denisov S.F., Denisova L.V. Scientific community and its forms (part 2) // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2007. № 3 (27). P. 39-46.
4. Kasavin I.T., Kolpakov V.A. On the subjects and social technologies of the innovation process // Science and social technologies / I.T. Kasavin, A.Yu. Antonovsky, E.O. Trufanova; edited by I.T. Kasavin. – Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2011. P. 98-114.
5. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions [Translated from English]. – Moscow: OOO "AST Publishing House": ZAO NPP "Ermak", 2003. 365 p.
6. Mikeshina L.A. Reflections on the Subject of Non-Classical Epistemology // Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. 2015. № 1. P. 6-12.
7. Nikiforov A.L. Language as an Instrument of Ideological Influence // Science and Social Technologies / I.T. Kasavin, A.Yu. Antonovsky, E.O. Trufanova; edited by I.T. Kasavin. – Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2011. P. 139-158.
8. Sergeev S.F., Sergeeva A.S. Introduction to the Theory of the Discourse Field of an Educational Organization // Open Education. 2012. № 3. P. 67-73.
9. Fleck L. The Emergence and Development of Scientific Fact: Introduction to the Theory of Thinking Style and Thinking Collective [Translated from English, German, Polish] / Compiled by V.N. Porus. – Moscow: Idea-Press, House of Intellectual Books, 1999. 220 p.
10. Yakovlev V.A. Epistemological Structure of Innovations in Science // Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy. 2017. № 3. P. 52-68.

Ефимова Л.Н.

Кандидат филологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».

Шехирева Н.А.

Кандидат педагогических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».

Александрова Е.В.

Кандидат исторических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».

Тростина К.В.

Старший преподаватель.
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».

«Хроники Нарнии» как духовное завещание Клайва Стейплза Льюиса (1898-1963 гг.)*

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что в нем предпринята попытка анализа художественных особенностей, жанрового своеобразия и проблематики одного из значимых и монументальных произведений Клайва Стейплза Льюиса «Хроники Нарнии», написанного в поздний период творчества писателя (1950-1956 гг.). В связи с этим цели данной статьи – рассмотреть сказочный мир К.С. Льюиса и традиции английской литературной сказки; жанр фэнтези как смыслообразующий, а также нравственную проблематику: евангельские ценности – основополагающие в раскрытии характеров героев, их духовно-нравственной эволюции; вместе с тем привести оценку отечественных и зарубежных критиков новаторских тенденций писателя как создателя нового синтетического жанра в рамках литературы для детей и определить место произведения в художественной мысли XX века в целом.

Ключевые слова: нравственный и духовный поиск, богопознание, жанровая структура, философско-религиозные воззрения, христианское фэнтези, духовное наследие, библейская история, английская литературная сказка.

Efimova L.N.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Plekhanov Russian University of Economics.

Shekhireva N.A.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor. Plekhanov Russian University of Economics.

Aleksandrova E.V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Plekhanov Russian University of Economics.

* © Ефимова Л.Н., Шехирева Н.А., Александрова Е.В., Тростина К.В., 2025.
«Хроники Нарнии» как духовное завещание Клайва Стейплза Льюиса (1898-1963 гг.)

Trostina K.V.
Senior Lecturer. Plekhanov Russian University of Economics.

"The chronicles of Narnia" as a spiritual testament of Clive Staples Lewis (1898-1963)

Abstract. The relevance of the study is due to the fact that it attempts to analyze the artistic features, genre originality and problems of one of the significant and monumental works of Clive Staples Lewis "The Chronicles of Narnia", written in the late period of the writer's work (1950-1956). In this regard, the purpose of this article is to consider the fairy-tale world of C.S. Lewis and the traditions of the English literary fairy tale; the fantasy genre as a sense-forming, as well as moral issues: gospel values are fundamental in revealing the characters of heroes, their spiritual and moral evolution; at the same time, give an assessment of domestic and foreign critics of the innovative tendencies of the writer as the creator of a new synthetic genre within the framework of literature for children and determine the place of the work in the artistic thought of the twentieth century as a whole.

Key words: moral and spiritual search, knowledge of God, genre structure, philosophical and religious views, Christian fantasy, spiritual heritage, biblical history, English literary fairy tale.

Введение

В последние годы творческое наследие британского христианского писателя и философа, профессора университетов Оксфорда и Кембриджа Клайва Стейплса Льюиса (1898-1963) является актуальным объектом исследования не только рядовых читателей разных возрастов, но и отечественных и зарубежных критиков, философов и социологов. В период творчества Клайва Стейплза Льюиса, в 1950-1956 годах была написана книга «Хроники Нарнии», которая является одним из наиболее важных и значимых произведений автора.

Это произведение было написано для детей. В нем есть все то, чем увлекался автор в детстве и что он подробно описал в своей духовной автобиографии «Настигнут Радостью», а именно: волшебные страны со сказочными персонажами и говорящими животными. Книга Льюиса «Хроники Нарнии» была написана еще в годы Второй мировой войны, а сам сюжет был задуман задолго до ее начала.

Произведение Льюиса впервые вышло в свет в 1950 году. Многие страны в это время переживали разрушительные последствия Второй мировой войны. Кризис после масштабного военного конфликта коснулся как политической, экономической и социальной, так и культурной сферы. Деятели искусства освещают в своих произведениях прежде всего общечеловеческие моральные принципы и установки, которые должны послужить фундаментом для созидания нового социума с новой политической культурой, в рамках которой человеческая жизнь является высшей ценностью. Данные постулаты и отражают произведения христианских писателей и мыслителей, к которым относится в том числе и К.С. Льюис.

«Хроники Нарнии» помимо сюжетно-структурного, о которых говорилось ранее, имеет стилистическое многообразие. Произведение Льюиса интегрирует в себе такие литературные

стили как романтизм и реализм. В качестве художественных инструментов эти стили дополняются философскими рассуждениями и идеями, причем не только теологического характера. Автор остается верным средневековым традициям, поддерживая интерес к мифическим формам. Наиболее ярко это продемонстрировано в его произведении «Хроники Нарнии».

Постановка проблемы

В рамках исследования проблемы интерпретации «Хроник Нарнии» как духовного завещания К.С. Льюиса необходимо проанализировать особенности жанровой структуры и проблематику романа с точки зрения христианской морали. При этом важно отметить, что тематика и сюжетная составляющая романа восходят к традиционной английской литературе фентезийного жанра. В качестве первоистока фэнтези выступает фольклор – прежде всего сказки и народные сказания. Льюис апеллирует к сказочному началу не только для того, чтобы обогатить сюжетно-структурную часть романа, но и для того, чтобы сделать нравственный посыл, проникнутый христианской моралью, доступным для всех людей вне зависимости от их возрастной или социальной категории.

Многие исследователи творчества К.С. Льюиса нередко проводили параллель между философско-художественным смыслом «*Хроник*», «*Космической трилогией*» и романом «*Пока мы лиц не обрели*». Связь «хроник» с мифом лежит на поверхности. Эта проблема была в центре внимания зарубежных исследователей.

Итак, «*Космическая трилогия*» содержит в сюжете британские легенды, роман «*Пока мы лиц не обрели*» - элемент древнегреческой мифологии (Амур и Психея), «*Хроники Нарнии*» - элементы Библии как главного источника христианской морали. Масштабность отображаемых в произведениях Льюиса событий сопоставима с романом-эпопеей, что, безусловно, говорит в пользу творческой эволюции автора, сказавшейся на жанровых решениях, на проблематике этого произведения, раскрытии характеров героев.

Сам Льюис признавал, что в своем произведение обращается прежде всего к библейскому мифу как художественному средству. В философском трактате «Чудо» Льюис отражает свою трактовку библейского мифа: «Как мир долго готовился к воплощению Бога, так и Откровение о Боге явилось поначалу в виде мифа, а позже постепенно сгустилось и воплотилось в истории … На мой взгляд, миф – реальный, но … несфокусированный отсвет Божией правды в человеческом воображении... Как Бог, воплотившись, остался Богом, так и миф остается мифом, когда делается фактом. История Христа будит в нас не только исторический интерес, но и воображение. Она обращена к ребенку, поэту, дикарю, а не только к мыслителю и к моралисту. В сущности, она ломает стенку между детским и взрослым у нас в мышлении» [1, С. 241].

Данное высказывание автора позволило как зарубежным, так и отечественным литературным критикам прийти к следующему выводу: сюжет произведения проникнут мотивом библейской проповеди, главные герои нередко демонстрируют христианские добродетели (любовь к ближнему, веру и надежду). Имя Иисуса Христа не встречается в истории, однако его образ запечатлен в таком персонаже как лев Аслан. Этой точки зрения придерживаются такие исследователи как К. Килби, П. Крифт, Ч. Уолш, С. Уэлманн, Дж. Сейр, С.С. Аверенцев, Я. Кротов, М. Кравцова, А. Кураев.

К.С. Льюис, являясь глубоко верующим человеком, хотел донести через сказочные художественные образы и легкий ненавязчивый сюжет глубоко философские мысли: после ужасов и трагедии Второй мировой войны человечество встало перед необходимостью духовно-нравственного возрождения, практическая реализация которого была возможна только посредством актуализации принципов христианской добродетели.

Английский писатель Г.К. Честертон отмечал: подлинный художник «ощущает, сознательно или бессознательно, что он прикоснулся к трансцендентальным истинам», что образы, создаваемые им – это тени объектов, видимых сквозь таинственную завесу» [2, С. 245].

Таким образом, религиозная концепция красной нитью проходит через весь сюжет фэнтезийного романа К.С. Льюиса. Эти параллели прослеживаются в каждом структурном компоненте произведения. Рассмотрим данные аналогии со Священным Писанием: «Племянник чародея» - сотворение мира [3]; «Лев, колдунья и платяной шкаф» - Распятие и Воскрешение [4]; «Принц Каспиан» - торжество истинного знания и вероучения [5]; «Конь и его мальчик» - призвание и обращение язычника [6]; «Путешествие на край света» - духовные искания и мытарства персонажей (в частности это прослеживается в эволюции характера и образа храброго Рипичипа); «Серебряное кресло» - противостояние злым силам [7]. В «Последней битве» говорится о пришествии антихриста (в качестве персонажа Обезьяны), конце света и последнем суде [8]. Таким образом, четко прослеживается аналогия с текстом Священного Писания в каждом структурном элементе объемного произведения, заключающего в себе целый мир (пусть и волшебный и сказочный).

Для определения жанровых особенности «Хроник» используются следующие дефиниции: «литературный жанр, излагающий исторические события в их временной последовательности», «мифологический сюжет», «тяготение к документальности, эпичности повествования» [9, С. 1164]. Хроникальный принцип составляет особенность литературы фэнтези (см., напр.: [10]).

Основные результаты исследования

Хроникальность была присуща произведениям античности и средневековья. Эти традиции отражены и в фэнтезийном романе Льюиса. Неслучайно автор увековечил слово «Хроники» в самом названии своего творения, тем самым сделав акцент на течении времени в мире Нарнии. «Хроники Нарнии» композиционно восходят к английскому фольклору, где стержневым сюжетом являлась борьба доблестных героев со злом и несправедливостью - что мы и попытаемся показать в нашей работе. Широкое распространение хроника получила в средневековой литературе, где «многоцветной жанровой мозаике жанров-фрагментов противостоит другая группа – крупных повествовательных жанров, которые вносят иллюзию формальной упорядоченности в разнобой тем и стилей» [11, С. 356].

К.С. Льюис вводит в свое произведение элемент хроникальности и из философских мотивов и побуждений. Таким образом автор создает метафору переноса воображаемых событий на современные реалии. Достоверность происходящего подкрепляется географическими сводками, которые Льюис подробно иллюстрирует в романе (не только словесно, но и графически). Таким образом, между миром реальным и миром сказочным возникает тонкая

нить, а параллели прослеживаются на протяжении всего романа. Подтверждением этому может служить тот факт, что временные рамки в произведении вполне реальные: Первая и Вторая мировые войны.

Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод, что «Хроники Нарнии» мифоисторический роман. Реальные события проецируются на историю воображаемой волшебной страны, однако эти аналогии легко угадываются. Здесь в преобразованном виде перед нами предстает история вымышленной страны. Здесь присутствуют также библейские мифы, черты рыцарского романа. Произведение включает в себя изображение жизни различных слоев общества, а также разные культурологические и этнические слои – Восток – Запад, при этом культурно-исторический слой остается без изменения.

То, что «Хроники Нарнии» состоят из семи книг – не случайно. Уже в этом кроется намек на библейский символ – Семидневное Творение Богом планеты Земля. Семь книг – это некий первоначальный импульс к присутствию символизма как неотъемлемой части художественного мира писателя вообще. Семь человек (детей), оказавшихся в Новой Нарнии, в Царстве Аслана. У Льюиса в 7 книге «Последняя битва» семь детей остаются в Новой Нарнии – (а не восемь, поскольку Сьюзен осталась в Англии, в старом мире) – это прообраз Нового Иерусалима из Откровения св. Иоанна Богослова. В Новой Нарнии семь детей являются неотъемлемым составляющим обновленного Мира.

Сказочные элементы в романе тесно связаны с феноменом чудес, которые отражают фантастическое начало. По определению отечественного исследователя Е. Исаевой, сказка – «жанр, в котором постоянно осуществляется исторически изменчивое взаимодействие двух систем – фольклорной и литературной» [12, С. 68]. Однако стоит отметить, что литературная и фольклорная сказки не тождественны друг другу, они схожи лишь по композиционной составляющей. Более детальное изучение этих жанров позволяют выделить и различия. Объединяет эти жанры традиционной сутью заложенного в них конфликта – между воплощенным в героях добром и злом, представленным главными антагонистами.

Прошлое столетие отмечено актуализацией обращения к историческим истокам в литературе. В «Хрониках Нарнии» автор также апеллирует к фольклорным элементам своей страны. В своем романе Льюис отобразил основной вектор взаимоотношений литературы и фольклора XX века – взаимодополнение и свободная интерпретация устного народного творчества в художественном произведении. Соотнесенность и интеграция сказочного и реального миров отражены не только у К.С. Льюиса, но и в произведениях великих британских классиков: в «Хоббите» Дж. Р.Р. Толкиена, в литературе «нонсенса», в «Алиса в стране чудес» Л. Кэролла, «Алиса в Зазеркалье» Л. Кэролла, в «Питер Пэн и Венди» Д. Барри, «Питер Пэн в Кенсингтонском парке», в «Мэри Поппинс» П. Трэверс, в продолжении «Винни пух и все-все-все» А. Милна, в «Ветер в Ивах» К. Грэма. И это придает сказочному миру вполне узнаваемые черты современности.

В литературной сказке волшебство как бы растворяется, оно создает атмосферу, в которой возможны градации фантастического – от необычного до собственно чудесного. «Размывание границ» волшебного мира ведет не только к изменению свойств фантастического. Столь же характерным след-

ствием литературной модификации жанра является подчеркивание, обнажение его условной природы.

Все выделенные характеристики литературной сказки можно увидеть в «Хрониках» К.С. Льюиса. Однако чудо, в отличие от фольклорной сказки, у автора не даруется волшебной силой. Яркой иллюстрацией этого факта служит сцена превращения Юстэса Вреда (без стороннего вмешательства) в дракона («Покоритель зари»). Этот эпизод напоминает героя новеллы Кафки «Превращение» тем, что он проснулся и обнаружил себя насекомым, при этом на него не было оказано внешнего воздействия и влияния кого-либо или чего-либо. Преображение Юстэса является результатом мыслей и поступков героя, лишенных человечности. Вспомним хотя бы его отношение с мышонком, с Люси и с другими персонажами. Сам акт превращения – это элемент чудесного, эксцентричного. И это позволяет говорить о преемственности традиций английской детской литературы.

Уместно заметить, что в эпоху викторианства английская сказка – сказка волшебная, уходящая корнями в древность,- утратила свое своеобразие, а тем самым и художественную ценность. Английская сказка начала XIX века – сказка нравоучительная. В ней исчезает свободная игра фантазии, сказка становится как бы повторением церковной проповеди, что отвечает духу времени. В годы правления королевы Виктории существовали моральные запреты. Н.М. Демурова отмечает: «Кризис просветительской литературы для детей нашел свое выражение в снижении социального пафоса изображаемого в резком увеличении позитивистских тем, в выработке и закреплении определенного стереотипа, накладывающего мертвящую скованность на все произведения этого типа» [13, С. 19]. Активное развитие и сопутствующая ему популярность литературной сказки в английской литературе началось в 40-х гг. XIX в. Во многом этому способствовало распространение в литературных кругах на английском языке переводов сказок братьев Гримм (1823) и Г.Х. Андерсена (1846). В 50-70 гг. 19 в. вышли сказки Дж. Рескина, Ч. Кингсли, Дж. Макдональда, Л. Кэрролла, Ч. Диккенса и У.М. Теккерея. Представителями направления литературной сказки-аллегории ученый Н.М. Демурова считает Дж. Рёскина (1819-1900), Ч. Кингсли (1819-1876), и Дж. Макдональда (1824-1905). Последней из перечисленного ряда – «романист, поэт, эссеист, проповедник, лектор, в своем творчестве опирался на народное творчество» [13, С. 24].

Льюис высоко ценил творчество Макдональда, он оказал огромное влияние на художественные вкусы Льюиса – сказочника. О своих впечатлениях от встречи с творчеством Джорджа Макдональда Льюис написал в духовной автобиографии «Настигнут Радостью». Льюис купил книгу Джорджа Макдональда «Фантастес». Волшебный роман, где было «достаточно лесных путешествий, враждебных призраков, прекрасных и коварных дам» [1, С. 392]. Писатель признается, что по мере чтения романа «Фантастес» его воображение становится «христианским» [1, С. 396]. В эссе Льюис дает следующую оценку произведениям писателя – это «фантастические истории, парящие где-то между аллегорической притчей и мифом» [14, С. 201].

Традицию перемещения героя из одного мира в другой Льюис позаимствовал из сказок Льюиса Кэрролла. Девочка Алиса из сказок писателя прыгает

в кроличью нору и оказывается в Стране Чудес, а пройдя через зеркальную гладь обычного каменного зеркала в гостиной, оказывается в мире Зазеркалья.

Герой из фантастического романа Дж. Макдональда «Лилит» [14] также попадает в другой мир через дверь, в мир, так мало имеющий общего с обычаями и образом жизни нашего мира.

Подобный «переход из реального мира в воображаемый и волшебный» осуществляется и персонажами К.С. Льюиса. В сказочную страну все главные герои попадают через платяной шкаф, с помощью волшебных колец [3], а также с помощью силы ветра [5].

Но тут и отличие от предшественников. Мир Льюиса - это мир, живущий сам по себе, без вторжения извне. Так происходит в повести Льюиса «Конь и его мальчик» [6]. Другое двоемирие у Дж. Р.Р. Толкиена в эпопее «Властелин колец» [10]. В Средиземье невозможно попасть магическим путем как это сделала Джадис, Белая Колдунья, попав из своего мира в реально существующую Англию. Следовательно, мир Толкиена характеризуется своей замкнутостью и отсутствием прямой связи с реальным миром. Главное отличие мира Толкиена от мира Льюиса – недоступность сказочного мира для человека. У Толкиена фантастическая реальность предназначена исключительно для сказочных существ.

Здесь, конечно же, речь идет об использовании традиции жанра фэнтези, положенной Дж. Р.Р. Толкиеном, а затем и Льюисом, и получившей дальнейшее развитие в литературно-художественной мысли XX века. Многие исследователи творчества К.С. Льюиса считали, что «Хроники» представляют собой жанр фэнтези. Так же определяет жанр «Хроник» и ряд отечественных исследователей: С. Кошелев, Е. Ковтун, Н. Трауберг, Е. Жаринов, А. Копейкин.

У истоков героической «fantasy» стоит не только романтическая фантастика Э.Т.А. Гофмана и Г.Х. Андерсена, но и мифологическая эпопея Дж. Р.Р. Толкиена («Сильмариллион», «Хоббит», «Властелин колец») и сказочный цикл К.С. Льюиса «*Хроники Нарнии*». «Хроники» тем и отличаются, что в рамках одного произведения органично сочетаются разные жанровые особенности, что позволяет говорить о синтетическом жанре, характерном для литературы XX века. И, тем не менее, мы полагаем, что, несмотря на существующие традиции жанра, писатель проявил себя как новатор, а именно, написал апологетическое произведение.

Христианское начало реализуется в «Хрониках» как поиск путей спасения человеческой души через призму христианского учения о спасении. Проблематика «Хроник» определила своеобразную полифонию жанров, органически связанных с тканью основной идеи произведения – *поиск путей спасения человеческой души через призму христианского учения о спасении*. На апологетичность сказок Льюиса обращали внимание многие исследователи (П. Крифт, Ч. Уолш, Д. Кэнингэм, Уайт, М. Кравцова, Н. Трауберг, диакон А. Кураев и др.). А Кураев отмечает, что так же, как и Толкиен и Честертон, Льюис писал для людей, которые имели возможность изучать «Закон Божий» в школе. Знакомство с сюжетами Священной истории позволяло им узнавать с полуслова *аллюзии и намеки*. Однако школьное знакомство с Библией слишком часто потворствовало укреплению худшего вида неверия, то есть той рассудочной и сухой полуверы, которая тем надежнее заслоняет совесть от укоров Евангелия, чем тверже вызубрены библейские тексты [1, С. 417].

Апологетичность Льюиса реализуется как жанр фэнтези, со своей летописью, и своей географией и, отталкиваясь от фэнтезийной эпопеи «Властелин Колец» Дж. Р.Р. Толкиена, Льюис снабжает свою историю географическими картами [10]. Каждая земля имеет свою историю и мифологию. События, происходящие там, ставят героев повествования перед выбором: Добро или Зло. Он связан с испытаниями, различными жизненными коллизиями.

Пространство волшебной страны не замкнуто. Льюис отразил это на картах Нарнии. Чтобы подчеркнуть волшебность этой страны, Льюис использует прием, свойственный волшебным сказкам – проникновение в другой мир при помощи разных предметов. Люси попадает в Нарнию через платяной шкаф профессора Дигори, но в самом предмете «*шкаф*» кроется тайна, которую в одной из последующих сказок открывает Льюис: шкаф профессора Дигори Керка был срублен из яблони, семена которой юный Дигори принес из Нарнии. В этом факте кроется одна из особенностей поэтики Льюиса – неожиданность в развитии интриги, непредсказуемый поворот событий.

Особый интерес представляет течение времени в Нарнии. Находясь в волшебном мире, главные герои быстро растут не только физически, но и духовно. В то же время, когда они попали обратно в Англию через платяной шкаф (*«Лев, колдунья и платяной шкаф»*), то оказались в прежнем возрасте [4]. Нарнийское время течет по своим, непонятным земной науке, законам.

Перемещение в пространстве – это и перемещение во времени, что можно видеть не только в «Хрониках Нарнии», но и в прозе накануне Второй мировой войны (притча «Расторжение брака» и «Космическая трилогия»).

Таким образом, «игра» со временем у Льюиса в разные периоды его творчества связана с конкретными проблемами, которые автор ставит в своих произведениях.

Перемещение во времени и пространстве реализуется как сюжет «Путешествия», имеет реальный смысл. Метафора путешествия – это путь человека к Богу. Сакральный смысл мотива путешествия – блуждание в поисках обретения духовных ценностей.

Для Льюиса ценность человека и его существования – в духовном и нравственном совершенствовании. В этом и отражается **гуманизм** позиции писателя.

Аслан идет на смерть, спасая Эдмунда, продавшего своих братьев и сестер. Автор создает аллюзию искупительной смерти Иисуса Христа. Аслан, жертвуя собой, спасает морально заблудшего человека. Сцена чудесного воскрешения Аслана представляет собой аллюзию на Воскресение Христово. Так же, как и при смерти Христа, завеса храма раскололась на две части, так и у Льюиса Каменный Стол, на котором был заклан Аслан, раскололся на две половины [1, С. 102]. Данные события отразились на внутреннем мире и моральном облике главных героев. Главная метаморфоза – укрепление духа, вследствие чего ребята перестают испытывать леденящий страх перед главным антагонистом – Белой Колдуньей и сопутствующей ей темными силами. В Евангелии Иисус Христос часто повторяет Своим Ученикам: «Не бойтесь». Исчезает страх – укрепляется вера. Именно это и хочет сказать автор, проводя подобные сюжетные аналогии.

Христианская позиция автора проявляется и при решении проблемы зла. В части «Принц Каспиан» гном рассказывает об уничтожении жителей Нар-

нии главным олицетворениям разрухи и злых сил – Белой Колдуньей [5].

В части «Серебряное кресло» Белая Колдунья уже не физически, а морально пытается уничтожить население волшебной страны [7]. Белая Колдунья внушает окружающим мысль о вымышленности как Аслана, так и доброты и любви в целом (олицетворением которых и выступал Аслан). Злые чары подействовали на взаимоотношение природы и человека: люди и звери перестали понимать друг друга: так же и после грехопадения люди перестали понимать язык животных и деревьев.

В части «Племянник чародея» Льюис поднимает проблему греховности человека и его морального несовершенства [3]. Однако несмотря на это, человек должен быть уверен: Бог не оставит в самых сложных ситуациях. Нет ни одной сказки «Хроники», где бы не присутствовал Аслан, который является духовным покровителем главных героев, именно благодаря его участию преодолеваются все трудности и борьба со злом оканчивается безоговорочной победой любви, света и добра.

Библейские мотивы, связанные со становлением человеческой личности, вразумлением человека Богом в ряде случаев сопровождаются сказочными приемами, а именно – превращением. На примере многих сказок, мифов, легенд можно убедиться в том, что этот элемент оживляет воображение читателя, придает произведению черты авантюризма и приключения. В художественном творчестве писателя превращение играет немаловажную роль, является своеобразием его поэтики. Как и у героя Кафки («Превращение»), персонажи Льюиса воспринимают метаморфозы как объективную реальность. Так, Уэстона нисколько не ужасает то, что из-за его богоотступничества он превращается в некое подобие гибрида насекомого и непонятного механизма («*Переландра*») [15]. Баламут с видимым удовольствием принимает вид сороконожки («*Письма Баламута*») [16]. И в «*Хрониках*» Юстэс Вред, всех ненавидящий, превращается в дракона. «Значит, пока он спал, он превратился в дракона. Заснул на драконовых сокровищах, с драконовыми помыслами и проснулся драконом» [1, С. 382]. Писатель не случайно акцентирует внимание на слове «дракон» и его производных. Этот символ связан с мифологией кельтов. Мифологема дракона встречается и в произведениях Дж. Р.Р. Толкиена.

Христианская позиция Льюиса проявляется и в особом понимании радости как радости от личной встречи человека с Богом (см. Духовную Биографию «Настигнут Радостью» [17]).

Радость как нравственная категория занимает Льюиса на всем протяжении его творческого пути. Ощущения, связанные с Радостью у Льюиса перекликаются с её пониманием у Г.К. Честертона: «Радость христианина – радостна, ибо все естественно и поразительно в луче нездешнего света» [2, С. 102].

В «Хрониках Нарнии» Льюис затронул и проблему агностицизма и атеизма в системе мировоззрения человека и общества в целом. Представителей атеизма в произведении олицетворяют гномы, которым остался чужд и неведом свет и радость, которую дарует Аслан – они не почувствовали вкуса пищи, которую дал Аслан. Это может быть понято, как нежелание людей принять тот «хлеб жизни», который предлагает Иисус Христос людям. Это не материальный, а духовный хлеб. Постичь эти дары и осознать их ценность может только верующий человек, неверующие же остаются за гранью этого чуда. Каждый волен рас-

поряжаться свободой выбора с точки зрения своего миросозерцания. Однако мораль автора заключается в том, что атеисты не смогут познать всю радость и гармонию от общения с Богом, а как говорилось ранее, именно поиск Бога и общение с ним – высшая духовная ценность, по Льюису.

Заключение

Позднее творчество К.С. Льюиса («Хроники Нарнии») в настоящее время остается малоизученной областью в литературоведении. Однако данное исследование позволяет сделать вывод: «Хроники Нарнии» - произведение, оказавшее влияние не только на литературу, но и на философию XX века. Гуманистические и нравственные идеи, к которым апеллирует Льюис, отражают объективную потребность поствоенного мира к духовному преображению за счет возрождения христианских ценностей и добродетелей.

Актуальность исследования творческого наследия К.С. Льюиса заключается в том, что наряду с Дж. Р.Р. Толкиеном он стоит у истоков фэнтези. Именно эти два писателя окажут влияние на последующее развитие данного жанра не только в Европе (Р. Желязна, У. Ле Гуин, Дж. Роулинг и др.), но и в советском и постсоветском пространстве (Дж. Йемец, А. Сапковский, Э. Раткевич, М. Алферов, Ю. Вознесенская и др.).

К.С. Льюис мастерски описывает эволюцию героев через призму христианской добродетели и моральных ценностей. У каждого персонажа Льюиса есть выбор, за который он впоследствии несет ответственность как перед собой, так и перед близкими, окружающими и даже природой.

Сущность человеческого бытия, по Льюису, это радость общения с Богом. Именно поэтому автор использует христианскую тематику и терминологию в романе (любовь, сострадание, грех, покаяние, радость). Здесь ярко прослеживается гуманистическое мышление писателя.

Как и многие святые отцы Вселенской Церкви и западные теологи К.С. Льюис видит иррациональную природу зла, невозможность «его перевести в добро». Зло преодолевается, по его глубокому убеждению, через обращение к Богу.

Следует отметить, что художественная проза позднего периода творчества автора пронизана его любовью к человеку как образу и подобию Божию. Взаимная ненависть людей деструктивна по своей природе и ведет к формированию атеизма и разрушению нравственных основ бытия человека и общества в целом. Отступление от христианской добродетели может привести к трагедиям глобального масштаба (история XX века – яркий тому пример).

Художественные особенности «Хроник Нарнии» определяются философско-религиозными вопросами веры, страдания, смерти, а также проблемой Спасения человеческой души, как одной из центральных проблем христианского вероучения.

В произведении К.С. Льюиса «Хроники Нарнии» отражены и личные гуманистические принципы миросозерцания писателя. «Хроники Нарнии» - уникальное произведение жанра христианского фэнтези, объединяющего в себе библейскую христологию, библейский миф, хронику как повествование о жизни страны Нарнии и волшебную сказку. В совокупности данные жанровые структуры формируют новый жанр в литературе, фундамент которого составляют библейские аллюзии и решение духовных проблем за счет христи-

анской добродетели.

Особое место в жанровой структуре занимает христианское понимание чуда. «Хроники Нарнии» представляют художественную проповедь христианства для детей, в которой своими яркими образами писатель делает сопричастным маленького читателя Вселенскому чуду: Чуду Добра.

Ценность последнего романа писателя – «Хроники Нарнии», и его эстетическая и философская мысль состоит в обращённости к человеку. В этом спаянном единстве его художественного творчества и оригинальности философских воззрений проявилась личность К. С. Льюиса как уникального явления в мировой культуре.

Список литературы

1. Льюис К.С. Собрание сочинений в восьми томах. – М., 1998.
2. Честертон Г.К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5: Вечный Человек. Эссе / Пер. с англ.; Сост. и общ. ред. Н.Л. Трауберг. – СПб.: Амфора, 2000. 510 с.
3. Lewis C.S. The Magician's Nephew. – London : The Bodley Head, 1955. 180 p.
4. Lewis C.S. The Lion, The Witch and the Wardrobe. – London : Geoffrey Bles, 1950. 172 p.
5. Lewis C.S. Prince Caspian. The Return to Narnia. – London: Geoffrey Bles, 1951. 119 p.
6. Lewis C.S. The Horse and His Boy. – London: Geoffrey Bles, 1954. 199 p.
7. Lewis C.S. The Silver Chair. – London: Geoffrey Bles, 1953. 217 p.
8. Lewis C.S. The Last Battle. – Londo: The Bodley Head, 1956. 184 p.
9. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М.: Интелвак, 2001. 1596 с.
10. Толкиен Дж. Р.Р. Властелин Колец. – М.: Эксмо, Яуза, 2003. 992 с.
11. Проблема жанра в литературе Средневековья: сборник статей / отв. ред. А.Д. Михайлов; Рос. АН, Ин-т мир. лит. им. А.М. Горького. – М.: Наследие, 1994. 393 с.
12. Исаева Е.Ш. Жанр литературной сказки в драматургии Евгения Шварца : дис. … канд. филол. наук : 10.01.02. – Ташкент, 1985. 285 с.
13. Демурова Н.М. Английская детская литература 1740-1870-х годов: авто-реф. дис. … д-ра фил. наук : 10.01.05. – М.: 1983. 31 с.
14. Макдональд Дж. Лилит. Линдсей Д. Путешествие к Артуру / Пер. с англ. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; Ермак, 2004. 605 с.
15. Lewis C.S. Perelandra. – London: The Bodley Head, 1943. 243 p.
16. Lewis C.S. The Screwtape Letters. – London: Geoffrey Bles, 1942. Reprinted as "The Screwtape Letters and Screwtape Proposes a Fast". – London: Geoffrey Bles, 1961. 160 p.
17. Lewis C.S. Surprised by joy. The Shape of My Early Life. – London: Geoffrey Bles, 1955. 164 p.

References

1. Lewis C.S. Collected Works in Eight Volumes. – Moscow, 1998.
2. Chesterton G.K. Collected Works: In 5 Volumes. Volume 5: The Eternal Man. Essays / Translated from English; Comp. and general editor N.L. Trauberg. – St. Petersburg: Amphora, 2000. 510 p.
3. Lewis C.S. The Magician's Nephew. – London : The Bodley Head, 1955. 180 p.
4. Lewis C.S. The Lion, The Witch and the Wardrobe. – London : Geoffrey Bles, 1950. 172 p.
5. Lewis C.S. Prince Caspian. The Return to Narnia. – London: Geoffrey Bles, 1951. 119 p.
6. Lewis C.S. The Horse and His Boy. – London: Geoffrey Bles, 1954. 199 p.
7. Lewis C.S. The Silver Chair. – London: Geoffrey Bles, 1953. 217 p.
8. Lewis C.S. The Last Battle. – Londo: The Bodley Head, 1956. 184 p.
9. Literary encyclopedia of terms and concepts / edited by A.N. Nikolyukin. – Moscow: Intelvac, 2001. 1596 p.
10. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings. – Moscow: Eksmo, Yauza, 2003. 992 p.
11. The problem of genre in medieval literature: collection of articles / edited by A.D. Mikhailov; Ros. AN, Institute of World Literature named after A.M. Gorky. – M.: Heritage, 1994. 393 p.
12. Isaeva E.Sh. The Genre of Literary Fairy Tale in the Drama of Evgeny Schwartz: dis. ... Cand. Philological Sciences: 10.01.02. – Tashkent, 1985. 285 p.
13. Demurova N.M. English Children's Literature of the 1740-1870s: auto-ref. dis. ... Doctor of Philological Sciences: 10.01.05. – M.: 1983. 31 p.
14. MacDonald J. Lilith. Lindsay D. Journey to Arthur / Translated from English. – M.: OOO "Publishing House AST"; Ermak, 2004. 605 p.
15. Lewis C.S. Perelandra. – London: The Bodley Head, 1943. 243 p.
16. Lewis C.S. The Screwtape Letters. – London: Geoffrey Bles, 1942. Reprinted as "The Screwtape Letters and Screwtape Proposes a Fast". – London: Geoffrey Bles, 1961. 160 p.
17. Lewis C.S. Surprised by joy. The Shape of My Early Life. – London: Geoffrey Bles, 1955. 164 p.

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

Барковский Е.С.

Аспирант. Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Данакин Н.С.

Доктор социологических наук, профессор.
Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Поведение персонала организации в проблемной ситуации*

Аннотация. В данной статье представлены результаты авторского социологического исследования «Практика постановки и разрешения социальных проблем», проведенного в органах государственного и муниципального управления, социальной защиты, в высших и общеобразовательных учебных заведениях. Опрошено 505 респондентов. Исследование проводилось в трех регионах: г. Москва, Белгородская и Тульская области.

Ключевые слова: поведение, проблемная ситуация, персонал организации, успешность решения проблем, трудные жизненные ситуации.

Barkovskii E.S.

Postgraduate Student. Belgorod State Technological University.

Danakin N.S.

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor. Belgorod State Technological University.

Behavior of the organization's staff in a problematic situation

Abstract. This article presents the results of the author's sociological study "Practice of posing and resolving social problems" conducted in state and municipal government bodies, social protection, in higher and general educational institutions. 505 respondents were interviewed. The study was conducted in three regions: Moscow, Belgorod and Tula regions.

Key words: behavior, problem situation, organization's staff, successful problem solving, difficult life situations.

Люди ведут себя по-разному в проблемной ситуации: одни пытаются лучше разобраться в ней, чтобы найти выход; другие мобилизуют собственные ресурсы для успешного выхода из проблемной ситуации; третьи обращаются за советом и помощью к другим. Случается, и так, что эмоциональные переживания не позволяют человеку взять себя в руки. Еще одна «категория» людей дожидается благоприятного стечения обстоятельств. И, наконец, можно выделить и тех, кто ничего не предпринимает в проблемной ситуации.

В данной статье представлены результаты авторского социологического

* © Барковский Е.С., Данакин Н.С., 2025.
Поведение персонала организации в проблемной ситуации

исследования «Практика постановки и разрешения социальных проблем», проведенного в органах государственного и муниципального управления, социальной защиты, в высших и общеобразовательных учебных заведениях. Опрошено 505 респондентов. Исследование проводилось в трех регионах: г. Москва, Белгородская и Тульская области.

Обратим внимание, прежде всего на то, что люди ведут себя по-разному в проблемной ситуации (см. таблицу 1).

Таблица 1. Как ведете себя в проблемной ситуации (распределение ответов по полу)?

Варианты ответа	Категории опрошенных		Сводные данные
	мужчины	женщины	
1. Пытаюсь лучше разобраться в ситуации, чтобы найти из нее выход	76,5	48,2	54,8
2. Мобилизую собственные ресурсы для успешного выхода из ситуации	5,9	21,4	17,8
3. Обращаюсь за советом, помощью к другим	17,6	35,7	31,5
4. Эмоциональные переживания не позволяют «взять себя в руки»	0,0	7,1	5,5
5. Дожидаюсь благоприятного стечения обстоятельств	5,9	1,8	2,7
6. Ничего не предпринимаю	0,0	7,1	5,5
7. Затрудняюсь ответить	5,9	0,0	1,4

Как и следовало ожидать, большинство опрошенных (54,8%) пытаются лучше разобраться в проблемной ситуации, чтобы найти из нее выход. Причем, эта стратегия поведения в большей мере присуща респондентам-мужчинам. Женщины, в отличие от них, сравнительно чаще обращаются за советом и помощью к другим (35,7%) или пытаются мобилизовать собственные ресурсы для успешного выхода из ситуации (при этом, для мужчин этот показатель значительно ниже – всего 5,9%). Что касается других поведенческих стратегий, то среди мужчин сравнительно больше тех, кто дожидается благоприятного стечения обстоятельств (5,9%). Женщины указывают также на то, что эмоциональные переживания не позволяют «взять себя в руки» (7,1%), и они «ничего не предпринимают» (7,1%).

Имеются также определенные различия в «проблемном» поведении респондентов в зависимости от рода их занятий (таблицу 2).

Сравнительно большая часть респондентов, оказываясь в проблемной ситуации, пытается лучше разобраться в ней, чтобы найти выход и чаще других обращаются к такой стратегии поведения муниципальные и социальные служащие, а также педагоги. Стратегия «мобилизую собственные ресурсы для успешного выхода из ситуации» сравнительно больше распространена среди социальных и федеральных служащих. Как это ни парадоксально, сравнительно чаще обращаются за советом и помощью к другим в проблемной ситуации федеральные служащие

Таблица 2. Как ведете себя в проблемной ситуации (распределение ответов по сфере деятельности)**?**

Варианты ответа	Категории опрошенных					Сводные данные
	Вузовские преподаватели	Федеральные служащие	Муниципальные служащие	Социальные служащие	Педагоги	
1. Пытаюсь лучше разобраться в ситуации, чтобы найти из нее выход	42,3	37,5	70,0	60,0	71,4	54,8
2. Мобилизую собственные ресурсы для успешного выхода из ситуации	7,7	25,0	10,0	33,3	21,4	17,8
3. Обращаюсь за советом, помощью к другим	38,5	50,0	20,0	20,0	28,6	31,5
4. Эмоциональные переживания не позволяют «взять себя в руки»	3,8	0,0	10,0	6,7	7,1	5,5
5. Дожидаюсь благоприятного стечения обстоятельств	3,8	0,0	0,0	0,0	7,1	2,7
6. Ничего не предпринимаю	7,7	0,0	0,0	6,7	7,1	5,5
7. Затрудняюсь ответить	0,0	12,5	0,0	0,0	0,0	1,4

и вузовские педагоги.

Имеются также определенные различия в «проблемном» поведении респондентов в зависимости от возраста. Во-первых, респонденты в возрасте до 29 лет, как и следовало ожидать, обращаются за советом, помощью к другим. Далее, среди них также сравнительно больше тех, чьи эмоциональные переживания не позволяют «взять себя в руки» или кто ничего не предпринимает в проблемных ситуациях. Во-вторых, респонденты в возрасте от 30 до 50 лет, как видно из табличных данных, пытаются лучше разобраться в ситуации, чтобы найти из нее выход. В-третьих, несколько неожиданными представляются ответы респондентов в возрасте свыше 60 лет о том, что они мобилизуют собственные ресурсы для успешного выхода из ситуации или обращаются за советом, помощью к другим. В-четвертых, отметим также группу респондентов в возрасте от 40 до 60 лет, которые дожидаются благоприятного стечения обстоятельств.

Успешность решения социальных проблем зависит от многих факторов, в том числе от готовности субъекта к их решению, характера самих проблем и степени их сложности, а также от обстоятельств – как внешних, так и внутренних. В таблице 3 представлено распределение ответов респондентов – мужчин и женщин – относительно того, в какой степени зависит успешность решения проблем лично от респондентов.

Показательно то, что ни один из респондентов не осмелился утверждать, что решение проблем зависит в исключительной степени от них самих. Предпочтение отдано более умеренному варианту – «в значительной степени». Такого мнения придерживаются

каждый четвертый-пятый из опрошенных, причем, их больше среди мужчин

Таблица 3. В какой степени зависит успешность решения Ваших проблем лично от Вас (распределение ответов по полу)?

Варианты ответа	Категории опрошенных		Сводные данные
	мужчины	женщины	
1. В исключительной степени	0,0	0,0	0,0
2. В значительной степени	35,3	17,9	21,9
3. В незначительной степени	23,5	16,1	17,8
4. Совсем не зависит от меня	0,0	8,9	6,8
5. Это зависит от характера проблемы	41,2	50,0	47,9
6. Это зависит от обстоятельств	0,0	12,5	9,6
7. Затрудняюсь ответить	0,0	1,8	1,4

(35,3%); среди женщин, для сравнения, 17,9%. Каждый шестой из опрошенных (17,8%) придерживается более умеренной оценки, причем, таких «умеренных» заметно больше среди мужчин. Вместе с тем, почти половина опрошенных (47,9%) считает, что успешность решения проблемы зависит от характера самой проблемы. Такое мнение преобладает среди женщин. В целом, женщины выражают сравнительно больше скептицизма и пессимизма относительно своего участия в успешном решении проблемы: 8,9% считает, что их решение совсем не зависит от них, а 12,5% полагают, что решение зависит исключительно или преимущественно от обстоятельств.

Если принять во внимание род занятий респондентов и посмотреть на распределение их ответов, то можно заметить такие зависимости. Во-первых, многие, как и в предыдущем случае, связывают удачное решение проблемы с самим характером этой проблемы. Во-вторых, вариант ответа «в значительной степени» сравнительно более предпочтителен для вузовских преподавателей, федеральных служащих и педагогов. В-третьих, сравнительно меньше уверенности проявляют муниципальные служащие: 30% из них выбрали вариант «в незначительной степени». В-четвертых, фактору внешних обстоятельств при решении проблемы придают сравнительно большее значение педагоги и муниципальные служащие.

Успешность решения социальных проблем зависит также от возраста респондентов. Во-первых, показательно то, что ни один из респондентов не решился ответить, что решение проблем зависит в исключительной степени от них самих. Во-вторых, более умеренный вариант – «в значительной степени», причем, проявляется такая зависимость. Чем старше респонденты, тем больше выборов варианта «в значительной степени». В-третьих, в ответах респондентов из возрастной группы 30-40 лет преобладает ответ «в незначительной степени». В-четвертых, можно согласиться с тем, что успешное решение социальной проблемы зависит от характера самой проблемы. На эту зависимость указывают, прежде всего, респонденты в возрасте до 29 лет, от 40 до 50 лет и свыше 60 лет.

В ходе проведенного исследования выяснялось также, к кому или чему обращаются чаще всего респонденты в трудной управленческой ситуации.

Было предложено несколько адресных вариантов: специалисты, вышестоящее руководство, консультанты, коллеги по работе, подчиненные, научно-техническая литература, интернет. Распределение ответов респондентов, в том числе, мужчин и женщин по отдельности представлены в таблице 4.

Как видно из табличных данных, наиболее востребованы два адресата: вышестоящее руководство и коллеги по работе. К ним обращаются, соответственно 39,7% и 41,1%. Причем, женщины сравнительно чаще обращаются к ним за помощью. Они предпочитают также научно-техническую и справочную литературу, интернет. Что касается мужчин, то они сравнительно чаще обращаются в проблемной ситуации к специалистам.

Таблица 4. К кому (или к чему) обращаетесь чаще всего в трудной жизненной ситуации (распределение ответов по полу)?

Варианты ответа	Категории опрошенных		Сводные данные
	мужчины	женщины	
1. К специалистам	29,4	16,1	19,2
2. К вышестоящему руководству	35,3	41,1	39,7
3. К консультантам	5,9	5,4	5,5
4. К коллегам по работе	29,4	44,6	41,1
5. К подчиненным	0,0	0,0	0,0
6. К научно-технической, справочной литературе	0,0	8,9	6,8
7. К Интернету	0,0	8,9	6,8
8. Ни к кому не обращаюсь	5,9	3,6	4,1

Теперь обратимся к распределению результатов анкетного опроса в зависимости от места работы респондентов. К специалистам обращаются сравнительно чаще сотрудники федеральных служб, к вышестоящему руководству – сотрудники муниципальных и социальных служб, а также педагоги. Консультанты оказываются сравнительно более востребованными для специалистов социальных служб. Все категории опрошенных часто обращаются за помощью к коллегам по работе, за исключением специалистов социальных служб. Обратим внимание также на то, что к научно-технической и справочной литературе обращаются только три категории опрошенных: педагоги (21,4%), федеральные служащие (12,5%), а также социальные работники (6,7%). Все категории опрошенных так или иначе обращаются за справками к интернету, при этом, чаще всего федеральные и муниципальные служащие. Обратим внимание также на то, что ни один из опрошенных не обращается за консультацией к подчиненным, а 4,1% респондентов – ни к кому не обращается за консультацией, причем среди них 12,5% - федеральные служащие, 7,7% - вузовские преподаватели.

В распределении ответов респондентов существенны возрастные различия. Во-первых, сравнительно более активно отвечали на поставленный вопрос респонденты в возрасте до 29 лет, это естественно, поскольку они, может быть, впервые обращаются к кому-то

в трудной управленческой ситуации. Они «превосходят» другие возрастные группы в выборе вариантов «к вышестоящему руководству», «к консультантам», «к коллегам по работе», «к научно-технической, справочной литературе», «к Интернету». Во-вторых, средние возрастные группы (от 30 до 40 и от 40 до 50 лет) обращаются сравнительно чаще к вышестоящему руководству и к коллегам по работе. В-третьих, обратим внимание на то, что некоторая часть респондентов ни к кому не обращается в трудной управленческой ситуации: 4,8% в возрасте 30-40 лет и 11,1% – в возрасте 50-60 лет.

Выводы. Большинство опрошенных склонны разобраться в проблемной ситуации, чтобы найти из нее выход. Причем, эта стратегия поведения в большей мере присуща мужчинам, муниципальным и социальным служащим. Респонденты в возрасте до 29 лет, как и следовало ожидать, обращаются за советом и помощью к другим.

Ни один из респондентов не осмелился утверждать, что решение проблем зависит в исключительной степени от них самих. Предпочтение отдано более умеренному варианту – «в значительной степени». При этом, многие из опрошенных связывают успешное решение проблемы с ее характером.

В процессе решения социальных проблем возникает необходимость обратиться к вышестоящему руководству и коллегам по работе, а также к специалистам, причем, сравнительно чаще, обращаются респонденты в возрасте до 29 лет, это естественно, поскольку они, может быть, впервые обращаются к кому-то в трудной управленческой ситуации.

Список литературы

1. Акофф Р. Искусство решения проблем. – М.: «Мир», 1982. 224 с.
2. Андруник А.П. Современные проблемы управления персоналом: социально-психологический аспект // Перспективы науки. 2020. № 12 (135). С. 219-221.
3. Барковский Е.С., Данакин Н.С. Модели поведения в проблемной ситуации // Технологические инновации и научные открытия: сборник научных статей по материалам III Междунар. науч.-практ. конф. (21 июля 2020 г., г. Уфа). – Уфа: Изд. НИЦ Вестник науки, 2020. С. 118-123.
4. Барковский Е.С., Данакин Н.С. Поведение в проблемной ситуации // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 3 (189). С. 36-46.
5. Данакин Н.С., Гайворонская Н.И. Место и роль проблемного анализа в системе социального управления // Управление городом: теория и практика. 2011. № 1. С. 26-34.
6. Данакин Н.С., Гайворонская Н.И. Проблемный анализ в системе социального управления. Белгород: ИП Остащенко А.А., 2011. 182 с.
7. Ильницкий В.Г. Проблемный анализ как метод социальной диагностики // Социальные структуры и процессы: всероссийская науч.-практич. (заочная) конф., декабрь 2007 / Белгор. гос. технол. ун-т; редкол.: Н.С. Данакин, В.Ш. Гузаиров, И.В. Конев. Белгород: Изд-во БГТУ им. В.Г. Шухова, 2007. С. 41-46.
8. Лапыгин Ю.Н. Системное решение проблем. – М.: Эксмо, 2008. 336 с.
9. Мазлумянова Н.Я. К методологии исследования проблемных ситуаций // Социологический журнал. 2000. № 1-2. С. 79-88.
10. Тощенко Ж.Т. Социальные проблемы жизненного мира россиян в современном обществе // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 4. С. 5-8.

References

1. Ackoff R. The Art of Problem Solving. – M.: "Mir", 1982. 224 p.
2. Andrunik A.P. Modern Problems of Personnel Management: Social and Psychological Aspect // Prospects of Science. 2020. № 12 (135). P. 219-221.
3. Barkovsky E.S., Danakin N.S. Models of Behavior in a Problem Situation // Technological Innovations and Scientific Discoveries: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the III Int. scientific-practical. conf. (July 21, 2020, Ufa). – Ufa: Publishing House of the Scientific Research Center Herald of Science, 2020. P. 118-123.
4. Barkovsky E.S., Danakin N.S. Behavior in a Problem Situation // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 3 (189). P. 36-46.
5. Danakin N.S., Gaivoronskaya N.I. Place and role of problem analysis in the system of social management // City management: theory and practice. 2011. № 1. P. 26-34.
6. Danakin N.S., Gaivoronskaya N.I. Problem analysis in the system of social management. Belgorod: IP Ostashchenko A.A., 2011. 182 p.
7. Il'nitsky V.G. Problem analysis as a method of social diagnostics // Social structures and processes: All-Russian scientific and practical (correspondence) conf., December 2007 / Belgorod state technological university; editorial board: N.S. Danakin, V.Sh. Belgorod: Publishing house of BSTU named after V.G. Shukhov, 2007. P. 41-46.
8. Lapygin Yu.N. Systemic solution of problems. – M.: Eksmo, 2008. 336 p.
9. Mazlumyanova N.Ya. On the methodology of studying problem situations // Sociological journal. 2000. № 1-2. P. 79-88.
10. Toshchenko Zh.T. Social problems of the life-world of Russians in modern society // Scientific result. Sociology and management. 2022. Vol. 8. № 4. P. 5-8.

Конев И.В.

Доктор социологических наук, профессор.
Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Знахарчук Ф.Р.

Аспирант. Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Мотивационно-ресурсное обеспечение социального управления*

Аннотация. В данной статье представлены результаты социологического опроса, проведенного среди вузовских преподавателей и педагогов, государственных и муниципальных служащих и социальных работников. Предмет опроса – анализ и оценка мотивационно-ресурсного обеспечения социального управления в различных типах организаций (государственных, муниципальных, социальных, вузовских и школьных).

Ключевые слова: мотивация, ресурсы, проблема, социальная проблема, достаточность/недостаточность ресурсов, социальное управление, эффективная мотивация, постановка проблемы.

Konev I.V.

Doctor of Sociological Sciences, Professor. Belgorod State Technological University.

Znakharchuk F.R.

Postgraduate Student. Belgorod State National Research University.

Motivational and resource support for social management

Abstract. This article presents the results of a sociological survey conducted among university teachers and educators, state and municipal employees and social workers. The subject of the survey is the analysis and assessment of motivational and resource support for social management in various types of organizations (state, municipal, social, university and school).

Key words: motivation, resources, problem, social problem, sufficiency/insufficiency of resources, social management, effective motivation, problem statement.

Успешное решение любых проблем, в том числе социальных возможно, во-первых, при наличии соответствующей (положительной) мотивации; во-вторых, при наличии необходимых и достаточных ресурсов.

Цель данной статьи – анализ и оценка практики мотивационно-ресурсного обеспечения управления в различных сферах социальной жизни. Статья подготовлена по материалам выборочного опроса пяти категорий респондентов (вузовские преподаватели, федеральные служащие, муниципальные слу-

* © Конев И.В., Знахарчук Ф.Р., 2025.
Мотивационно-ресурсное обеспечение социального управления

жащие, социальные служащие (работники), педагоги) в трех регионах (г. Москва, Белгородская и Тульская области). Опрошено 505 респондентов.

Оценка достаточности ресурсного обеспечения для решения проблем. Важная гарантия успеха в решении проблем – их обеспеченность необходимыми и достаточными ресурсами. Респонденты отвечали также на вопрос о состоянии ресурсной обеспеченности решения проблем. Были предложены варианты ответа: «да, всегда», «не всегда», «редко», «почти никогда», «никогда» (см. таблицу 1).

Наиболее популярный вариант ответа, как оказалось, «не всегда». На вариант «всегда» указывают исключительно женщины. Мужчины, как видно, воздерживаются от такого оптимистического утверждения. Среди мужчин также преобладает вариант «почти никогда», среди женщин – более умеренный вариант «редко».

Теперь обратимся к распределению ответов респондентов в зависимости от характера их деятельности (см. таблицу 2).

Самый распространенный вариант ответа, как оказалось, «не всегда», особенно у социальных служащих (86,7%) и вузовских преподавателей (80,8%). Вместе с тем, среди социальных служащих не оказалось никого, кто бы выбрал вариант «да, всегда». Стоит обратить также внимание на то, что почти треть муниципальных служащих выбрала варианты «никогда» или «почти никогда» на поставленный выше вопрос.

Почти три четверти респондентов

Таблица 1. Всегда ли располагаете необходимыми и достаточными ресурсами для успешного решения проблем? (распределение ответов по полу)

Варианты ответа	Категории опрошенных		Сводные данные
	мужчины	женщины	
1. Да, всегда	0,0	12,5	9,6
2. Не всегда	82,4	67,9	71,2
3. Редко	5,9	8,9	8,2
4. Почти никогда	11,8	7,1	8,2
5. Никогда	0,0	3,6	2,7

Таблица 2. Всегда ли располагаете необходимыми и достаточными ресурсами для успешного решения проблем? (распределение ответов по сфере деятельности)

Варианты ответа	Категории опрошенных					Сводные данные
	Вузовские преподаватели	Федеральные служащие	Муниципальные служащие	Социальные служащие	Педагоги	
1. Да, всегда	3,8	25,0	20,0	0,0	14,3	9,6
2. Не всегда	80,8	62,5	30,0	86,7	71,4	71,2
3. Редко	3,8	12,5	20,0	6,7	7,1	8,2
4. Почти никогда	11,5	0,0	10,0	6,7	7,1	8,2
5. Никогда	0,0	0,0	20,0	0,0	0,0	2,7

ответили на поставленный вопрос «не всегда», и относительно больше их в старших возрастных группах. Сравнительно больший оптимизм (вариант ответа «да, всегда») проявляют респонденты в возрасте от 50 до 60 лет, и, напротив, для сравнения, меньший оптимизм – респонденты в возрасте 30-40 лет. Среди этой возрастной группы сравнительно больше выбравших также варианты ответа «редко» (19,0%), «почти, никогда» (9,5%) и «никогда» (9,5%).

Успешное решение проблем возможно при наличии соответствующих ресурсов. Их много, и при опросе выделены шесть видов ресурсов: финансовые, материальные, кадровые, профессиональные, организационные, психологические. Был предложен также вариант «другие», но он остался с нулевым значением (см. таблицу 3).

Как видно из таблицы, для успешного решения проблем не хватает, прежде всего, организационных ресурсов, на что указывает треть опрошенных респондентов. Следующая группа «недостающих» ресурсов – кадровая. В их оценке проявляется достаточно высокая гендерная солидарность: на их недостаток указывают 25% опрошенных женщин и почти столько же (23,5%) респондентов-мужчин. Проявляются и другие гендерные различия в оценке достаточности ресурсов. Так, ни один из опрошенных мужчин не указывает на недостаток психологических ресурсов, тогда как на это указывает каждый седьмой (14,3%) из опрошенных женщин. Далее, мужчины более критично оценивают наличие профессиональных и финансовых ресурсов, женщины, со своей стороны, недостаток материальных ресурсов.

Дифференцированная оценка достаточности/недостаточности управленческих ресурсов. Теперь обратимся к оценке достаточности/недостаточности управленческих ресурсов в зависимости от рода деятельности респондентов (см. таблицу 4).

На недостаток финансовых ресурсов указывают, прежде всего, федеральные и социальные служащие; на недостаток материальных и профессиональных ресурсов – школьные педагоги и вузовские преподаватели. Далее, почти все группы опрошенных в равной мере (в пределах 20-25%) оценивают дефицит кадровых ресурсов. Правда, более критична при этом оценка педагогов (35,7%). Как уже отмечалось

Таблица 3. Каких ресурсов чаще всего не хватает для успешного решения проблем? (распределение ответов по полу)

Варианты ответа	Категории опрошенных		Сводные данные
	мужчины	женщины	
1. Финансовые	29,4	19,6	21,9
2. Материальные	17,6	21,4	20,5
3. Кадровые	23,5	25,0	24,7
4. Профессиональные	35,3	12,5	17,8
5. Организационные	29,4	35,7	34,2
6. Психологические	0,0	14,3	11,0
7. Другие (укажите сами)	0,0	0,0	0,0

выше, наибольший дефицит, по оценке респондентов, имеется в организационных ресурсах.

Распределение полученных данных в зависимости от возраста респондентов выглядит следующим образом. Сравнительно больший дефицит имеется по организационным ресурсам, на что указывают, прежде всего, респонденты до 29 лет и 30-40 лет, а также свыше 60 лет. Сравнительно больший дефицит имеется также по материальным ресурсам, на что указывают все группы респондентов, начиная с 40 лет. Как и следовало ожидать, на недостаток профессиональных ресурсов, т.е. профессионализма, указывают, прежде всего, респонденты возрастных групп до 29 лет и 30-40 лет. Недостаток кадровых ресурсов отмечают респонденты возрастных групп до 29 лет и 40-50 лет. На недостаток финансовых ресурсов, как видно из табличных данных, указывают, прежде всего, респонденты возрастной группы 50-60 лет; на недостаток психологических ресурсов – респонденты в возрасте свыше 60 лет

Для успешного решения проблем нужны не только материальные или финансовые ресурсы, но и соответствующая, т.е. действенная мотивация.

Судя по табличным данным (см. таблицу 5), такой мотивации явно недостаточно. Только 2,7% опрошенных

Таблица 4. Каких ресурсов чаще всего не хватает для успешного решения проблем? (распределение ответов по сфере деятельности)

Варианты ответа	Категории опрошенных					Сводные данные
	Вузовские преподаватели	Федеральные служащие	Муниципальные служащие	Социальные служащие	Педагоги	
1. Финансовые	19,2	50,0	0,0	33,3	14,3	21,9
2. Материальные	30,8	0,0	10,0	26,7	14,3	20,5
3. Кадровые	23,1	25,0	20,0	20,0	35,7	24,7
4. Профессиональные	23,1	0,0	0,0	6,7	42,9	17,8
5. Организационные	7,7	37,5	70,0	26,7	64,3	34,2
6. Психологические	3,8	12,5	0,0	33,3	7,1	11,0
7. Другие (укажите сами)	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

Таблица 5. Достаточно ли мотивации у сотрудников для успешного решения проблем? (распределение ответов по полу)

Варианты ответа	Категории опрошенных		Сводные данные
	мужчины	женщины	
1. Да	0,0	3,6	2,7
2. Скорее всего, да	29,4	35,7	34,2
3. Скорее всего, нет	35,3	8,9	15,1
4. Нет	17,6	21,4	20,5
5. Это зависит от характера проблемы	17,6	30,4	27,4

указывают на достаточность такой мотивации: причем, на это указывают одни только женщины. Правда, каждый третий из опрошенных предпочитает более умеренный вариант ответа «скорее всего, да». Вместе с тем, значительная часть опрошенных указала на ответы «скорее всего, нет» (15,1%) и «нет» (20,5%). Обращает на себя внимание и последняя строка: каждый четвертый из опрошенных указывает на то, что успешное решение проблем «зависит от характера проблемы». Причем, эта оценка более популярна у женщин (30,4%).

Теперь обратимся к данным опроса в разрезе профиля деятельности респондентов (см. таблицу 6).

Во-первых, показательно то, что вариант ответа «да» получил распространение, хотя и небольшое, только среди вузовских преподавателей и педагогов. В их ответах также преобладает вариант «скорее всего, да». Во-вторых, такой умеренной положительной оценки придерживается также третья часть опрошенных муниципальных и социальных служащих. Оценки «нет» придерживаются преимущественно, опять же, муниципальные (30,0%), федеральные (25,0%) служащие и вузовские преподаватели (26,9%). В-третьих, больше четверти опрошенных (27,4%) дали ответ, что достаточность/недостаточность мотивации зависит от характера проблемы, причем, наибольшее число таких ответов получено от государственных служащих (50%), социальных служащих (40%) и муниципальных служащих (30%).

Распределение ответов респондентов в зависимости от их возраста может быть представлено таким образом. Обратим внимание, прежде всего, на то, что три четверти опрошенных ответили «скорее всего, да» на поставленный вопрос, причем их, оказалось сравнительно больше в возрастных группах до 29 лет, 40-50 лет и 50-60 лет, во всяком случае, их показатели превышают средний показатель по всем группам опрошенных. Вариант «скорее всего, нет» отметили более трети опрошенных в группе 40-50 лет; вариант «нет» – почти столько же опрошенных из группы 30-40 лет. Значительное число опрошенных связывает достаточность мотивации с характером решаемой проблемы, и это мнение, как видно, сравнительно больше выражено в крайних возрастных группах (до 40 лет и свыше 60 лет).

Оценка принципиальной возможности эффективной мотивации. В

Таблица 6. Достаточно ли мотивации у сотрудников для успешного решения проблем? (распределение ответов по сфере деятельности)

Варианты ответа	Категории опрошенных					Сводные данные
	Вузовские преподаватели	Федеральные служащие	Муниципальные служащие	Социальные служащие	Педагоги	
1. Да	3,8	0,0	0,0	0,0	7,1	2,7
2. Скорее всего, да	42,3	12,5	30,0	33,3	35,7	34,2
3. Скорее всего, нет	11,5	12,5	10,0	20,0	21,4	15,1
4. Нет	26,9	25,0	30,0	6,7	14,3	20,5
5. Это зависит от характера проблемы	15,4	50,0	30,0	40,0	21,4	27,4

продолжение и развитие предыдущего вопроса выяснялось мнение респондентов о том, имеется ли принципиальная возможность эффективной мотивации в успешном решении проблем (см. таблицу 7).

Почти половина опрошенных (47,2%) дала умеренный вариант ответа «скорее всего, да», причем, их оказалось больше среди женщин (51,8%), нежели среди мужчин (35,3%). Вариант однозначного ответа «да» дали всего 5,5% опрошенных, причем, в равной мере и женщины, и мужчины. Показательно также то, что отрицательные оценки «нет» и «скорее всего, нет» дали преимущественно мужчины (35,3%), тогда как среди женщин такой оценочный «негатив» распространен только среди 17,9% опрошенных.

Теперь обратимся к данным опроса в разрезе профиля деятельности респондентов (см. таблицу 8).

Положительные варианты ответа, как видно из табличных данных, показательны для вузовских преподавателей, федеральных и социальных служащих. Несколько ниже «позитивные» показатели у педагогов и муниципальных служащих. Кстати, среди «муниципалов» преобладает количество затруднившихся (50%), которое достаточно велико также в ответах педагогов (35,7%).

Респондентам было предложено также ответить на вопрос о том, име-

Таблица 7. Имеется ли принципиальная возможность эффективной мотивации сотрудников для успешного решения проблем? (распределение ответов по полу)

Варианты ответа	Категории опрошенных		Сводные данные
	мужчины	женщины	
1. Да	5,9	5,4	5,5
2. Скорее всего, да	35,3	51,8	47,9
3. Скорее всего, нет	29,4	14,3	17,8
4. Нет	5,9	3,6	4,1
5. Затрудняюсь ответить	23,5	25,0	24,7

Таблица 8. Имеется ли принципиальная возможность эффективной мотивации сотрудников для успешного решения проблем? (распределение ответов по сфере деятельности)

Варианты ответа	Категории опрошенных					Сводные данные
	Вузовские преподаватели	Федеральные служащие	Муниципальные служащие	Социальные служащие	Педагоги	
1. Да	3,8	0,0	10,0	6,7	7,1	5,5
2. Скорее всего, да	53,8	62,5	20,0	60,0	35,7	47,9
3. Скорее всего, нет	26,9	0,0	10,0	20,0	14,3	17,8
4. Нет	0,0	12,5	10,0	0,0	7,1	4,1
5. Затрудняюсь ответить	15,4	25,0	50,0	13,3	35,7	24,7

ется ли принципиальная возможность эффективной мотивации сотрудников для успешного решения проблем.

Сравнительно больший оптимизм в ответе на этот вопрос проявили, как видно, респонденты возрастных групп 50-60 лет и свыше 60 лет. Напротив, сравнительно больший пессимизм показали респонденты в возрасте от 30 до 40 лет (14,3% из них ответили однозначно «нет», а почти половина 47,6% – вообще затруднились ответить).

Выводы

1. Респонденты не всегда располагают необходимыми и достаточными ресурсами для успешного решения проблем. Особенно это характерно для социальных служащих и вузовских преподавателей. При этом, сравнительно больший оптимизм проявляют респонденты в возрасте от 50 до 60 лет, и меньший оптимизм – респонденты в возрасте 30-40 лет.

2. Для успешного решения проблем не хватает, прежде всего, организационных ресурсов, на что указывает треть опрошенных респондентов. Следующая группа «недостающих» ресурсов – кадровая. На недостаток финансовых ресурсов указывают, прежде всего, федеральные и социальные служащие; на недостаток материальных и профессиональных ресурсов – школьные педагоги и вузовские преподаватели.

3. Как полагает большинство опрошенных, им не хватает достаточной мотивации для успешного решения проблем (только 2,7% опрошенных указывают на достаточность такой мотивации). Каждый третий из опрошенных выбрал более умеренный вариант «скорее всего, да», вариант ответа «да» получил распространение, хотя и небольшое, только среди вузовских преподавателей и педагогов.

4. Отвечая на вопрос о том, имеется ли принципиальная возможность эффективной мотивации сотрудников для успешного решения проблем, почти половина опрошенных (47,2%) дала умеренный вариант ответа «скорее всего, да». При этом, сравнительно больший оптимизм проявили респонденты старших возрастных групп.

Список литературы

1. Андруник А.П. Современные проблемы управления персоналом: социально-психологический аспект // Перспективы науки. 2020. № 12 (135). С. 219-221.
2. Барковский Е.С., Данакин Н.С. Аналитические модели социальной проблемы // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 5. С. 15-21.
3. Мазлумянова Н.Я. К методологии исследования проблемных ситуаций // Социологический журнал. 2000. № 1-2. С. 79-88.
4. Миронова Е.А., Соловова Н.В. Анализ проблемного поля исследований управления социальным развитием организации // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2017. Т. 8. № 4. С. 56-62.
5. Несвит А.В. Управленческое решение как результат анализа проблемной ситуации // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2016. № 28. С. 21-25.
6. Сапрыкина Ю.В., Томаров А.В. Проблемы социального управления в современной социологической теории // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2021. № 1 (19). С. 35-36.

References

1. Andrunik A.P. Modern problems of personnel management: socio-psychological aspect // Prospects of Science. 2020. № 12 (135). P. 219-221.
2. Barkovsky E.S., Danakin N.S. Analytical models of a social problem // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2020. № 5. P. 15-21.
3. Mazlumyanova N.Ya. On the methodology of studying problem situations // Sociological journal. 2000. № 1-2. P. 79-88.
4. Mironova E.A., Solova N.V. Analysis of the problem field of research on the management of social development of an organization // Bulletin of Samara University. Economics and Management. 2017. Vol. 8. № 4. P. 56-62.
5. Nesvit A.V. Management decision as a result of the analysis of a problem situation // Economics and Management: Analysis of Trends and Development Prospects. 2016. № 28. P. 21-25.
6. Saprykina Yu.V., Tomarov A.V. Problems of social management in modern sociological theory // Traditional national-cultural and spiritual values as the foundation of innovative development of Russia. 2021. № 1 (19). P. 35-36.

Упоров И.В.

Доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор.
Российская академия естествознания, г. Краснодар.

Казанков В.Ю.

Кандидат юридических наук. Российская академия естествознания, г. Краснодар.

Уголовно-правовое регулирование ответственности за разбой в советском государстве*

Аннотация. Преступления против собственности стали совершаться еще в глубокой древности, тогда же государство определяло меры по защите собственности от общественно опасных посягательств. Постепенно, по мере социально-экономического развития человеческого сообщества, преступления против собственности стали разделяться на виды в зависимости от способа их совершения, в том числе был обособлен разбой, связанный с хищением чужого имущества с применением насилия, опасного для жизни и здоровья. В России законодатель в различные исторические эпохи определял различные признаки данного общественно опасного деяния. В статье рассматриваются особенности уголовно-правового регулирования ответственности за разбой в советском государстве. Соответственно рассматриваются нормы советских уголовных законов, и прежде всего УК РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг., а также научные труды, в которых затрагивается заявленная тема. Делаются авторские обобщения.

Ключевые слова: советское государство, преступления против собственности, разбой, кодекс, насилие, собственность.

Uporov I.V.

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor.
Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar.

Kazankov V.Yu.

Candidate of Legal Sciences. Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar.

Criminal-legal regulation of liability for robbery in the soviet state

Abstract. Crimes against property began to be committed in ancient times, at the same time the state determined measures to protect property from socially dangerous encroachments. Gradually, as the socio-economic development of human society progressed, crimes against property began to be divided into types depending on the method of their commission, including robbery, associated with the theft of someone else's property with the use of violence dangerous to life and health, was isolated. In Russia, the legislator in various historical eras defined various signs of this socially dangerous act. The article examines the features of criminal-legal regulation of responsibility for robbery in the Soviet state. Accordingly, the norms of Soviet criminal laws are considered, and first of all the Criminal Code of the RSFSR of 1922, 1926 and 1960, as well as scientific works that touch on the stated topic. The author's generalizations are made.

Key words: Soviet state, crimes against property, robbery, code, violence, property.

* © Упоров И.В., Казанков В.Ю., 2025.

Уголовно-правовое регулирование ответственности за разбой в советском государстве

В первые годы советской власти уголовно-правовое регулирования разбоя крайней противоречивостью и бессистемностью, что отражало в целом начальный период правовой системы советского государства. Такое положение объяснялось рядом факторов, и тем, что советская власть практически полностью отвергла имперское законодательство, и чрезвычайно сложным внутриполитическим положением, когда законность заменялась целесообразностью, направленной на удержание и укрепление советской власти. Потребовалось определенное время для того, чтобы советский законодатель смог сделать первое обобщение развития уголовно-правовых норм. Это произошло с принятием Руководящих начал по уголовному праву РСФСР в декабре 1919 г. До этого вопросы уголовного права и, соответственно, наказания находили в многочисленных, разрозненных, зачастую противоречащих друг другу нормативно-правовых и правоприменительных актах как высших органов советской власти, так и органов управления. Для примера можно привести декрет СНК от 5 мая 1921 г. «Об ограничении прав по судебным приговорам», где впервые в определенной системности упоминаются такие преступные посягательства против собственности, как кража, разбой, мошенничество, вымогательство, присвоение и растрата [1].

Лишь в УК РСФСР 1922 г. законодатель дает более четкое определение имущественным преступлениям, в том числе разбою. Этот кодекс был принят Третьей сессией ВЦИК девятого созыва [2]. Следует заметить, что данный Кодекс стал первым официальным уголовным кодифицированным законом советского государства (Руководящие начала по уголовному праву 1919 г., хотя фактически и играли роль законодательного акта, официально являлись подзаконным нормативным документом, так как был принят НКЮ). Институт разбоя как вид преступного посягательства по сравнению с позицией законодателя Российской империи претерпел определенные изменения, хотя в целом основные, ведущие признаки объективной стороны этого преступления, отграничивающие его от грабежа, остались сходными. В УК РСФСР 1922 г. разбой определен как открытое, с целью похищения имущества нападение отдельного лица на кого-либо, соединенное с физическим или психическим насилием, грозящим смертью или увечьем (ст. 184) [2]. Это преступление каралось лишением свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией, а при рецидиве – высшей мерой наказания. Разбой, совершенный группой лиц (бандитизм) карался смертной казнью.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что момент окончания преступления в виде разбоя по-прежнему, как и в период империи, в уголовно-правовой литературе в те годы определялся с момента завладения имуществом [3, с. 48]. При этом объект преступления и предмет преступления при хищениях отождествлялись. Для сопоставления отметим, что грабеж как смежный состав преступного деяния против собственности был определен как открытое похищение чужого имущества в присутствии лица, обладающего, пользующегося или ведающего им, но без насилия над его личностью (ст. 182) [2]. Насилие, не опасное для жизни и здоровья потерпевшего, законодателем закреплялось как квалифицирующий признак грабежа в ст. 183 УК РСФСР.

Принятый после образования СССР

УК РСФСР 1926 г. [4] принципиальных изменений в диспозицию разбоя не внес. Обращает на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, достаточно четко прослеживается разделение имущества на личное и государственное. Во-вторых, на содержание диспозиции влияет новая стратификация общества, в которой приоритет отдается трудящимся. Согласно ст. 167 УК РСФСР разбой формулировался следующим образом: открытое, с целью завладения чужим имуществом нападение отдельного лица, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего. Это был основной состав, за совершение которого могло последовать наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет. В указанной статье определены следующие квалифицирующие признаки разбоя: повторный разбой (наказание - лишение свободы со строгой изоляцией на срок до десяти лет с конфискацией всего или части имущества); разбой, повлекший за собою смерть или тяжкое увечье потерпевшего (лишение свободы со строгой изоляцией на срок до десяти лет с конфискацией имущества, а при признании судом лица, совершившего преступление, особо социально опасным, с повышением вплоть до расстрела).

В целом же степень уголовно-правового регулирования разбоя в рассмотренных кодексах уступает законодательному подходу периода империи, особенно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В дальнейшем в советском государстве принимались отдельные законы, направленные на усиление наказания за хищения, и прежде всего государственного имущества, причем любым способом.. Так, 7 августа 1932 г. по инициативе Сталина ЦИК и СНК СССР приняли Постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» [5]. Этот акт предусматривал довольно жесткие наказания – лица, покушавшиеся на общественную собственность, объявлялись врагами народа. За такие преступления предусматривались длительные сроки лишения свободы и расстрел. Так, в ст. 2 первого раздела этого закона указывалось: «Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение грузов на железнодорожном и водном транспорте высшую меры социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже десяти лет с конфискацией имущества» [5]. Указывалось также, что к преступникам, осужденным за деяния, сформулированные в данном законе, амнистию не применять.

В 1933–1934 гг. принимались еще законы, направленные на усиление уголовно-правовой ответственности за хищения чужого имущества. Так, 16 февраля 1933 г. СНК СССР принимает Постановление «О мероприятиях по усилению борьбы с хищениями и растратами в государственных и кооперативных торговых предприятиях» [6]. В Великую Отечественную войну правовое регулирование составов имущественных преступлений не изменялось, в том числе это касается и разбоя. Послевоенный период с 1945 по 1953 г. был отмечен направлением уголовно-правового нормотворчества, связанного с ростом экономической преступности. К таким нормам относится Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственную и общественную имущества» [7] и «Об усилении охраны

личной собственности граждан» [8]. За хищение государственного имущества устанавливается наказание до 25 лет лишения свободы с конфискацией имущества. В отношении разбоя вторым из отмеченных указов вводилась уголовная ответственность за недонесение об этом преступлении, что свидетельствовало о признании еще большей тяжести этого вида преступного посягательства на собственность. Тем же вторым указом давалось несколько иная формулировка диспозиции разбоя – под ним понималось нападение с целью завладения чужим имуществом, соединенное не только с насилием, но и угрозой применения насилия; признак «угрозы насилием» был, таким образом, вновь возвращен в законодательное определение разбоя.

Затем на союзном уровне в 1958 г. были утверждены Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик [9]. Они ознаменовали собой крупный шаг по пути укрепления законности. Это выразилось прежде всего в четкой конструкции нормы об основаниях уголовной ответственности. Статья 3 Основ устанавливала: «Уголовной ответственности и наказанию подлежит только виновные в совершении преступления, то есть умышленно или по неосторожности совершившие предусмотренное уголовным законодательством общественно опасное деяние» [9]. Таким образом осталась в прошлом норма УК РСФСР 1922 г. и 1926 г. об аналогии, которая неизменно связывается с неполным воплощением принципа законности: «нет преступления, нет наказания без указания о том в законе».

После вступления Основ были приняты республиканские кодексы. В РСФСР Уголовный кодекс был принят в 1960 г. [10]. Здесь разбой как вид преступного деяния, формулировался в двух видах, а именно как хищение государственного или общественного имущества (ст. 91 УК РСФСР) и разбой как хищение личного имущества граждан (ст. 146 УК РСФСР). В первом случае разбой (основной состав) наказывался лишением свободы на срок от трех до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой, во втором случае - лишением свободы на срок от трех до десяти лет; как видно, более строго наказывалось хищение государственного или общественного имущества, которому отдавался приоритет в уголовно-правовой охране согласно политико-правовой концепции советского общества.

Как видно, государственная (общественная) собственность была большей социально-экономической собственностью, чем личная собственность граждан. Такой подход находил отражение в самой конструкции Особенной части, а именно в том, что глава о преступлениях против социалистической собственности находилась в перечне глав второй, а глава о преступлениях против личной собственности граждан – лишь пятой. Разбой определялся законодателем следующим образом: нападение с целью завладения государственным или общественным имуществом, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья лица, подвергшегося нападению, или с угрозой применения такого насилия (ст. 91) [10]. Квалифицирующие признаки разбоя были сформулированы следующим образом: предварительный сговор группой лиц; применение оружия или других предметов, используемых в качестве оружия; причинение тяжких телесных повреждений; совершение разбоя особо опасным рецидивистом; совершение разбоя лицом, ранее совершившим раз-

бой с целью завладения государственным или общественным имуществом или личным имуществом граждан, либо бандитизм, а равно если эти действия были направлены на завладение государственным или общественным имуществом в крупных размерах [10].

В ст. 146 УК РСФСР разбой определялся так же, как и в ст. 91, хотя и в несколько другой редакции (нападение с целью завладения личным имуществом граждан, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия [10]). После принятия кодекса в уголовно-правовой литературе уже сложились доминирующие представления о признаках преступного хищения имущества, к числу которых относились безвозмездность, противоправность действий виновного, причинение имущественного ущерба собственнику имущества [11, с. 156]. Что касается корыстного мотива, то он также считался признаком хищения, хотя была и иная точка зрения, согласно которой при хищении корыстный мотив был необязателен. Подавляющая часть преступлений в виде разбоя наказывались лишением свободы.

В 1960-1982 гг. произошли некоторые изменения в законодательстве, регулирующем уголовную ответственность за преступления против социалистической и личной собственности граждан. Анализ этих законодательных актов свидетельствует о том, что усиление уголовной ответственности происходило не столько путем изменения санкций (верхние пределы санкций вообще не повышались), сколько путем введения новых квалифицирующих признаков, отражающих повышенную опасность некоторых видов посягательств. Наиболее существенное изменение было внесено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря 1982 г., которым к квалифицирующим обстоятельствам было отнесено совершение кражи, грабежа и разбоя с проникновением в помещение или иное хранилище либо в жилище (последнее относилось к хищениям личной собственности граждан). И по-прежнему серьезным квалифицирующим признаком оставалось совершение преступление с применением насилия [12].

Изменения видов и форм собственности, как объекта преступного посягательства, стало возможным только после принятия на референдуме новой Конституции России 1993 г. [13], где ст. 8 предусматривается наличие в государстве различных форм собственности и защиты их равным образом. Федеральным законом от 1 июля 1994 г. были внесены соответствующие изменения в уголовный закон [14], в частности, была исключена глава вторая (хищения государственного и общественного имущества) и установлена одинаковая ответственность за хищения любой формы собственности. Соответственно в новый постсоветский УК РФ 1996 г. [15] состав разбоя был введен на основе формулировки 1994 г. Таким образом, в в советский период на конструкцию состава разбоя сильное влияние оказывал политико-идеологический фактор, в результате чего в уголовном законодательстве практически с одинаковой диспозицией появляются конструкции двух составов разбоя – за хищение личного имущества и за хищение общественного или государственного имущества, при этом более строгая ответственность предусматривалась за последний вид разбоя. С переходом экономики России на рыночные отношения в начале 1990-х гг. различие между общественным (государствен-

ным) и личным имуществом стирается – все виды собственности уголовным законом стали защищаться одинаково.

Список литературы

1. Декрет СНК от 05.05. 1921 «Об ограничении прав по судебным приговорам» // СУ РСФСР. 1921. № 39. Ст. 309.
2. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
3. Змиев Б. Уголовное право. Часть особенная. Казань, 1923.
4. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
5. Постановление ЦИК и СНК СССР от 07.08.1932 «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» // СЗ СССР. 1932. № 62.
6. Постановление СНК СССР от 13.02.1933 «О мероприятиях по усилению борьбы с хищениями и растратами в государственных и кооперативных торговых предприятиях» СЗ СССР. 1933. № 13. Ст. 176.
7. Указ ПВС СССР от 04.06. 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственную и общественную имущества» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 19.
8. Указ ПВС СССР от 04.06. 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 20.
9. Основы уголовного законодательства союза ССР и союзных республик от 25.12. 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст.44.
10. Уголовный кодекс РСФСР (утв. Постановлением ВС РСФСР от 27.10.1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
11. Кригенр Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. – М.: 1974.
12. Упоров И.В. Преступное имущественное насилие: понятие, уголовно-правовое регулирование и предупреждение. – Москва, 2015.
13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 30.03.2025).
14. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1867.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 30.03.2025).

References

1 Decree of the Council of People's Commissars of 05.05. 1921 "On the Limitation of Rights under Court Sentences" // SU RSFSR. 1921. № 39. Art. 309.
2. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 01.06.1922 "On the Introduction of the Criminal Code of the RSFSR" // SU RSFSR. 1922. № 15. Art. 153.
3. Zmiev B. Criminal Law. Special Part. Kazan, 1923.
4. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 22.11.1926 "On the Introduction of the Criminal Code of the RSFSR" // SU RSFSR. 1926. № 80. Art. 600.
5. Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR of 07.08.1932 "On the Protection of the Property of State Enterprises, Collective Farms, and Cooperatives and the Strengthening of Public (Socialist) Ownership" // SZ USSR. 1932. № 62.
6. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of 13.02.1933 "On Measures to Strengthen the Fight against Theft and Embezzlement in State and Cooperative Trading Enterprises" SZ USSR. 1933. № 13. Art. 176.
7. Decree of the Supreme Soviet of the USSR of 04.06. 1947 "On Criminal Liability for the Theft of State and Public Property" // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1947. № 19.
8. Decree of the Supreme Soviet of the USSR of 04.06. 1947. "On Strengthening the Protection of Citizens' Personal Property" Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1947. № 20.
9. Fundamentals of Criminal Legislation of the USSR and Union Republics of 12/25/1958 // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1959. № 1. Art. 44.
10. Criminal Code of the RSFSR (approved by the Resolution of the Supreme Soviet of the RSFSR of 10/27/1960) // Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. № 40. Art. 591.
11. Krigenr G.A. Qualification of Theft of Socialist Property. – M.: 1974.
12. Uporov I.V. Criminal Property Violence: Concept, Criminal-Legal Regulation and Prevention. – Moscow, 2015.
13. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // SPS "ConsultantPlus" (30.03.2025).
14. Bulletin of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1991. № 52. Art. 1867.
15. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 28.12.2024) // SPS "ConsultantPlus" (30.03.2025).

Бормотова Т.М.

Доктор социологических наук, профессор,
Российский государственный социальный университет, г. Москва.

Макаров В.В.

Российский государственный социальный университет, г. Москва.

Управление развитием социального капитала территории*

Аннотация. В статье рассматривается концепция управления социальным капиталом как ключевого фактора устойчивого развития регионов. Социальный капитал представляет собой совокупность социальных связей, норм и доверия, которые способствуют снижению транзакционных издержек и укреплению социальной сплочённости. В условиях глобализации значимость социального капитала возрастает.

Авторы анализируют концепции Пьера Бурдье, Роберта Патнэма и Джеймса Коулмана, выделяя структурные и функциональные аспекты социального капитала. Особое внимание уделяется роли социального капитала в формировании местных сообществ, стимулировании экономического роста и инноваций.

На уровне регионов управление социальным капиталом предполагает вовлечение граждан через общественные слушания и советы, поддержку волонтёрской деятельности и некоммерческих организаций, что способствует повышению прозрачности власти и гражданской ответственности.

Статья раскрывает механизмы управления социальным капиталом, такие как вовлечение граждан, развитие волонтёрства и создание институциональной среды для поддержки некоммерческих организаций.

Ключевые слова: социальный капитал, управление развитием, территория, местные сообщества, некоммерческие организации, устойчивое развитие.

Bormotova T.M.

Doctor of Sociological Sciences, Professor. *Russian State Social University.*

Makarov V.V.

Russian State Social University.

Management of the development of the territory's social capital

Abstract. The article discusses the concept of social capital management as a key factor in the sustainable development of regions. Social capital is a collection of social connections, norms, and trust that contribute to reducing transaction costs and strengthening social cohesion. In the context of globalization, the importance of social capital is increasing.

The authors analyze the concepts of Pierre Bourdieu, Robert Putnam and James Coleman, highlighting the structural and functional aspects of social capital. Special attention is paid to the role of social capital in shaping local communities, stimulating economic growth and innovation.

At the regional level, social capital management involves the involvement of citizens through

* © Бормотова Т.М., Макаров В.В., 2025.

Управление развитием социального капитала территории

public hearings and councils, support for volunteer activities and non-profit organizations, which contributes to increased government transparency and civic responsibility.

The article reveals the mechanisms of social capital management, such as citizen engagement, the development of volunteerism and the creation of an institutional environment to support non-profit organizations.

Key words: social capital, development management, territory, local communities, non-profit organizations, sustainable development.

Введение

В современном обществе, подверженном влиянию глобализации, цифровизации и социальной стратификации, управление социальным капиталом становится ключевым фактором для обеспечения устойчивого развития и процветания регионов [7].

Социальный капитал представляет собой совокупность ресурсов, которыми располагают индивиды и сообщества, включая доверие, сотрудничество и взаимопомощь. Эти ресурсы позволяют эффективно использовать доступные возможности, минимизировать риски и создавать условия для роста и развития.

Органы власти и общественные организации должны стремиться к эффективному управлению социальным капиталом, понимая его природу и механизмы функционирования. Это требует проведения исследований и разработки стратегий, направленных на укрепление социального капитала и его использование в интересах развития региона.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления и практического решения задач управления социальным капиталом. Создание научных методов управления повысит эффективность региональной политики и обеспечит устойчивое развитие территорий.

Теоретическая и методологическая основа исследования включает положения экономической теории, социологии, теории управления и концепции социального капитала. Эти подходы рассматривают социальный капитал как ресурс для устойчивого развития, повышения доверия и экономического роста.

Методика.

Теоретические основы социального капитала

Социальный капитал представляет собой совокупность ресурсов, аккумулируемых индивидом или группой посредством социальных связей, институционализированных норм и доверия. Данный феномен способствует укреплению социальной сплочённости, повышению эффективности взаимодействия и стимулирует экономическое и социальное развитие.

Концептуальные основы социального капитала были заложены рядом выдающихся учёных, среди которых Пьер Бурдье, Роберт Патнэм и Джеймс Коулман [1].

Пьер Бурдье, французский социолог, является одним из первых исследователей, внедривших понятие социального капитала в научный дискурс. Он рассматривал его как одну из форм капитала наряду с экономическим и культурным капиталом. Согласно Бурдье, социальный капитал представляет собой совокупность ресурсов, доступных индивидам или группам благодаря устойчивой системе социальных

связей, основанных на взаимном признании и знании. Бурдье подчёркивал, что данный вид капитала не только обеспечивает доступ к разнообразным возможностям и привилегиям, но и может быть конвертирован в другие формы капитала. Примером может служить членство в профессиональных ассоциациях, которое открывает доступ к важным контактам и способствует карьерному росту.

Роберт Патнэм, американский политолог, расширил понимание социального капитала, акцентируя внимание на его значимости для укрепления гражданского общества и демократических институтов. В своих работах он отмечал, что социальный капитал включает в себя совокупность характеристик социальной жизни, таких как социальные сети, нормы и доверие, которые способствуют более эффективному межличностному взаимодействию и достижению общих целей. Патнэм выделил два основных типа социального капитала: связующий капитал, укрепляющий внутренние связи в группах (например, в семье или дружеском коллективе), и мостиковый капитал, соединяющий различные социальные группы, что способствует обмену информацией и ресурсами.

Джеймс Коулман, американский социолог, рассматривал социальный капитал как продукт социальных структур, используемый индивидами для достижения своих целей. Он подчёркивал, что в отличие от экономического или культурного капитала, социальный капитал не принадлежит отдельным индивидам, а существует в рамках отношений между ними. Коулман отмечал, что данный вид капитала включает в себя обязательства, ожидания, доверие и нормы взаимности, которые способствуют снижению транзакционных издержек и повышению эффективности взаимодействия. Особое значение социальный капитал приобретает в условиях, когда формальные институты не могут обеспечить эффективное регулирование социальных процессов.

Социальный капитал можно определить как совокупность социальных сетей, норм и доверия, способствующих кооперации и взаимопомощи между индивидами и социальными группами. Эти элементы тесно взаимосвязаны и взаимно усиливают друг друга [6].

Социальные сети представляют собой систему взаимодействий между индивидами, обеспечивающую обмен ресурсами, информацией и поддержкой. Это могут быть как формальные сети, например, профессиональные ассоциации, так и неформальные, такие как дружеские отношения.

Доверие и нормы являются ключевыми компонентами социального капитала. Нормы представляют собой неформализованные правила и ожидания, регулирующие поведение в обществе (например, нормы взаимопомощи или соблюдения договорённостей). Доверие выражается в уверенности индивидов в том, что другие будут действовать в соответствии с установленными нормами и выполнять свои обязательства.

Социальный капитал является сложным феноменом, включающим различные элементы и выполняющим важные функции в обществе. Его структура и функции тесно взаимосвязаны, способствуя укреплению социальных связей, повышению эффективности взаимодействия и достижению общих целей [9].

Формирование социального капитала осуществляется через социальные сети, связывающие индивидов, группы и организации. Эти сети могут быть горизонтальными, возникающими

между субъектами с равным статусом (например, коллегами или друзьями), и вертикальными, формирующимися между индивидами или группами на разных уровнях социальной иерархии (например, между начальником и подчинённым). Примером может служить бизнес-среда, где горизонтальные связи между партнёрами и клиентами способствуют обмену информацией и ресурсами, повышая эффективность работы.

Результаты. *Социальный капитал как фактор развития территории*

Социальный капитал — это основа, которая объединяет людей через механизмы доверия, социальные нормы, сети и связи. Этот невидимый, но мощный ресурс способствует координации действий и укреплению взаимодействия между различными социальными группами, а также помогает достигать общих целей.

В современном мире значение социального капитала для развития территорий и общества становится всё более важным.

Одной из ключевых характеристик социального капитала является его многофункциональность, которая влияет на экономические, социальные и экологические аспекты жизни. Высокий уровень доверия и активное участие граждан в общественной жизни создают благоприятные условия для развития предпринимательства, инноваций и устойчивого экономического роста. В социальном контексте это выражается в укреплении солидарности, снижении уровня конфликтов и повышении качества социальной поддержки. В экологическом аспекте сообщества с высоким уровнем социального капитала демонстрируют более высокую степень ответственности за состояние окружающей среды, реализуя проекты по её защите и устойчивому развитию.

В региональном развитии социальный капитал приобретает особую ценность, стимулируя прогресс и мобилизуя внутренние ресурсы территории. Эффективное взаимодействие между гражданами, бизнесом и органами власти способствует созданию новых рабочих мест, улучшению инфраструктуры и повышению уровня жизни населения. Регионы с низким уровнем социального капитала сталкиваются с проблемами реализации проектов, отсутствием доверия между участниками и слабой координацией усилий [8].

Социальный капитал играет важную роль в создании условий для экономического роста. Он представляет собой совокупность связей, норм и доверия, которые улучшают взаимодействие между людьми и организациями. Высокий уровень доверия между экономическими агентами снижает транзакционные издержки, упрощает заключение контрактов и стимулирует сотрудничество [4]. Это особенно актуально в условиях рыночной экономики, где надёжность партнёров и предсказуемость бизнес-среды являются решающими факторами.

Регионы с высоким уровнем социального капитала привлекают инвесторов благодаря стабильности и низким рискам, обеспечиваемым социальной сплочённостью и взаимопониманием. Эффективные социальные сети способствуют доступу к информации, технологиям и ресурсам, стимулируя инновации и предпринимательскую активность [12]. Социальный капитал повышает конкурентоспособность регионов на глобальном уровне.

Кроме того, социальный капитал оказывает значительное влияние на укрепление местных сообществ. Он способствует консолидации населения, повышая его способность

к самоорганизации и коллективным действиям. Это особенно важно для решения локальных задач, таких как благоустройство территорий, развитие инфраструктуры или поддержка социально уязвимых категорий населения. Совместные инициативы повышают уровень участия граждан в процессах управления и стратегического развития своих территорий [13].

В результате этих усилий улучшается качество жизни населения: увеличивается доступ к социальным услугам, создаются новые возможности для личностного и профессионального роста, укрепляется социальная справедливость [3]. Снижение уровня неравенства способствует формированию гармоничного общества, где каждый индивид ощущает свою значимость и вовлечённость в общее дело [11].

Механизмы управления развитием социального капитала включают активное участие граждан в принятии решений на местном уровне [2].

Вовлечение населения в процесс обсуждения и выработки решений повышает качество управления и способствует созданию более справедливой и прозрачной системы. Участие граждан может осуществляться через различные механизмы: общественные слушания, открытые форумы, голосования, работу местных советов или инициативных групп. Эти формы взаимодействия позволяют учитывать мнение различных социальных групп, что делает принимаемые решения более сбалансированными и эффективными.

Вовлечение граждан также укрепляет чувство принадлежности к сообществу и повышает уровень доверия между жителями и органами власти. Осознание ответственности за общее благо мотивирует население к активному участию в жизни своего района или города. В результате формируется устойчивое общество, в котором каждый индивид ощущает свою ценность и значимость своего вклада.

Местные инициативы и волонтёрская деятельность являются мощным инструментом для сплочения общества и решения актуальных проблем на локальном уровне. Волонтёрство позволяет людям объединяться вокруг общих целей, будь то благоустройство территорий, помощь социально уязвимым категориям населения, организация культурных мероприятий или экологические проекты. Эти инициативы способствуют формированию добрососедских отношений, укреплению социальных связей и развитию культуры взаимопомощи.

Участие в волонтёрской деятельности позволяет каждому индивиду почувствовать свою значимость и вклад в развитие сообщества. Это также способствует развитию новых навыков, поиску единомышленников и формированию позитивного примера для окружающих.

Обсуждение. *Совершенствование управления развитием социального капитала*

Развитие социального капитала важно для укрепления организаций. Иерархический капитал требует укрепления вертикальных связей через открытые коммуникации и участие руководителей. Рыночный капитал стимулируется горизонтальными связями через кросс-функциональные проекты и мероприятия, разрушающие барьеры между подразделениями.

Интеграция социального капитала в управление включает регулярную оценку его уровня через опросы, интервью и анализ коммуникаций, что помогает выявлять и устранять проблемы. Включение социального капи-

тала в KPI мотивирует персонал к развитию связей [10].

Мониторинг эффективности оценивает удовлетворённость сотрудников, командную работу и уровень конфликтности, что влияет на мотивацию, продуктивность и инновации [5].

Заключение

Социальный капитал важен для устойчивого развития территорий, снижая трансакционные издержки и повышая эффективность взаимодействия. В условиях глобализации и цифровизации его управление становится ключевым инструментом.

Волонтерская деятельность и местные инициативы укрепляют социальный капитал, консолидируя общество и формируя культуру взаимопомощи. Государство создает благоприятную институциональную среду через законы, поддержку НКО и противодействие коррупции.

Высокий уровень доверия способствует экономическому росту, социальной солидарности и ответственному отношению к экологии. Регулярная диагностика состояния социального капитала помогает выявлять проблемы и разрабатывать меры по его укреплению.

Интеграция социального капитала в стратегию управления территориями повышает эффективность региональной политики и активизирует участие граждан. Управление социальным капиталом важно для устойчивого развития, улучшения качества жизни и гармоничного развития общества.

Список литературы

1. Акимова М.К., Персиянцева С.В. Особенности человеческого и социального капитала как факторов социальной безопасности // Психология саморегуляции в контексте актуальных задач образования (к 90-летию со дня рождения ОА Конопкина). 2021. № 1. С. 143-149.
2. Буртовая Ю.В. Социальный капитал как государственный фактор // Основы экономики, управления и права. 2022. № 1 (32). С. 28-35.
3. Деханова Н.Г., Сушко В.А., Холоденко Ю.А. Социальный капитал как фактор формирования качества жизни // Социология. 2023. № 1. С. 86-96.
4. Гимбатов Ш.М. Роль социального капитала в экономическом развитии региона // Вопросы структуризации экономики. 2011. № 2. С. 91-93.
5. Игумнов О.А. Социальный капитал как социальный ресурс управления российских организаций в условиях изменяющейся управленческой среды // Социология. 2022. № 3. С. 179-188.
6. Колмыкова М.А., Амосова А.И. Формирование социального капитала в современной России: от теории к практике // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 33-37.
7. Мухаметова А.Д. Управление региональным развитием на основе использования человеческого капитала в условиях цифровизации // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2021. № 2 (36). С. 70-77.
8. Немировский В., Немировская А. Социальная структура и социальный капитал населения Красноярского края. – М.: Litres, 2022.
9. Солодовников С.Ю. Теоретико-методологические основы исследования социального капитала как политико-экономического феномена // Экономическая наука сегодня. 2017. № 5. С. 6-56.
10. Файзуллин Ф.С. Социальный капитал и разработка технологии его реализации // Проблемы востоковедения. 2021. Т. 91. № 1. С. 23-29.
11. Шуклина Е.А. Качество социального капитала студентов ХМАО-Югры как условие их субъективного благополучия (на материалах эмпирического исследования) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5 (80). С. 20-31.
12. Святогорова С.Б., Бормотова Т.М. Теоретические подходы к оценке человеческого потенциала организации: социологический аспект // Миссия конфессий. 2024. Т. 13. № 7 (80). С. 101-108.
13. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Роль некоммерческих организаций в укреплении здравоохранения и обеспечении доступности медицинской помощи // Культура Мира. 2024. Т. 12. № 37 (2). С. 14-23.
14. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Историческая безопасность — ключ к многомерному видению геополитических угроз // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 2. (№ 37). С. 160-170.
15. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 3. (№ 53). С. 12-21.
16. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Традиционные ценности народов Большой Евразии и современный мир // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 4. (№ 39). С. 120-128.
17. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Пограничная река: ее лимологические преимущества, геополитические водовороты и омуты // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 6. (№ 41). С. 149-158.
18. Рябова Е.Л. Закон необходимого разнообразия применительно к культуре социального управления (размышления, вызванные монографией «Вклад высшего образования в культуру социального управления») // Культура мира. 2024. Том 12. Вы-

пуск 1. (№ 36). С. 126-137.
19. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 3. № 53. С. 12-21.
20. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Острова и государственные границы: история, культура, столкновение цивилизаций // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 7. № 57. С. 70-78.
21. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Академии наук и искусств в аспекте связи традиционных ценностей с модернизацией // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 2 (188). С. 9-17.
22. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Санитарный кордон: от медицины к геополитике // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 8 (194). С. 9-17.
23. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Электоральная культура в противодействии «цветным революциям» // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 7 (193). С. 9-17.
24. Байханов И.Б. Интернет, выборы и формирование электоральной культуры // Этносоциум и межнациональная культура, 2013. № 5 (59). С. 101-107.
25. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. «Глобальный Восток»: историческая реальность или геополитический вымысел // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 67 (192). С. 8-17.
26. Байханов И.Б. Государственная политика как фактор развития национальной образовательной системы: базовые аспекты // Этносоциум и межнациональная культура, 2020. № 1 (139). С. 69-76.
27. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Государственная граница — пространство взаимодействия культур // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 9 (195). С. 9-17.
28. Байханов И.Б. Особенности управления человеческими ресурсами в условиях глобальных перемен // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 20-29.
29. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Символы границы и границы символов // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 11 (197). С. 33-42.
30. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Возможности веб-квеста в изучении теории государственного управления // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 1 (187). С. 9-18.
31. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Интернет-коммуникации - современный инструмент диалога // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 3 (129). С. 9-25.
32. Рябова Е.Л. Международный круглый стол на тему «внешняя политика россии в условиях обострения международной обстановки» // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 5 (167). С. 52-55.
33. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // Альманах Крым. 2022. № 31. С. 61-72.
34. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. 80-лет парада на красной площади: историко-культурный и геополитический смыслы парадов // Казачество. 2021. № 57 (7). С. 9-18.
35. Щупленков Н.О., Рябова Е.Л. Роль фактора времени в политической культуре // Культура Мира. 2022. Т. 10. № 26 (1). С. 75-86.
36. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геопсихология и геополитика цветных линий // Казачество. 2022. № 59 (2). С. 9-18.
37. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитические смыслы закрытых границ: размышления в связи с карантином // Альманах Крым. 2020. № 20. С. 11-22.
38. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экологические смыслы международного сотрудничества: все тайное становится явным // Власть истории и история власти. 2020. Т. 6. № 1 (19). С. 10-19.
39. Рыбаков С.В., Рябова Е.Л. К вопросу об инновационном компоненте молодежной политике в Российской Федерации // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 11 (137). С. 44.
40. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // Альманах Крым. 2022. № 31. С. 61-72.
41. Рябова Е.И., Рябова Е.Л. Дихотомия культуры: конфликт ценностей экологии и экономики // Альманах Крым. 2022. № 32. С. 11-19.
42. Кантаева О.В., Рябова Е.Л. Региональные аспекты реализации государственных инициатив по стимулированию активного долголетия и физической активности пожилых граждан // Альманах Крым. 2022. № 32. С. 42-51.
43. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Явные и скрытые смыслы забастовок // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 30-42.

References

1. Akimova M.K., Persiyantseva S.V. Features of human and social capital as factors of social security // Psychology of self-regulation in the context of current educational tasks (on the 90th anniversary of O.A. Konopkin's birth). 2021. № 1. P. 143-149.
2. Burtovaya Yu.V. Social capital as a state factor // Fundamentals of Economics, Management and Law. 2022. № 1 (32). P. 28-35.
3. Dekhanova N.G., Sushko V.A., Kholodnenko Yu.A. Social capital as a factor in the formation of the quality of life // Sociology. 2023. № 1. P. 86-96.
4. Gimbatov Sh.M. The role of social capital in the economic development of the region // Issues of structuring the economy. 2011. № 2. P. 91-93.
5. Igumnov O. A. Social capital as a social resource for the management of Russian organizations in a changing management environment // Sociology. 2022. № 3. P. 179-188.
6. Kolmykova M.A., Amosova A. I. Formation of social capital in modern Russia: from theory to practice // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021. № 5. P. 33-37.
7. Mukhametova A. D. Regional development management based on the use of human capital in the context of digitalization // Bulletin of USPTU. Science, education, economics. Series: Economics. 2021. № 2 (36). P. 70-77.
8. Nemirovsky V., Nemirovskaya A. Social structure and social capital of the population of Krasnoyarsk Krai. - M.: Litres, 2022.
9. Solodovnikov S. Yu. Theoretical and methodological foundations of the study of social capital as a political and economic phenomenon // Economic science today. 2017. № 5. P. 6-56.
10. Fayzullin F. S. Social capital and the development of technology for its implementation // Problems of Oriental Studies. 2021. Vol. 91. № 1. P. 23-29.
11. Shuklina E. A. The quality of social capital of students of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra as a condition for their subjective well-being (based on the materials of an empirical study) // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2022. № 5 (80). P. 20-31.

12. Svyatogorova S.B., Bormotova T.M. Theoretical approaches to assessing the human potential of an organization: a sociological aspect // Mission of confessions. 2024. Vol. 13. № 7 (80). P. 101-108.
13. Ryabova E.L., Chapkin N.S. The role of non-profit organizations in strengthening healthcare and ensuring the availability of medical care // Culture of Peace. 2024. Vol. 12. № 37 (2). P. 14-23.
14. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Historical security is the key to a multidimensional vision of geopolitical threats // Culture of Peace. 2024. Vol. 12. Issue 2. (№ 37). P. 160-170.
15. Ryabova E.L., Chapkin N.S. Non-profit and commercial medical organizations: theoretical aspects of implementation of activities // The Power of History - History of Power. 2024. Volume 10. Part 3. (№ 53). P. 12-21.
16. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Traditional values of the peoples of Greater Eurasia and the modern world // Culture of the world. 2024. Volume 12. Issue 4. (№ 39). P. 120-128.
17. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Border River: Its Limological Advantages, Geopolitical Whirlpools and Pools // Culture of Peace. 2024. Volume 12. Issue 6. (№ 41). P. 149-158.
18. Ryabova E.L. The Law of Necessary Diversity as Applied to the Culture of Social Management (Reflections Prompted by the Monograph "The Contribution of Higher Education to the Culture of Social Management") // Culture of Peace. 2024. Volume 12. Issue 1. (№ 36). P. 126-137.
19. Ryabova E.L., Chapkin N.S. Non-profit and Commercial Medical Organizations: Theoretical Aspects of Implementation of Activities // The Power of History – The History of Power. 2024. Volume 10. Part 3. № 53. P. 12-21.
20. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Islands and state borders: history, culture, clash of civilizations // The Power of History – History of Power. 2024. Volume 10. Part 7. № 57. P. 70-78.
21. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Academies of Sciences and Arts in the aspect of the connection of traditional values with modernization // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 2 (188). P. 9-17.
22. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Sanitary cordon: from medicine to geopolitics // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 8 (194). P. 9-17.
23. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Electoral Culture in Counteracting "Color Revolutions" // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 7 (193). P. 9-17.
24. Baykhanov I.B. Internet, Elections, and the Formation of Electoral Culture // Ethnosociety and Interethnic Culture, 2013. № 5 (59). P. 101-107.
25. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. "Global East": Historical Reality or Geopolitical Fiction // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 67 (192). P. 8-17.
26. Baykhanov I.B. State policy as a factor in the development of the national educational system: basic aspects // Ethnosociety and interethnic culture, 2020. № 1 (139). P. 69-76.
27. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. State border - a space of interaction of cultures // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 9 (195). P. 9-17.
28. Baykhanov I.B. Features of human resource management in the context of global changes // The power of history and the history of power. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 20-29.
29. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Symbols of the border and the boundaries of symbols // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 11 (197). P. 33-42.
30. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Possibilities of a web quest in studying the theory of public administration // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 1 (187). P. 9-18.
31. Suleimanova Sh.S., Ryabova E.L. Internet communications - a modern tool for dialogue // Ethnosociety and interethnic culture. 2019. № 3 (129). P. 9-25.
32. Ryabova E.L. International round table on the topic "Russian foreign policy in the context of an aggravated international situation" // Ethnosociety and interethnic culture. 2022. № 5 (167). P. 52-55.
33. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // Almanac Crimea. 2022. № 31. P. 61-72.
34. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. 80 years of the parade on Red Square: historical, cultural and geopolitical meanings of parades // Cossacks. 2021. № 57 (7). P. 9-18.
35. Shchuplenkov N.O., Ryabova E.L. The role of the time factor in political culture // Culture of the World. 2022. Vol. 10. № 26 (1). P. 75-86.
36. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopsychology and geopolitics of color lines // Cossacks. 2022. № 59 (2). P. 9-18.
37. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical meanings of closed borders: reflections in connection with quarantine // Almanac Crimea. 2020. № 20. P. 11-22.
38. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Ecological meanings of international cooperation: everything secret becomes clear // The power of history and the history of power. 2020. Vol. 6. № 1 (19). P. 10-19.
39. Rybakov S.V., Ryabova E.L. On the issue of the innovative component of youth policy in the Russian Federation // Ethnosociety and interethnic culture. 2019. № 11 (137). P. 44.
40. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // Almanac Crimea. 2022. № 31. P. 61-72.
41. Ryabova E.I., Ryabova E.L. Dichotomy of culture: conflict of values of ecology and economics // Almanac Crimea. 2022. № 32. P. 11-19.
42. Kantaeva O.V., Ryabova E.L. Regional aspects of the implementation of state initiatives to stimulate active longevity and physical activity of older citizens // Almanac Crimea. 2022. № 32. P. 42-51.
43. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Explicit and hidden meanings of strikes // The power of history and the history of power. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 30-42.

Беликова Е.В.

Кандидат медицинских наук, доцент. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, г. Саранск. SPIN-код: 9023-3815

Батяркина В.А.

Студентка. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, г. Саранск.

Миронова К.В.

Студентка. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, г. Саранск.

Нобатгелдиева Ч.Д.

Студентка. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, г. Саранск.

Анализ социально-экономических факторов в Республике Мордовия и распространенность железодефицитной анемии среди беременных женщин*

Аннотация. Одним из направлений политики в России является увеличение рождаемости, повышение благосостояния граждан. Проблема анемии во время беременности до настоящего времени остается актуальной, так как она негативно отражается на здоровье матери и ребенка. Остаются высокими показатели встречаемости этой патологии среди женского населения. Большое значение в возникновении и развитии данного заболевания играют социально-экономические факторы. В данной статье приводится анализ таких показателей в Республике Мордовия как народонаселение, естественное движение населения, основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения, структура потребительских расходов домашних хозяйств в Республике Мордовия. Приводится ряд мер для улучшения медицинского обслуживания женщин в Республике Мордовия в рамках национального проекта “Здравоохранение”.

Ключевые слова: железодефицитная анемия, беременность, ребенок, народонаселение, естественное движение населения, социально-экономические индикаторы уровня жизни населения.

Belikova E.V.

Candidate of Medical Sciences, Associate Professor. National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Republic of Mordovia. SPIN-code: 9023-3815

Batyarkina V.A.

Student. National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Republic of Mordovia.

* © Беликова Е.В., Батяркина В.А., Миронова К.В., Нобатгелдиева Ч.Д., 2025.

Анализ социально-экономических факторов в Республике Мордовия и распространенность железодефицитной анемии среди беременных женщин

Mironova K.V.

Student. National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Republic of Mordovia.

Nobatgeldieva C.D.

Student. National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Republic of Mordovia.

Prevalence of iron deficiency anemia among pregnant women and analysis of socio-economic factors in the Republic of Mordovia

Abstract. One of the policy areas in Russia is to increase the birth rate, improve the welfare of citizens. The problem of anemia during pregnancy remains relevant to this day, as it negatively affects the health of the mother and child. The incidence of this pathology among the female population remains high. Social and economic factors play a major role in the occurrence and development of this disease. This article provides an analysis of the following indicators: population, natural population movement, main socio-economic indicators of the standard of living of the population, structure of consumer spending of households, maternity capital in the Republic of Mordovia. A number of measures are provided to improve health care for women in the Republic of Mordovia within the framework of the national project "Healthcare".

Key words: iron deficiency anemia, pregnancy, child, population, natural population movement, socio-economic indicators of the standard of living of the population, structure of consumer spending of households, maternity capital.

Как известно, одним из направлений политики в России является увеличение рождаемости, повышение благосостояния наших граждан. Большое влияние на увеличение численности населения оказывают социально-экономические показатели. Для рождения здорового потомства важное значение имеет прегравидарная подготовка, благоприятное течение беременности, родов, послеродового периода. При анализе возможных осложнений во время гестации, мы обратили внимание на железодефицитную анемию (ЖДА), так как она негативно отражается на здоровье матери и ребенка. Частота встречаемости этой патологии остается высокой. В России в 2022-2023 гг. анемия встречалась у 1446,1 – 1507,4 человек [1]. Среди беременных, рожениц и родильниц этот показатель составил 35,4% – 34,6%. Заболеваемость анемией детей первого года жизни 79,3% - 75,1% [1]. Около 90% всех анемий у беременных приходится на долю железодефицитной (ЖДА). Железодефицитная анемия – это синдром, характеризующийся нарушением синтеза гемоглобина вследствие дефицита железа и проявляющийся анемией. Немало работ посвящено изучению влияния анемии на течение беременности, родов, послеродового периода [2,3,4,5,6,7,8,9,10,11,12]. Однако эта проблема до сих пор остается актуальной. Как известно, одной из причин развития анемии во время беременности являются неблагоприятные социально-экономические условия. Следовательно, на данном этапе мы решили проанализировать эти показатели в республике Мордовия за 2022г. и 2023г.

Цель наших исследований: прове-

сти анализ социально-экономических показателей в республике Мордовия, влияющих на развитие анемии во время беременности.

Материал и методы исследования

Одномоментное исследование проводилось путем сравнительного анализа социально-экономических показателей в разные временные интервалы у женщин Республики Мордовия. Результаты представлены в виде рисунков. Проведено сравнение показателей. Показано их увеличение или уменьшение при сравнении 2022 и 2023 гг.

При сравнительном анализе данных за основу были взяты показатели за 2022г. Они сравнивались с аналогичными показателями 2023г. Определялась разница, на сколько значений полученные результаты имели тенденцию к повышению или уменьшению в сравнении с 2022 г.

В задачу входило проанализировать спад или подъем показателей за один год (с 2022 по 2023гг)

Среднедушевые денежные доходы (в месяц) рассчитывались путем делением годового объема денежных доходов на 12 и на численность населения [13]. Среднемесячная номинальная заработная плата рассчитывалась путем деления общей суммы заработной платы на среднее количество сотрудников и количество месяцев в периоде [13].

Величина прожиточного минимума, согласно Федеральному закону от 24 октября 1997г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», определялась как стоимостная оценка потребительской корзины, а также обязательные платежи и сборы [13].

Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума определялась на основе данных о распределении населения по величине среднедушевых денежных доходов и являлась результатом сравнения этих доходов с величиной прожиточного минимума [13].

Результаты исследования и их обсуждение

По данным всероссийской переписи населения в Мордовии на 1 января 2023 года проживало 771373 чел. Из них городское население - 490388 человек (63,6%), сельское – 280985 человек (36,4%). В 2024 году эти показатели несколько снизились, так все население уменьшилось на 5482 и составило 765891человек. Соотношение городского населения к сельскому населению практически не изменилось (63,7% и 36,3% соответственно). Если сравнивать общее число жителей в Мордовии с населением всей России, то получится, что здесь проживало 0,5% жителей страны. Умершие дети в возрасте до одного года (в % к итогу): в 2022г – 19%, в 2023 г. эта цифра возросла на 2% и составила 21% [13].

Указанное обстоятельство диктует необходимость более углубленного изучения причин снижения численности населения, повышения младенческой смертности. Большое влияние на эти показатели оказывают социально-экономические факторы, а также особенности течения беременности, родов, послеродового периода. Анемия оказывает негативное влияние на репродуктивную функцию женщин. В регионе остаются высокие цифры указанной патологии. Так на ее долю приходится 88% от всех заболеваний, поражающих кровь и кроветворные органы. Среди всех анемий железодефицитная анемия (ЖДА) является наиболее распространенной формой. Она составляет 99,9% от всех анемий. У беременных

женщин самая высокая частота ЖДА (55%), за ними следуют дети (35%). При ранжировании регионов Республики по распространенности ЖДА наиболее неблагоприятной ситуацией считаются следующие районы: Зубово-Полянский, Ардатовский, Торбеевский, Чамзинский и Ельниковский.

В качестве признанного фактора, способствующего развитию анемии во время беременности, были оценены рабочая сила (женская) и социально-экономические индикаторы. Они представлены на рисунке 1.

Как видно из представленных данных численность женской рабочей силы увеличилась. Так, в 2022 г. это показатель (в % к итогу) составил 95,2%, а в 2023г. возрос на 2,3%. И наоборот, количество безработных женщин сократилось. Так, в 2022г. этот показатель (в % с итогу) составил 3,4%, а в 2022 г. он снизился на 0,9%. Если сравнить показатель соотношения численности женщин, занятых в экономике и безработных, то в 2022г. он был 28%, а в 2023 г. возрос на – 11%. Это указывает на активную жизненную позицию наших женщин, помощь государства и правительства в повышении благосостояния жительниц нашего региона. В республике Мордовия присутствует сеть государственных предприятий, коммерческих организаций, службы занятости.

В наших исследованиях среднедушевые денежные доходы составили 27439 руб. в 2022 году, в 2023 г. они возросли на 3173 руб. Помимо заработной платы жительницы Мордовии получают социальные выплаты и доход в виде процентов по вкладам, ценным бумагам.

Величина прожиточного минимума в Республике Мордовия также растет. Так в 2022г. она составила 11832 руб., а в 2023г. увеличилась на 387 руб.

В наших исследованиях численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума снизилась. Так в 2022 году она составила 14,1%, а в 2023г. уменьшился на 0,9%. Снижение указанных цифр говорит об улучшении благосостояния жительниц в Республике Мордовия.

Как известно одной из причин развития железодефицитной анемии во время беременности также являются несбалансированное питание, плохие бытовые условия жизни, вредные привычки. Потребительские расходы домашних хозяйств представлены на рисунке 2.

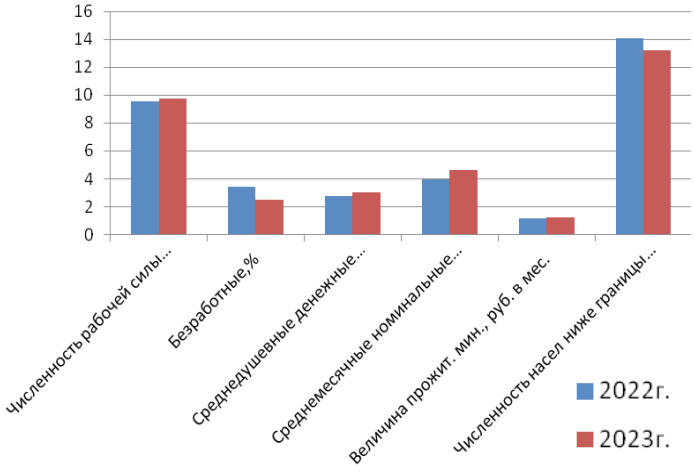

Рис. 1. Рабочая сила (женская) и социально-экономические индикаторы.

Источник: составлено автором на основании статистического сборника [13].

Потребительские расходы домашних хозяйств составляют часть денежных расходов, направляемых на покупку потребительских товаров и услуг. В наших исследованиях покупка продуктов питания и питание вне дома возросла. Так в 2022г. она составила 44,9%, а в 2023г. увеличилась 1,4 %. Покупка непродовольственных товаров несколько уменьшилась. Так в 2022г. этот показатель составил 30,4%, а в 2023г. уменьшился на 1,1%. Снизилась также оплата услуг. Так в 2022г. она составила 23,0%, а в 2023г уменьшилась на 0,9%. Покупка алкогольных напитков также уменьшилась. Так в 2022г. она составила 1,7%, а в 2023г. сократилась на 0,2%.

В Республике Мордовия реализуется ряд социальных мер, направленных на улучшение благосостояния женщин и семей. Материнский капитал — это форма государственной поддержки семей при рождении или усыновлении ребёнка. Результаты представлены на рисунке 3.

Федеральный материнский капитал. Впервые федеральный материнский капитал в Мордовии был выдан в марте 2007 года. На тот момент размер выплаты – 250 000 рублей. Размер федерального материнского капитала в 2022 году в России на первого ребенка составил 524 527 рублей, в 2023 году сумма выплат увеличилась на 64973 и составила

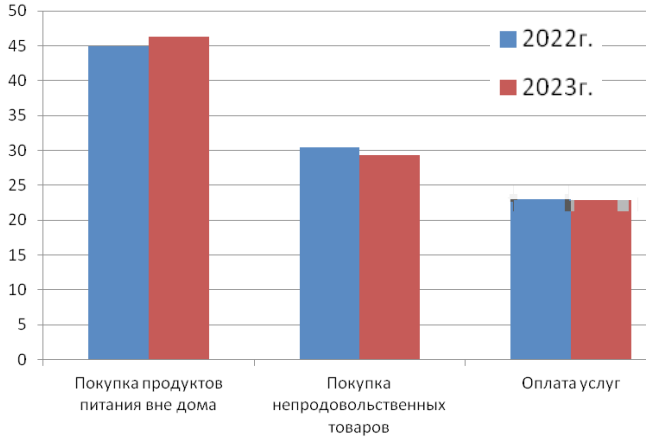

Рис. 2. Потребительские расходы домашних хозяйств.

Источник: составлено автором на основании статистического сборника [13].

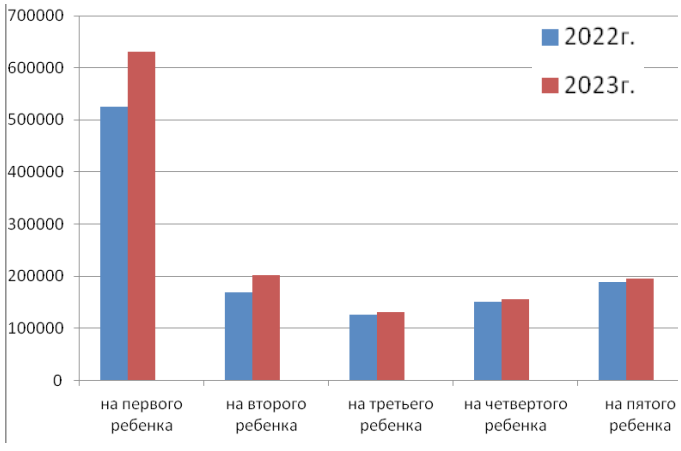

Рис. 3. Величина материнского капитала в Республике Мордовия

Источник: составлено автором на основании статистического сборника [13].

589 500 рублей. На второго ребенка в 2022 г. семье доплачивали 168 616 рублей. В 2023г эта сумма увеличилась на 20 884 и составила 189500 рублей.

Региональный материнский капитал. С 2022 года в Республике Мордовия выплачивается региональный материнский капитал. В этот год сумма выплаты за третьего ребенка составляла 125 270 рублей, за четвёртого — 150 324 рубля, а за пятого и последующих — 187 906 рублей. В 2023 году сумма выплат многодетным семьям увеличилась. Так она возросла на 23 рубля и составила 130 156 рублей при рождении (усыновлении) третьего ребёнка. На четвертого ребенка она повысилась на 44 и составила соответственно 156 187 рублей. При рождении (усыновлении) пятого и последующих детей она увеличилась на 56 и составила 195 234 рублей. Размер регионального материнского капитала ежегодно индексируется с учетом уровня инфляции. В Мордовии предусмотрено единое пособие на ребенка в возрасте от 0 до 17 лет. Размер пособия составляет 50%, 75% или 100% от прожиточного минимума для детей при условии, что среднедушевой доход семьи не превышает прожиточный минимум на душу населения в Мордовии [16].

Развитие здравоохранения

Для улучшения медицинского обслуживания женщин в Республике Мордовия реализуется ряд мер в рамках национального проекта «Здравоохранение». Развитие цифровой инфраструктуры на базе Единой государственной информационной системы здравоохранения. Внедрение электронного документооборота, включая телемедицинские технологии, онлайн-приёмы у врачей и электронные рецепты. Функционирование централизованной подсистемы «Телемедицинские консультации», подключённой ко всем государственным медицинским организациям второго и третьего уровней.

Обеспечение доступа граждан к юридически значимым электронным медицинским документам через портал «Моё здоровье» на Едином портале государственных и муниципальных услуг.

Заключение

Анализ социально-экономических показателей показал потенциальную связь между улучшением экономических условий и сокращением бедности, что потенциально способствует снижению распространенности железодефицитной анемии. Численность женской рабочей силы увеличивается, а количество безработных сокращается. Среднедушевые денежные доходы, прожиточный минимум, сумма материнского капитала в регионе увеличиваются, что может способствовать увеличению рождаемости.

Список литературы

1. Здравоохранение в России.2023: Стат. сб. / Росстат. – М.: 2023. 179 с.
2. Абдуллаева З.М., Хализова М.В., Беликова Е.В. Частота встречаемости различных синдромов у беременных с железодефицитной анемией и урогенитальной инфекцией. Инфекционно-воспалительные заболевания как междисциплинарная проблема : материалы VI межрегиональной. научно-практической конференции, – Саранск. 2022. С. 13-17.
3. Анашкова М.Ю., Беликова Е.В. К вопросу о факторах риска развития железодефицитной анемии во время беременности В сборнике: Актуальные проблемы медико-биологических дисциплин. Сборник научных трудов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов, студентов. В 2-х частях. Под редакцией Л.А. Балыковой, Л.В. Матвеевой. – Саранск, 2021. С. 5-10.
4. Беликова Е.В., Авдеева Н.А. Факторы риска возникновения железодефицитной анемии при беременности. Научный медицинский вестник. 2016. № 3 (5). С. 28-31.
5. Левакина Ю.А., Мамедова З.С., Беликова Е.В., Радынова С.Б., Тюрина Е.П. Лабораторная диагностика железодефицитной анемии, сочетанной с урогенитальными инфекциями. Инфекционно-воспалительные заболевания как междисциплинарная проблема: Материалы VII межрегиональной научно-практи-

ческой конференции, – Саранск. 2023. С. 219-224.
6. Левакина Ю.А., Мамедова А.С., Калгина И.Н., Беликова Е.В. Современные взгляды на этиологию, патогенез, клинику и диагностику железодефицитной анемии во время беременности Вопросы экспертизы и качества медицинской помощи. 2023. № 5. С. 26-28.
7. Петрова Е.А., Беликова Е.В. Анемии у беременных. В сборнике: Актуальные проблемы фундаментальных и прикладных наук. Сборник научных трудов I Всероссийского студенческого научного форума с участием молодых исследователей. 2012. С. 130-131.
8. Сухорукова М.А., Слугина В.А., Теплова М.М., Беликова Е.В. К вопросу о влиянии анемии на течение беременности, развитие плода и новорожденного В сборнике: Актуальные проблемы медико-биологических дисциплин. Сборник научных трудов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов, студентов. В 2-х частях. Под редакцией Л.А. Балыковой, Л.В. Матвеевой. – Саранск, 2021. С. 11-16.
9. Хализова М.В., Абдулаева З.М., Беликова Е.В. Урогенитальные инфекции и железодефицитная анемия у беременных женщин. Инфекционно-воспалительные заболевания как междисциплинарная проблема : материалы VI межрегиональной. научно-практической конференции, – Саранск. 2022. С. 273-277.
10. Хализова М.В., Абдулаева З.М., Беликова Е.В. Анализ кардиотокограмм у беременных с железодефицитной анемией и урогенитальными инфекциями. Инфекционно-воспалительные заболевания как междисциплинарная проблема: материалы VI межрегиональной. научно-практической конференции, – Саранск. 2022. С. 269-273.
11. Худайберенова О.Д., Худайберенов Р.Д., Беликова Е.В., Авдеева Н.А. Особенности течения беременности, родов, послеродового периода у женщин с анемией. / Сб. трудов (материалов, тезисов) конференции Материалы XIII Международной студенческой научной конференции, – М.: 2021. С. 46-51.
12. Юматова Н.С., Беликова Е.В., Авдеева Н.А. Влияние анемии на течение беременности В сборнике: Актуальные проблемы медико-биологических дисциплин. Сборник научных трудов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов, студентов. Саранск, 2014. С. 12-17.
13. Краткий статистический сборник Республика Мордовия в цифрах 2023, – Саранск. 2024. 102 с.

References

1. Healthcare in Russia. 2023: Stat. collection / Rosstat. – M.: 2023. 179 p.
2. Abdullaeva Z.M., Khalizova M.V., Belikova E.V. Frequency of occurrence of various syndromes in pregnant women with iron deficiency anemia and urogenital infection. Infectious and inflammatory diseases as an interdisciplinary problem: materials of the VI interregional. scientific and practical conference, – Saransk. 2022. P. 13-17.
3. Anashkova M.Yu., Belikova E.V. On the issue of risk factors for the development of iron deficiency anemia during pregnancy In the collection: Actual problems of medical and biological disciplines. Collection of scientific papers of the V All-Russian scientific and practical conference with international participation of young scientists, graduate students, students. In 2 parts. Edited by L.A. Balykova, L.V. Matveeva. – Saransk, 2021. P. 5-10.
4. Belikova E.V., Avdeeva N.A. Risk factors for the development of iron deficiency anemia during pregnancy. Scientific Medical Bulletin. 2016. № 3 (5). P. 28-31.
5. Levakina Yu.A., Mamedova Z.S., Belikova E.V., Radynova S.B., Tyurina E.P. Laboratory diagnostics of iron deficiency anemia combined with urogenital infections. Infectious and inflammatory diseases as an interdisciplinary problem: Proceedings of the VII interregional scientific and practical conference, – Saransk. 2023. P. 219-224.
6. Levakina Yu.A., Mamedova A.S., Kalgina I.N., Belikova E.V. Modern views on the etiology, pathogenesis, clinical picture and diagnostics of iron deficiency anemia during pregnancy. Issues of examination and quality of medical care. 2023. № 5. P. 26-28.
7. Petrova E.A., Belikova E.V. Anemia in pregnant women. In the collection: Actual problems of fundamental and applied sciences. Collection of scientific papers of the I All-Russian student scientific forum with the participation of young researchers. 2012. P. 130-131.
8. Sukhorukova M.A., Slugina V.A., Teplova M.M., Belikova E.V. On the influence of anemia on the course of pregnancy, development of the fetus and newborn. In the collection: Actual problems of medical and biological disciplines. Collection of scientific papers of the V All-Russian scientific and practical conference with international participation of young scientists, graduate students, students. In 2 parts. Edited by L.A. Balykova, L.V. Matveeva. – Saransk, 2021. P. 11-16.
9. Khalizova M.V., Abdulaeva Z.M., Belikova E.V. Urogenital infections and iron deficiency anemia in pregnant women. Infectious and inflammatory diseases as an interdisciplinary problem: materials of the VI interregional. scientific and practical conference, – Saransk. 2022. P. 273-277.
10. Khalizova M.V., Abdulaeva Z.M., Belikova E.V. Analysis of cardiotocograms in pregnant women with iron deficiency anemia and urogenital infections. Infectious and inflammatory diseases as an interdisciplinary problem: Proceedings of the VI interregional. scientific and practical conference, – Saransk. 2022. P. 269-273.
11. Khudaiberenova O.D., Khudaiberenov R.D., Belikova E.V., Avdeeva N.A. Features of the course of pregnancy, childbirth, postpartum period in women with anemia. / Collection of works (materials, abstracts) of the conference Proceedings of the XIII International Student Scientific Conference, – Moscow: 2021. P. 46-51.
12. Yumatova N.S., Belikova E.V., Avdeeva N.A. The influence of anemia on the course of pregnancy In the collection: Actual problems of biomedical disciplines. Collection of scientific papers of the III All-Russian scientific and practical conference with international participation of young scientists, graduate students, students. Saransk, 2014. P. 12-17.
13. Brief statistical collection Republic of Mordovia in figures 2023, – Saransk. 2024. 102 p.

Калинин Н.А.

Аспирант. Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российский Федерации.

Основные аспекты формирования социокультурной инклюзивной среды*

Аннотация. В статье рассматриваются основные теоретические аспекты формирования инклюзивной социокультурной среды как необходимого условия для полноценного развития и участия в жизни общества людей с ограниченными возможностями здоровья. Дается определение понятия «инклюзивная социокультурная среда», рассматриваются предпосылки ее возникновения и причины необходимости формирования. Акцентировано внимание на многоаспектном характере процесса развития инклюзивной среды и необходимости системных преобразований во всех сферах жизни общества для обеспечения равных возможностей представителей всех групп населения.

Ключевые слова: Инклюзивная социокультурная среда, инвалидность, ограниченные возможности здоровья, инклюзивное образование, доступность, равные возможности, социализация, толерантность, права человека, интеграция.

Kalinin N.A.

Graduate student of the Russian academy of national economy and public policy (without abbreviations).

Main aspects of formation of socio-cultural inclusive environment

Abstract. The article examines the main theoretical aspects of the formation of an inclusive socio-cultural environment as a necessary condition for the full development and participation in social life of people with disabilities. The definition of the concept of "inclusive socio-cultural environment" is given, the prerequisites for its emergence and the reasons for the need to form it are considered. Emphasis is placed on the multiaspect nature of the process of developing an inclusive environment and the need for systematic transformations in all spheres of social life to ensure equal opportunities for representatives of all population groups.

Key words: Inclusive socio-cultural environment, disability, health limitations, inclusive education, accessibility, equal opportunities, socialization, tolerance, human rights, integration.

Введение

Актуальность темы заключается во внимании мирового сообщества к проблеме формирования доступной и инклюзивной социокультурной среды. Обеспечение равного доступа к образованию и культуре для всех групп населения независимо от их физических, психических или иных особенностей является важной гуманитарной задачей [1; 7]. Решение этой проблемы напрямую связано с обеспечением прав человека и поддержкой маргинализированных слоев общества. Формирование

* © Калинин Н.А., 2025.

Основные аспекты формирования социокультурной инклюзивной среды

инклюзивной среды позволяет реализовать творческий потенциал каждого человека и способствует укреплению демократических ценностей и принципов социальной справедливости.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении предпосылок возникновения инклюзивной социокультурной среды и определении основных факторов, обусловивших необходимость ее формирования.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

1. Дать понятийное определение термина «инклюзивная социокультурная среда»;

2. Выявить предпосылки возникновения инклюзивной социокультурной среды;

3. Рассмотреть причины необходимости формирования инклюзивной социокультурной среды.

Понятие инклюзивной социокультурной среды

Инклюзивная социокультурная среда — это особая социокультурная среда, ориентированная на вовлечение и интеграцию всех людей независимо от их особенностей. Она направлена на формирование условий для полноценного развития и жизни людей с ограниченными возможностями здоровья.

Инклюзивная социокультурная среда предполагает равный доступ ко всем сферам общественной жизни для всех членов социума. Это означает создание условий, при которых человек с ограниченными возможностями может полноценно участвовать в общественной, культурной и экономической жизни. Для этого необходимо ликвидировать различные барьеры - архитектурные, транспортные, коммуникативные и другие, мешающие полноценной жизнедеятельности.

Важной частью инклюзивной социокультурной среды является образовательная сфера. Инклюзивная образовательная среда предполагает обучение детей с ограниченными возможностями совместно со здоровыми сверстниками в обычных общеобразовательных учреждениях. При этом для каждого обучающегося создаются условия, обеспечивающие его полноценное развитие с учетом имеющихся особенностей [4; 7].

Важной частью инклюзивной социокультурной среды является сфера досуга и культуры. Люди с ограниченными возможностями должны иметь равный доступ к участию в культурной жизни общества, посещению театров, выставок, музеев и т.д. Для этого проводится адаптация учреждений культуры и создаются условия для комфортного пребывания в них людей с ограниченными возможностями.

Формируются социальные условия для развития творческого потенциала людей данной группы. Создаются инклюзивные культурные проекты, в которых они могут проявить себя. Это способствует их полноценной социализации и интеграции в общество.

Государство и местные органы власти должны обеспечивать создание инклюзивной социокультурной среды на всех уровнях проживания людей - от отдельного района до всей страны. Это позволит обеспечить равные права и возможности представителям всех групп населения, в том числе людям с ограниченными возможностями здоровья.

Предпосылки возникновения инклюзивной социокультурной среды

В последние десятилетия в мире формируется новая парадигма отношения общества к людям с ограниченны-

ми возможностями здоровья. Всё большее распространение получают идеи интеграции и инклюзии таких лиц во все сферы жизни социума. Это связано с возникновением ряда предпосылок, обусловивших формирование инклюзивной социокультурной среды.

Одной из важнейших предпосылок является изменение взглядов на инвалидность. Если ранее она воспринималась как личностная трагедия и неизлечимое заболевание, то сегодня инвалидность рассматривается как социальное явление, обусловленное не столько медицинскими, сколько социально-экономическими и психологическими факторами. Это привело к переосмыслению роли общества в решении проблем людей с ограниченными возможностями [3].

Вторая важная предпосылка - изменения в законодательной базе. Во многих странах принимаются законы, гарантирующие равные права и возможности для лиц с ограниченными возможностями, например законы, запрещающие дискриминацию по признаку инвалидности [6]. Это толкает к созданию инклюзивной социальной среды.

Развитие науки и медицины также способствовало предпосылкам инклюзии. Усовершенствование методов диагностики и лечения позволяет сохранять и улучшать функции организма у большего числа людей с ограниченными возможностями, приближая их по способностям к обществу.

Сформировалось общественное мнение, признающее ценность каждой личности. Ценности толерантности, равенства и индивидуальности стали важными в общественном сознании, что создало предпосылки для инклюзии.

Инклюзивные тенденции характерны для современной культуры, ориентированной на обеспечение доступа всех групп населения к участию в культурной жизни. Это также стимулировало формирование инклюзивной среды.

Все перечисленные факторы обусловили смену взглядов на интеграцию людей с ограниченными возможностями, что и легло в основу формирования инклюзивной образовательной и социокультурной среды, направленной на полноценное и равноправное участие таких лиц во всех сферах жизни общества.

Причины необходимости формирования инклюзивной социокультурной среды

Инклюзия в образовании предполагает, прежде всего, формирование инклюзивной социокультурной среды, в которой каждый человек, независимо от своих особенностей, будет иметь равные возможности для полноценного развития и реализации своего потенциала. Создание такой среды является необходимым условием для обеспечения равных прав всех детей на получение качественного образования.

Одной из главных причин формирования инклюзивной социокультурной среды является необходимость реализации принципа равенства и недопущения дискриминации любых людей. В современном мире это особенно актуально, так как число детей с ограниченными возможностями здоровья постоянно растёт [2]. Исключение таких детей из общего образовательного процесса недопустимо с позиций защиты прав человека.

Формирование инклюзивной среды необходимо также для создания условий полноценной социализации всех детей. Только включение в общие образовательные и воспитательные процессы позволяет детям с особыми обра-

зовательными потребностями овладеть навыками общения, сотрудничества, развить коммуникативные компетенции. Изоляция же в специализированных учреждениях может привести к их стигматизации в обществе и социальной дезадаптации.

Важной причиной является и формирование у детей без особенностей в развитии культуры восприятия различий. Только опыт совместной деятельности и общения способствует развитию толерантного мировоззрения, устранению стереотипов и предрассудков. Формирование инклюзивной среды способствует воспитанию чувства сопереживания и взаимопомощи у всех детей.

Кроме того, инклюзивное образование благоприятно влияет на развитие всех учащихся. Оно стимулирует развитие педагогического мастерства учителей, заставляет использовать разнообразные методы обучения [5]. А это, в свою очередь, создаёт более благоприятные условия для раскрытия творческого потенциала каждого ребёнка.

Таким образом, формирование инклюзивной социокультурной среды является необходимым условием для реализации принципов справедливости и равных возможностей в образовании, социализации и развития личности каждого ребёнка. Это позволит максимально раскрыть потенциал всех детей и обеспечить гармоничное развитие инклюзивного общества.

Заключение

Формирование инклюзивной среды, направленной на расширение доступности инфраструктуры, социальных, экономических, культурных и других возможностей для различных социальных групп, и прежде всего уязвимых, является долгосрочной тенденцией развития общества. Несмотря на то, что в последнее время в некоторых странах наблюдаются попытки отказа от инклюзивного подода на политической уровне (например, отказ от политики DEI в США), в долгосрочном плане эти тенденции сохраняют свою значимость.

Во-первых, это связано с тем, что инклюзивный подход опирается на наиболее фундаментальные нормативные идеи современного общества, а именно – идеи равенства, прав человека и недопущения дискриминаци.

Во-вторых, создание инклюзивной среды соответствуют базовым ценностям все большего числа людей в развитых обществах, и прежде всего среди молодежи, что гарантирует долгосрочную поддержку усилий по созданию инклюзивной среды.

В-третьих, инклюзивный подход уже прочно укоренился в ключнвых институтах современного общества, и прежде всего, в сфере образования. Это выражается не только в принятии принципов инклюзивности в документах учебных заведений или закреплении соответствующих ролевых требований в отношении преподавателей, но и в развитии психолого-педагогического и социального инструментария, необходимого для создания и поддержания инкузивной среды и атмосферы: педагогических методов, психологических методик, организационных моделей.

В-четвертых, инклюзивная среда уже стала элементом социальных практик, в том числе в российских образовательных учреждениях, особенно в крупных городах, что формирует восприятие нормальности совместной социальной деятельности обычных людей и людей с особыми потребностями.

Эти причины позволяют говорить о том, что формирование благоприятной

инклюзивной социокультурной среды будет продолжаться, в том числе в российском обществе и системе образования. Тем не менее, государственным органам и субъектам системы образования необходимо принимать меры, направленые на поддержку инклюзивных социальных практик и недопущение инициатив, направленных на восстановление образовательных барьеров для уязвимых групп (детей с ограниченными возможностями, мигрантов и др.). В конечном итоге, их успешная интеграция станет залогом социального и экономического развития всего российского общества.

Список литературы

1. Григорьева Т.В. Инклюзивное образование в Российской Федерации: проблемы и перспективы / Т.В. Григорьева, И.А. Петров. – Москва: Просвещение, 2019. 192 с.
2. Зырянова Е.Н. Инклюзивное образование как фактор социальной интеграции детей с ОВЗ / Е.Н. Зырянова, О.В. Смирнова. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 176 с.
3. Михайлова С.А. Психолого-педагогические основы инклюзивного образования / С.А. Михайлова, Н.Ю. Солодовникова. – Москва: Академия, 2019. 208 с.
4. Овчаренко Л.Г. Теория и практика инклюзивного образования в России / Л.Г. Овчаренко, Е.В. Балобанова. – Москва: Дрофа, 2020. 240 с.
5. Семенова Е.В. Методика инклюзивного образования / Е.В. Семенова, И.Н. Карпов. – Москва: Просвещение, 2019. 192 с.
6. Соловьёва А.Н. Правовые основы инклюзивного образования в Российской Федерации / А.Н. Соловьёва, Д.В. Морозов. – Саратов: Изд-во СГЮА, 2019. 176 с.
7. Яровая И.А. Формирование инклюзивной образовательной среды / И.А. Яровая, М.С. Макаров. – Москва: Дашков и К°, 2020. 208 с.

References

1. Grigorieva T.V. Inclusive education in the Russian Federation: problems and prospects / T.V. Grigorieva, I.A. Petrov. – Moscow: Prosveshchenie, 2019. 192 p.
2. Zyryanova E.N. Inclusive education as a factor in the social integration of children with disabilities / E.N. Zyryanova, O.V. Smirnova. – St. Petersburg: Publishing house of the Herzen State Pedagogical University, 2019. 176 p.
3. Mikhailova S.A. Psychological and pedagogical foundations of inclusive education / S.A. Mikhailova, N.Yu. Solodovnikova. – Moscow: Academy, 2019. 208 p.
4. Ovcharenko L.G. Theory and practice of inclusive education in Russia / L.G. Ovcharenko, E.V. Balobanova. – Moscow: Drofa, 2020. 240 p.
5. Semenova E.V. Methodology of inclusive education / E.V. Semenova, I.N. Karpov. – Moscow: Prosveshchenie, 2019. 192 p.
6. Solovieva A.N. Legal basis for inclusive education in the Russian Federation / A.N. Solovieva, D.V. Morozov. – Saratov: Publishing house of SGLA, 2019. 176 p.
7. Yarovaya I.A. Formation of an inclusive educational environment / I.A. Yarovaya, M.S. Makarov. – Moscow: Dashkov i K°, 2020. 208 p.

Подчуфаров И.

Аспирант «МИРЭА – Российский технологический университет», РТУ МИРЭА.

Потемкина Ю.

Магистрант. Национальный Исследовательский Нижегородский Государственный университет имени Н.Н. Лобачевского, член федеральной торгово-промышленной палаты РФ.

Управление миграционными потоками на федеральном и региональном уровнях – сравнительный анализ инструментов политики и практик в России, США и Китае*

Аннотация. В условиях интенсификации глобальных миграционных процессов особую актуальность приобретает сравнительный анализ механизмов управления миграционными потоками на федеральном и региональном уровнях в крупнейших государствах мира. Настоящее исследование представляет комплексный компаративный анализ инструментов миграционной политики и правоприменительных практик России, США и Китая за период 1975-2023 гг. На основе многоуровневого методологического подхода, сочетающего количественные и качественные методы, проанализированы ключевые параметры миграционных систем трех стран, включая законодательную базу, институциональные структуры, правоприменительные практики и методы контроля миграционных потоков. Исследование выявило существенные различия в системах управления миграцией, обусловленные историческими, политическими и социально-экономическими факторами. Установлена корреляционная зависимость между степенью децентрализации миграционной политики и эффективностью регионального управления миграционными потоками ($r=0,78$, $p<0,001$). Разработана комплексная модель оценки эффективности миграционной политики, учитывающая 27 параметров и позволяющая прогнозировать результативность миграционных стратегий с точностью до 83,4%. На основе полученных данных сформулированы рекомендации по оптимизации федеральных и региональных инструментов управления миграцией, включая внедрение дифференцированных подходов к различным категориям мигрантов и усиление межведомственной координации. Результаты исследования имеют теоретическую значимость для развития компаративистики в области миграциологии и практическую ценность для совершенствования миграционной политики.

Ключевые слова: миграционная политика, федеративные отношения, региональное управление, компаративный анализ, институциональные механизмы, правоприменительные практики, миграционная эффективность.

Podchufarov I.

Postgraduate student of Russian Technological University.

Potemkina Yu.

Master's student. National Research Nizhny Novgorod State University named after N.N. Lobachevsky, member of the Federal Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation.

* © Подчуфаров И., Потемкина Ю., 2025.

Управление миграционными потоками на федеральном и региональном уровнях – сравнительный анализ инструментов политики и практик в России, США и Китае

Management of migration flows at the federal and regional levels – a comparative analysis of policy instruments and practices in Russia, USA and China

Abstract. In the context of intensifying global migration processes, a comparative analysis of migration flow management mechanisms at the federal and regional levels in the largest countries of the world is becoming especially relevant. This study presents a comprehensive comparative analysis of migration policy instruments and law enforcement practices in Russia, the United States and China for the period 1975-2023. Based on a multi-level methodological approach combining quantitative and qualitative methods, the key parameters of the migration systems of the three countries were analyzed, including the legislative framework, institutional structures, law enforcement practices and methods of monitoring migration flows. The study revealed significant differences in migration management systems due to historical, political and socio-economic factors. A correlation was established between the degree of decentralization of migration policy and the effectiveness of regional migration flow management ($r = 0.78$, $p < 0.001$). A comprehensive model for assessing the effectiveness of migration policy has been developed, taking into account 27 parameters and allowing to predict the effectiveness of migration strategies with an accuracy of up to 83.4%. Based on the data obtained, recommendations have been formulated for optimizing federal and regional migration management tools, including the introduction of differentiated approaches to various categories of migrants and strengthening interdepartmental coordination. The results of the study have theoretical significance for the development of comparative studies in the field of migration studies and practical value for improving migration policy.

Key words: migration policy, federal relations, regional governance, comparative analysis, institutional mechanisms, law enforcement practices, migration efficiency.

Введение

Проблематика управления миграционными потоками приобретает особое значение в условиях усиливающейся глобализации и транснационализации миграционных процессов, оказывающих многоаспектное воздействие на экономические, социальные и политические системы принимающих стран. Современные исследования демонстрируют существенную трансформацию подходов к регулированию миграции на различных уровнях государственного управления, что отражает поиск эффективных механизмов адаптации к новым миграционным реалиям [1]. В последние десятилетия наблюдается отчетливая тенденция к диверсификации инструментов миграционной политики, обусловленная необходимостью учета региональной специфики и локальных социально-экономических контекстов при сохранении общегосударственной стратегии в сфере миграции [2]. Анализ актуальных исследований свидетельствует о возрастающем значении многоуровневых моделей управления миграционными процессами, интегрирующих федеральные, региональные и муниципальные компоненты регулирования [3]. Сопоставление существующих подходов позволяет выявить значительные различия в концептуальных основаниях миграционных политик различных государств, что обусловливает вариативность используемых инструментов и практик.

В научной литературе наблюдается терминологическая неоднозначность в определении ключевых понятий, связанных с управлением миграционными процессами. Концепт «миграционная политика» трактуется в широком спектре значений: от узкого понимания,

ограниченного нормативно-правовым регулированием перемещения населения, до расширенной интерпретации, включающей весь комплекс мер по воздействию на миграционные потоки и интеграцию мигрантов [4]. В рамках настоящего исследования под миграционной политикой понимается система законодательных, административных и организационно-финансовых мер, осуществляемых государством с целью регулирования миграционных потоков, а также минимизации негативных и максимизации позитивных последствий миграции. Термин «управление миграционными потоками» определяется как целенаправленное воздействие на объем, направления и структуру миграционных перемещений с использованием комплекса регулятивных инструментов [5]. «Инструменты миграционной политики» рассматриваются как конкретные механизмы, посредством которых реализуются стратегические цели и тактические задачи в сфере регулирования миграции [6]. Предлагаемая терминологическая система отражает многоуровневый характер управления миграцией и позволяет корректно операционализировать исследуемые феномены.

Анализ существующих исследований выявляет ряд значимых пробелов в научном осмыслении проблематики управления миграционными потоками. Во-первых, недостаточно изученным остается взаимодействие федерального и регионального уровней в процессе формирования и имплементации миграционной политики, особенно в контексте стран с различными политическими системами [7]. Во-вторых, отсутствует комплексный сравнительный анализ эффективности различных инструментов миграционной политики в контексте специфических социально-экономических и политических условий конкретных государств [8]. В-третьих, наблюдается дефицит эмпирических исследований, направленных на квантификацию результативности миграционных практик с учетом региональных особенностей и федеральных императивов [9]. В-четвертых, мало внимания уделяется компаративному анализу институциональных механизмов имплементации миграционной политики в различных государственных системах [10]. Предлагаемое исследование призвано восполнить указанные лакуны посредством комплексного сравнительного анализа федеральных и региональных инструментов управления миграцией в России, США и Китае.

Актуальность предпринимаемого исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, выбранные для анализа страны представляют различные модели государственного устройства и подходы к управлению миграционными процессами, что позволяет выявить взаимосвязь между политической системой и эффективностью миграционной политики. Во-вторых, применяемый методологический подход, сочетающий количественные и качественные методы исследования, обеспечивает комплексную оценку инструментов миграционной политики в контексте их реальной эффективности. В-третьих, хронологические рамки исследования, охватывающие период с 1975 по 2023 годы, позволяют проследить эволюцию подходов к управлению миграцией и выявить долгосрочные тенденции в данной сфере [11]. В-четвертых, разработанная в рамках исследования система индикаторов эффективности миграционной политики может быть использована для сравнительной оценки различных национальных и региональных прак-

тик [12]. Таким образом, предлагаемое исследование представляет собой оригинальный научный вклад в развитие компаративной миграциологии и формирует концептуальную основу для совершенствования инструментов миграционной политики в различных политических и социально-экономических контекстах.

Методы

Исследование базируется на комплексном методологическом подходе, интегрирующем количественные и качественные методы анализа, что обусловлено многоаспектностью изучаемого феномена и необходимостью обеспечения валидности полученных результатов. Применение смешанной методологии (mixed methods research) позволяет преодолеть ограничения, свойственные моноподходам, и обеспечить многомерное понимание механизмов управления миграционными потоками в различных институциональных контекстах [1]. В качестве основного методологического инструментария использован сравнительный институциональный анализ, направленный на выявление структурных и функциональных особенностей систем управления миграцией в России, США и Китае на федеральном и региональном уровнях [2]. Данный метод дополнен статистическим анализом миграционных потоков и результативности регулятивных мер, что обеспечивает квантификацию исследуемых феноменов и верифицируемость полученных выводов.

Процедура исследования включала четыре последовательных этапа. На первом этапе (январь-март 2023 г.) осуществлен сбор и систематизация нормативно-правовых документов, регламентирующих миграционную политику исследуемых стран на различных уровнях управления. Сформирована база данных, включающая 317 федеральных и 682 региональных нормативно-правовых акта России, 284 федеральных и 723 региональных актов США, 247 национальных и 415 провинциальных актов Китая за период 1975-2023 гг. Для анализа документов применен метод контент-анализа с использованием программного комплекса MAXQDA 2023, что позволило квантифицировать содержательные характеристики нормативной базы [3]. На втором этапе (апрель-июнь 2023 г.) проведен сравнительный анализ институциональных структур управления миграцией в трех странах с применением методики институционального картирования, позволяющей визуализировать распределение полномочий и взаимодействие различных уровней власти [4].

Третий этап (июль-сентябрь 2023 г.) был посвящен анализу статистических данных по миграционным потокам и эффективности регулятивных мер. Эмпирическую базу исследования составили официальные статистические данные национальных статистических служб и миграционных ведомств России, США и Китая, а также данные международных организаций (ООН, МОМ, ОЭСР) за период 1975-2023 гг. Общий объем проанализированных статистических показателей составил 2764 единицы. Для анализа данных использованы методы дескриптивной и инференциальной статистики, в том числе корреляционный и регрессионный анализ, выполненные с применением программного пакета SPSS Statistics 28.0 [5]. На четвертом этапе (октябрь-декабрь 2023 г.) проведено экспертное интервьюирование представителей миграционных ведомств и академического сообщества трех стран (n=87) с целью верификации полученных результатов

и формирования интегрального представления о функционировании многоуровневых систем управления миграцией [6].

Для оценки эффективности инструментов миграционной политики разработана комплексная система индикаторов, включающая 27 параметров, объединенных в пять тематических блоков: нормативно-правовое регулирование, институциональная структура, правоприменительные практики, социально-экономические эффекты и региональная дифференциация. Каждый индикатор оценивался по 10-балльной шкале на основе объективных статистических данных и экспертных оценок. Интегральный индекс эффективности рассчитывался как взвешенная сумма баллов по всем индикаторам с учетом их относительной значимости, определенной методом аналитической иерархии Саати (коэффициент согласованности экспертных оценок CR=0,034) [7].

Для обеспечения качества исследования применен комплекс мер, направленных на повышение валидности и надежности результатов. Валидность обеспечивалась через триангуляцию источников данных (нормативные документы, статистика, экспертные мнения) и методов исследования (количественные и качественные) [8]. Надежность данных достигалась посредством стандартизации процедур сбора и анализа информации, а также перекрестной проверки результатов независимыми исследователями. Статистическая достоверность количественных результатов обеспечивалась применением соответствующих статистических критериев (t-критерий Стьюдента, F-критерий Фишера, критерий хи-квадрат) при уровне значимости $p<0,05$ [9]. Репрезентативность выборки экспертов обеспечивалась через стратифицированный отбор с учетом страновой принадлежности, профессионального статуса и сферы компетенции. Коэффициент репрезентативности выборки по основным параметрам составил 0,89, что свидетельствует о высокой степени соответствия структуры выборки характеристикам генеральной совокупности [10].

Результаты исследования

Нормативно-правовые основы управления миграционными потоками в России, США и Китае

Анализ законодательной базы в сфере регулирования миграции выявил существенные различия в нормативно-правовых подходах трех стран, обусловленные особенностями их государственного устройства и историческими традициями управления миграционными процессами. Российская Федерация демонстрирует тенденцию к централизации нормативного регулирования миграции с четким доминированием федерального законодательства над региональным. Контент-анализ российских нормативно-правовых актов показал, что 78,4% ключевых миграционных вопросов регулируются на федеральном уровне, в то время как региональное законодательство преимущественно конкретизирует и дополняет федеральные нормы. В США, напротив, обнаруживается более сбалансированное распределение нормативных полномочий между федеральным и штатным уровнями: 54,3% миграционных вопросов регламентируются федеральными законами, в то время как 45,7% находятся в компетенции штатов. Китайская модель демонстрирует промежуточный вариант с формальной централизацией нормативного регулирования (67,2% вопросов регулируются на национальном уровне), но значительной автономией

провинций в практической реализации миграционной политики.

Временная динамика законодательной активности в сфере миграции демонстрирует циклический характер с периодами интенсификации, совпадающими с социально-экономическими и политическими трансформациями. В России наибольшая активность в формировании миграционного законодательства наблюдалась в периоды 1992-1995 гг. (28,7% всех принятых НПА), 2006-2008 гг. (17,3%) и 2014-2016 гг. (14,9%), что коррелирует с периодами институциональных реформ и геополитических изменений. В США пики нормотворчества в миграционной сфере приходятся на 1986-1988 гг. (13,4%), 1996-1998 гг. (15,8%) и 2016-2018 гг. (18,2%), что связано с принятием ключевых реформ миграционного законодательства. В Китае наиболее интенсивное развитие миграционного законодательства происходило в 1985-1988 гг. (16,7%), 2000-2003 гг. (21,3%) и 2018-2021 гг. (19,5%), что отражает этапы экономических реформ и изменения в подходах к внутренней и внешней миграции.

Содержательный анализ миграционного законодательства трех стран позволил выявить существенные различия в концептуальных подходах к регулированию миграционных потоков. Российское законодательство характеризуется преобладанием административно-контрольных механизмов (64,3% нормативных положений) над экономическими стимулами (23,5%) и интеграционными инструментами (12,2%). В законодательстве США наблюдается более сбалансированное соотношение контрольных (41,7%), экономических (33,5%) и интеграционных (24,8%) механизмов с тенденцией к усилению селективности миграционной политики. Китайское законодательство демонстрирует доминирование экономических инструментов регулирования (57,3%) при сохранении значительной роли административно-контрольных механизмов (38,1%) и ограниченном применении интеграционных подходов (4,6%).

Таблица 1. Сравнительные характеристики нормативно-правовой базы управления миграцией в России, США и Китае (1975-2023 гг.).

Критерий	Россия	США	Китай
Количество действующих федеральных/национальных НПА в сфере миграции	138	97	124
Количество действующих региональных НПА в сфере миграции	284	726	319
Доля федеральных/национальных НПА в общем объеме миграционного законодательства (%)	32,7	11,8	28,0
Средняя частота обновления федерального/национального миграционного законодательства (лет)	2,8	4,1	3,2
Средняя частота обновления регионального миграционного законодательства (лет)	1,9	1,2	2,7
Индекс централизации миграционного законодательства (от 0 до 10)	7,9	4,2	6,8
Индекс согласованности федерального и регионального законодательства (от 0 до 10)	8,3	5,7	7,1
Индекс дифференциации регионального миграционного законодательства (от 0 до 10)	3,1	8,7	5,3

Корреляционный анализ выявил статистически значимую взаимосвязь между степенью централизации миграционного законодательства и эффективностью контроля миграционных потоков (r=0,67, p<0,01), что свидетельствует о преимуществах централизованного подхода в обеспечении миграционной безопасности. Однако обнаружена отрицательная корреляция между централизацией законодательства и эффективностью региональных программ интеграции мигрантов (r=-0,58, p<0,01), что указывает на преимущества децентрализованного подхода в вопросах адаптации и интеграции. Институциональные механизмы управления миграцией на федеральном и региональном уровнях

Комплексный анализ институциональных структур управления миграцией в России, США и Китае позволил выявить существенные различия в организационных моделях и распределении полномочий между уровнями власти. В России сформирована централизованная модель с вертикальной интеграцией институтов миграционной политики, где ключевую роль играют федеральные структуры: Министерство внутренних дел (регулирование и контроль), Министерство труда и социальной защиты (трудовая миграция), Министерство иностранных дел (визовая политика). Региональные органы власти выполняют преимущественно имплементационные функции с ограниченными возможностями формирования собственной миграционной политики (индекс институциональной автономии регионов – 3,2 из 10).

В США реализована децентрализованная модель институционального управления миграцией с разграничением полномочий между федеральным уровнем (пограничный контроль, депортация, натурализация) и уровнем штатов (трудоустройство, социальное обеспечение, интеграция мигрантов). Федеральная институциональная система включает Department of Homeland Security с подразделениями USCIS, ICE, CBP, а также Department of State и Department of Labor. Штаты обладают значительной институциональной автономией в реализации миграционной политики (индекс – 7,9 из 10), что проявляется в создании специализиро-

Таблица 2. Институциональная структура управления миграцией в исследуемых странах (2023 г.).

Параметр	Россия	США	Китай
Количество федеральных/национальных органов, участвующих в управлении миграцией	7	6	5
Доля федеральных полномочий в сфере миграции (%)	86,3	61,7	73,8
Доля региональных полномочий в сфере миграции (%)	13,7	38,3	26,2
Индекс межведомственной координации на федеральном уровне (0-10)	6,4	7,8	8,2
Индекс межведомственной координации на региональном уровне (0-10)	4,7	6,9	5,3
Индекс вертикальной интеграции миграционных институтов (0-10)	8,3	5,1	7,6
Индекс институциональной автономии регионов в миграционной сфере (0-10)	3,2	7,9	4,5
Среднее количество сотрудников миграционных ведомств на 100000 мигрантов	376	207	412

ванных департаментов и комиссий по миграционным вопросам. Китайская институциональная модель представляет собой гибридный вариант с формальной централизацией ключевых полномочий на национальном уровне (National Immigration Administration, Ministry of Public Security) при сохранении значительной операционной автономии провинциальных властей в реализации миграционной политики. Специфической чертой китайской модели является интеграция механизмов управления внутренней и внешней миграцией в единую институциональную систему, что обусловлено историческими особенностями системы хукоу (регистрации по месту жительства). Регрессионный анализ показал, что эффективность управления миграционными потоками на региональном уровне статистически значимо связана с индексом институциональной автономии регионов (β=0,42, p<0,001) и индексом межведомственной координации (β=0,38, p<0,001). Множественный регрессионный анализ с включением контрольных переменных (ВВП на душу населения, уровень миграционного притока, политическая система) подтвердил устойчивость данной взаимосвязи (R^2=0,67, F=42,3, p<0,001).

Анализ динамики институциональных трансформаций в период 1975-2023 гг. выявил циклический характер изменений с чередованием периодов централизации и децентрализации управления миграцией. В России наблюдается тренд к усилению централизации институциональных механизмов с пиками в 2002 г. (создание ФМС) и 2016 г. (передача полномочий ФМС в МВД). В США прослеживается волнообразная динамика с периодами усиления федерального контроля (2001-2003 гг., 2017-2019 гг.) и расширения полномочий штатов (1996-1998 гг., 2010-2012 гг.). В Китае отмечается постепенное расширение институциональных возможностей провинций при сохранении централизованного стратегического управления миграционными процессами.

Инструменты миграционной политики: эффективность и региональная специфика

Сравнительный анализ инструмен-

Таблица 3. Эффективность инструментов миграционной политики в исследуемых странах (2015-2023 гг.).

Тип инструментов	Россия		США		Китай	
	Федеральный уровень	Региональный уровень	Федеральный уровень	Региональный уровень	Федеральный уровень	Региональный уровень
Регулятивные инструменты (балл 0-10)	7,4	5,1	6,8	7,2	7,9	6,3
Контрольные инструменты (балл 0-10)	8,2	6,3	7,6	5,4	8,7	7,1
Интеграционные инструменты (балл 0-10)	4,7	5,9	5,3	8,1	4,5	5,8
Стимулирующие инструменты (балл 0-10)	5,2	6,7	6,1	7,5	7,8	8,4
Интегральный индекс эффективности	6,4	6,0	6,5	7,1	7,2	6,9

тов миграционной политики в России, США и Китае позволил выявить существенные различия в подходах к регулированию миграционных потоков на федеральном и региональном уровнях. Классификация инструментов по функциональному признаку (регулятивные, контрольные, интеграционные, стимулирующие) показала преобладание контрольных механизмов в России (43,7% всех инструментов), баланс регулятивных и интеграционных инструментов в США (31,4% и 29,8% соответственно) и доминирование стимулирующих механизмов в Китае (37,2%).

Оценка эффективности инструментов миграционной политики на федеральном и региональном уровнях выявила интересные закономерности. В России федеральные инструменты демонстрируют более высокую эффективность в сфере регулирования и контроля (7,4 и 8,2 балла соответственно), в то время как региональные инструменты более эффективны в области интеграции и стимулирования (5,9 и 6,7 балла). В США наблюдается обратная ситуация: региональные инструменты превосходят федеральные по эффективности во всех функциональных областях, кроме контрольных механизмов. В Китае федеральные инструменты демонстрируют более высокую эффективность в регулятивной и контрольной сферах, а региональные – в области стимулирования миграции. Дисперсионный анализ (ANOVA) подтвердил статистическую значимость различий в эффективности инструментов по странам ($F=18,4$, $p<0,001$) и уровням управления ($F=12,7$, $p<0,001$). Post-hoc анализ с применением критерия Тьюки показал, что наибольшие межстрановые различия наблюдаются в эффективности интеграционных инструментов ($p<0,001$), а наименьшие – в эффективности контрольных механизмов ($p=0,072$). Регрессионный анализ с включением контрольных переменных выявил, что эффективность региональных инструментов миграционной политики статистически значимо зависит от уровня институциональной автономии регионов ($\beta=0,46$, $p<0,001$), степени экономической дифференциации регионов ($\beta=0,34$, $p<0,01$) и интенсивности миграционных потоков ($\beta=0,29$, $p<0,01$). Множественная регрессионная модель объясняет 72,3% вариации в эффективности региональных инструментов миграционной политики ($R^2=0,723$, $F=38,6$, $p<0,001$).

Кластерный анализ регионов трех стран по параметрам эффективности миграционной политики позволил выделить пять типологических групп: регионы с высокоэффективной комплексной миграционной политикой (12,3% всех регионов), регионы с эффективной контрольно-регулятивной политикой (23,7%), регионы с эффективной интеграционно-стимулирующей политикой (18,5%), регионы со среднеэффективной сбалансированной политикой (31,4%) и регионы с низкоэффективной миграционной политикой (14,1%). Распределение регионов по кластерам демонстрирует существенные межстрановые различия: в России преобладают регионы второго и пятого кластеров, в США – регионы третьего и четвертого кластеров, в Китае – регионы первого и четвертого кластеров.

Миграционные потоки и эффективность их регулирования

Анализ миграционных потоков в России, США и Китае за период 1975-2023 гг. демонстрирует существенные различия в масштабах, структуре и динамике миграционных процессов, что обусловливает специфику подходов к их

регулированию. Совокупный объем международной миграции в Россию за исследуемый период составил 15,7 млн человек, в США – 46,8 млн человек, в Китай – 10,3 млн человек. При этом чистая миграция (разница между прибывшими и выбывшими) составила +7,3 млн для России, +29,1 млн для США и +1,2 млн для Китая.

Структурные характеристики миграционных потоков демонстрируют значительные межстрановые различия. В России преобладает трудовая миграция из стран СНГ (67,3% всех мигрантов), характеризующаяся средней и низкой квалификацией (76,3%). В США наблюдается более диверсифицированная структура с высокой долей высококвалифицированных специалистов (41,3%) и значительным компонентом семейной миграции (32,7%). В Китае доминирует высококвалифицированная миграция (52,8%) при относительно низкой доле семейной миграции (14,3%).

Анализ эффективности регулирования миграционных потоков показал, что наиболее высокие показатели демонстрирует Китай (коэффициент эффективности миграционного контроля – 0,83), за ним следуют США (0,78) и Россия (0,71). Многофакторный анализ выявил, что эффективность регулирования статистически значимо коррелирует с индексом селективности миграционной политики ($r=0,76$, $p<0,001$), степенью координации между федеральными и региональными органами ($r=0,64$, $p<0,001$) и уровнем цифровизации миграционных процедур ($r=0,58$, $p<0,01$). Регрессионный анализ с использованием панельных данных по регионам трех стран за период 2010-2023 гг. позволил построить модель эффективности регулирования миграционных потоков:

$$E = 0,237 + 0,183 \cdot S + 0,142 \cdot C + 0,097 \cdot D + 0,076 \cdot I - 0,048 \cdot F + \varepsilon$$

где Е – эффективность миграционных потоков, S – индекс селективности миграционной политики, C – уровень межведомственной координации, D – степень дифференциации региональных подходов, I – индекс институциональной автономии регионов, F – формализация миграционных процедур, ε – случайная ошибка.

Модель обладает высокой объяснительной способностью ($R^2=0,76$, $F=42,7$, $p<0,001$) и демонстрирует, что ключевыми факторами эффективности регулирования миграционных потоков

Таблица 4. Характеристики миграционных потоков и эффективность их регулирования (1975-2023 гг.).

Показатель	Россия	США	Китай
Средний ежегодный объем иммиграции (тыс. чел.)	342,6	1017,4	224,1
Средний ежегодный объем эмиграции (тыс. чел.)	183,9	384,6	197,8
Доля высококвалифицированных мигрантов в общем потоке (%)	23,7	41,3	52,8
Доля нелегальной миграции в общем объеме (оценка, %)	28,3	22,6	16,9
Коэффициент эффективности миграционного контроля (0-1)	0,71	0,78	0,83
Индекс селективности миграционной политики (0-10)	5,3	7,8	8,5
Коэффициент региональной дифференциации миграционных потоков	0,74	0,68	0,86
Индекс соответствия миграционных потоков потребностям рынка труда (0-10)	5,7	7,3	7,9

являются селективность миграционной политики и качество межведомственной координации. Интересно отметить отрицательную связь между формализацией миграционных процедур и эффективностью регулирования, что свидетельствует о преимуществах гибких подходов к управлению миграцией.

Региональные практики управления миграционными потоками: компаративный анализ

Сравнительный анализ региональных практик управления миграцией в России, США и Китае позволил выявить значительное разнообразие подходов, обусловленное как институциональными особенностями, так и социально-экономической спецификой регионов. В России региональные практики характеризуются высокой степенью унификации с ограниченными возможностями для внедрения инновационных подходов (коэффициент вариации региональных практик – 0,23). В США наблюдается максимальная дифференциация региональных практик с формированием «полюсов» миграционной политики – от рестриктивных до инклюзивных моделей (коэффициент вариации – 0,68). В Китае региональные практики демонстрируют умеренную дифференциацию с преобладанием экономически ориентированных подходов (коэффициент вариации – 0,41).

Наиболее распространенными региональными практиками в России являются информационные системы учета мигрантов (86,2% регионов) и программы привлечения квалифицированных специалистов (27,1%). В США доминируют программы привлечения специалистов (86,3%) и интеграции мигрантов (72,5%). В Китае преобладают информационные системы учета (94,3%) и дифференцированные режимы трудоустройства (81,4%). Оценка эффективности практик показывает, что наиболее результативными в России являются информационные системы (7,4 балла), в США – программы привлечения специалистов (8,3 балла), в Китае –

Таблица 5. Сравнительные характеристики региональных практик управления миграцией (2023 г.).

Практика	Распространенность (% регионов)			Эффективность (0-10)		
	Россия	США	Китай	Россия	США	Китай
Региональные программы привлечения квалифицированных специалистов	27,1	86,3	74,2	6,1	8,3	7,8
Региональные программы интеграции мигрантов	18,3	72,5	23,7	5,3	7,6	5,9
Дифференцированные режимы трудоустройства мигрантов	12,5	63,7	81,4	5,8	7,2	8,4
Региональные информационные системы учета мигрантов	86,2	39,6	94,3	7,4	6,7	8,2
Программы сотрудничества регионов в сфере миграции	23,7	51,2	67,8	5,7	7,3	7,6
Региональные консультативные советы по миграции	17,4	58,4	26,2	4,8	6,9	5,4
Региональные программы социального жилья для мигрантов	8,3	42,7	14,6	4,5	6,8	5,7

дифференцированные режимы трудоустройства (8,4 балла).

Факторный анализ выявил четыре ключевых компонента, определяющих эффективность региональных практик управления миграцией: институциональный (объясняет 37,2% вариации), экономический (26,4%), социальный (18,7%) и географический (9,5%). Множественный регрессионный анализ показал, что наибольшее влияние на эффективность региональных практик оказывают уровень экономического развития региона (β=0,41, $p<0,001$), степень институциональной автономии (β=0,38, $p<0,001$) и интенсивность миграционных потоков (β=0,34, $p<0,001$). Анализ лучших региональных практик позволил сформировать модель оптимальной региональной миграционной политики, включающую следующие компоненты: селективная система привлечения мигрантов, дифференцированные интеграционные программы, многоуровневая система координации с федеральными органами, гибкие механизмы адаптации к изменяющимся условиям и комплексный мониторинг миграционной ситуации. Апробация данной модели на статистических данных показала потенциальное повышение эффективности региональной миграционной политики на 23-37% в зависимости от исходных условий региона.

Сравнительный анализ показал, что наиболее перспективным направлением совершенствования региональных практик является развитие селективных подходов к привлечению мигрантов с учетом специфических потребностей региональных рынков труда. Эффективность селективных программ статистически значимо выше в регионах с высокой институциональной автономией ($t=6,7$, $p<0,001$), что подтверждает гипотезу о преимуществах децентрализованных моделей управления миграцией в сфере привлечения квалифицированных специалистов.

Заключение

Комплексный сравнительный анализ управления миграционными потоками на федеральном и региональном уровнях в России, США и Китае выявил существенные различия в институциональных моделях, нормативных подходах и практиках регулирования миграции. Российская система характеризуется высокой степенью централизации с доминированием федеральных полномочий (86,3%) и ограниченной институциональной автономией регионов (индекс автономии – 3,2). Американская модель отличается значительной децентрализацией с широкими полномочиями штатов (38,3%) и высоким уровнем региональной автономии (индекс – 7,9). Китайская система представляет гибридный вариант с формальной централизацией и значительной операционной автономией провинций в реализации миграционной политики (индекс автономии – 4,5). Анализ эффективности инструментов миграционной политики продемонстрировал четкую корреляцию между типом инструментов и уровнем управления. Федеральные инструменты показывают более высокую эффективность в регулятивной и контрольной сферах (7,4 и 8,2 балла в России; 6,8 и 7,6 в США; 7,9 и 8,7 в Китае), в то время как региональные инструменты более эффективны в области интеграции и стимулирования миграции (5,9 и 6,7 балла в России; 8,1 и 7,5 в США; 5,8 и 8,4 в Китае). Множественный регрессионный анализ подтвердил, что эффективность региональных инструментов статистически значимо зависит

от институциональной автономии регионов (β=0,46, p<0,001) и степени экономической дифференциации (β=0,34, p<0,01). Исследование выявило четкую взаимосвязь между моделью федеративных отношений и эффективностью управления миграционными потоками. Корреляционный анализ показал статистически значимую связь между индексом децентрализации миграционной политики и эффективностью привлечения квалифицированных мигрантов (r=0,72, p<0,001). При этом для обеспечения эффективного контроля миграционных потоков более результативной оказывается централизованная модель (r=0,67, p<0,01). Данные факты свидетельствуют о необходимости дифференцированного подхода к распределению полномочий в зависимости от конкретных задач миграционной политики.

На основе анализа региональных практик выявлены ключевые факторы успешного управления миграцией на региональном уровне: институциональная автономия (объясняет 37,2% вариации эффективности), экономическое развитие региона (26,4%), интенсивность миграционных потоков (18,7%) и географическое положение (9,5%). Наиболее эффективные региональные практики включают селективные программы привлечения специалистов (эффективность 8,3 балла в США и 7,8 в Китае), дифференцированные режимы трудоустройства (8,4 балла в Китае) и комплексные информационные системы учета мигрантов (8,2 балла в Китае).

Сравнительный анализ эволюции миграционных политик в период 1975-2023 гг. выявил циклический характер изменений с чередованием периодов централизации и децентрализации. Выявлена тенденция к повышению селективности миграционной политики во всех трех странах с акцентом на привлечение высококвалифицированных специалистов. Индекс селективности миграционной политики вырос с 3,2 до 5,3 в России, с 4,5 до 7,8 в США и с 5,1 до 8,5 в Китае за исследуемый период. Одновременно наблюдается тренд к дифференциации региональных подходов к управлению миграцией, что отражает усиление конкуренции регионов за человеческий капитал.

Список литературы / References

1. Castles S., de Haas H. & Miller M.J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World (5th ed.). Palgrave Macmillan. 2014.
2. Hollifield J.F., Martin P.L. & Orrenius P.M. Controlling Immigration: A Global Perspective (3rd ed.). Stanford University Press. 2014.
3. Brettell C.B. & Hollifield J.F. (Eds.). Migration Theory: Talking across Disciplines (3rd ed.). Routledge. 2014.
4. Zolberg A.R. A Nation by Design: Immigration Policy in the Fashioning of America. Harvard University Press. 2006.
5. Massey D.S., Durand J. & Malone N.J. Beyond Smoke and Mirrors: Mexican Immigration in an Era of Economic Integration. Russell Sage Foundation. 2002.
6. Fan C.C. China on the Move: Migration, the State, and the Household. Routledge. 2008.
7. Malakhov V.S. Russia as a New Immigration Country: Policy Response and Public Debate. Europe-Asia Studies, 2014. № 66 (7). P. 1062-1079.
8. Reitz J.G. The Status of Origin Recognition in Canada's Immigration Policy: A Comparison with Australia, the United States, and the European Union. Institute for Research on Public Policy. 2014.
9. Ryazantsev S. Russia Needs a New Migration Policy. Russian Politics & Law, 2013. № 51 (3). P. 80-88.
10. Solinger D.J. Contesting Citizenship in Urban China: Peasant Migrants, the State, and the Logic of the Market. University of California Press. 1999.
11. Aleksashenko S. The Russian Economy in 2050: Heading for Labor-Based Stagnation. Brookings Institution. 2015.
12. Varsanyi M.W. Taking Local Control: Immigration Policy Activism in U.S. Cities and States. Stanford University Press. 2010.
13. Aleshkovski I.A. International Migration and Globalization: Global Trends and Perspectives. Journal of Globalization Studies, 2010. № 1 (2). P. 49-65.
14. Zhou M. & Gonzales R.G. Divergent Destinies: Children of Immigrants Growing Up in the United States. Annual Review of Sociology, 2019. № 45. P. 383-399.
15. Czaika M. & De Haas H. The Effectiveness of Immigration Policies. Population and Development Review, 2013. № 39 (3). P. 487-508.

Калинин Н.А.

Аспирант. Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российский Федерации.

Феномен инклюзивности в социальном театре*

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена инклюзивности в социальном театре. Рассмотрены теоретические основы инклюзии и социального театра, раскрыта роль театральных практик в социальной интеграции людей с инвалидностью. Автор анализирует российские и международные кейсы, показывающие успешность и многообразие инклюзивных проектов, а также описывает влияние инклюзивного театра на личностный рост участников, укрепление социальных связей и трансформацию общественного сознания. Сделан вывод о значительном потенциале инклюзивного театра как механизма социальных и культурных изменений, подчёркнута необходимость дальнейшего развития этого направления в рамках культурной политики и образовательных программ.

Ключевые слова: инклюзивность, социальный театр, инклюзивный театр, социальная интеграция, театральная педагогика, социальные изменения, инвалидность, дестигматизация, культурная политика, социальная терапия.

Kalinin N.A.

Graduate student of the Russian academy of national economy and public policy (without abbreviations).

The phenomenon of inclusivity in social theatre

Abstract. The article analyzes the phenomenon of inclusivity in social theatre. The theoretical foundations of inclusion and social theatre are examined, highlighting the role of theatrical practices in the social integration of individuals with disabilities. The author reviews Russian and international case studies, demonstrating the success and diversity of inclusive theatre projects, and describes the impact of inclusive theatre on personal growth, strengthening social ties, and transforming public consciousness. The article concludes that inclusive theatre possesses substantial potential as a mechanism for social and cultural change, emphasizing the need for further development within cultural policy and educational programs.

Key words: inclusivity, social theatre, inclusive theatre, social integration, theatre pedagogy, social change, disability, destigmatization, cultural policy, social therapy.

Инклюзивность как принцип социально-культурного развития приобретает всё большее значение в современном театральном искусстве. Социальный театр, ориентированный на работу с уязвимыми группами, выступает важнейшей платформой для реализации идей инклюзии. Актуальность темы обусловлена как общими тенденциями гуманизации культуры, так и конкретными социальными потребностями: например, в России на-

* © Калинин Н.А., 2025.

Феномен инклюзивности в социальном театре

считывается около 11 млн людей с инвалидностью (около 8% населения), среди них ~710 тыс. детей.

Расширение участия этих людей в разных сферах жизни признано приоритетной задачей социальной политики. Театр способен эффективно решать данную задачу благодаря своему уникальному воздействию на аудиторию. Отмечается, что «театр… может претендовать на то, чтобы стать механизмом улучшения общества».

Теоретическое осмысление проблемы необходимо для понимания сущности инклюзивного социального театра. Прежде всего, социальная инклюзия трактуется как процесс активного включения в социум людей, ранее из него исключённых. В научной литературе инклюзия связывается с идеей социальной сплочённости: это компонент эволюционных изменений, предполагающий включение в общую систему сообщества на правах полноправного членства ранее исключённых индивидов.

Проще говоря, инклюзивность – свойство общества, в котором гарантируется участие всех членов, независимо от их особенностей. В контексте культуры инклюзия означает не благотворительность, а создание условий для самореализации каждому. Как подчёркивают специалисты, инклюзия – это не разовое уступающее мероприятие, а «работающий социальный лифт», позволяющий людям с ограниченными возможностями проявить свой потенциал и получить признание труда.

Параллельно развивается понятие социального театра. Социальным называют театр, который ставит своей задачей привлечение внимания к актуальным «болезненным» проблемам общества с помощью выразительных средств сцены.

Возникнув во второй половине XX века, этот вид театральной деятельности за несколько десятилетий получил распространение в Европе, странах Запада и других регионах мира.

Театроведы относят его к разряду театров социальных изменений – относительно новому культурному явлению, где искусство служит проводником социальных идей.

В социальном театре зачастую участвуют непрофессиональные актёры из числа целевых групп, а сюжетами постановок становятся реальные истории, затрагивающие социальные конфликты, неравенство, стигматизацию. Важной чертой является диалог со зрителями: такие спектакли нередко сопровождаются обсуждениями, превращая театр в форму общественного форума . Благодаря прямому взаимодействию участников и аудитории социальный театр рассматривается как специфический способ коллективного осмысления социальной действительности.

Исследователи отмечают многофункциональность этого феномена: социальный театр используется для психологической помощи в переживании травм, профилактики социальных конфликтов, продвижения социальных инноваций, распространения результатов исследований и других целей.

В рамках социального театра особое место занимает инклюзивный театр – практика создания спектаклей с участием людей с инвалидностью (и/или других ограниченных групп) наравне с обычными актёрами. Инклюзивный театр прямо воплощает идею социальной интеграции через творчество. Дается следующее определение: театр с участием людей с инвалидностью – инклюзивный театр – нацелен на их социальную интеграцию. Здесь художественный процесс совмещён с реабилитацион-

но-образовательным: люди с особыми потребностями получают возможность раскрыть способности в творческой деятельности, выйти из изоляции, вступить в новые социальные роли. Теоретической основой инклюзивного театра служат положения психологии и педагогики искусства. Так, в культурно-исторической концепции (Л.С. Выготский) выдвинута идея, что физический недостаток порождает социальное «иное» поведение, преодоление которого возможно в условиях специально организованного социального взаимодействия. О.В. Рубцова и А.В. Сидоров [1] рассматривают «особый театр» как эффективную форму такого взаимодействия, где моделируются жизненные коллизии, а совместное творческое переживание и рефлексия становятся механизмами социальной интеграции.

Практики инклюзивного театра многообразны по формату. Исследователи выделяют в России несколько типов инклюзивных театров: профессиональные – при государственных или частных театрах, где на сцене совместно играют актёры-профессионалы и актёры с инвалидностью; любительские студии при реабилитационных центрах или НКО, где занятия театром используются главным образом в терапевтических и образовательных целях; а также социально-художественные проекты, часто временные лаборатории или фестивальные постановки, привлекающие внимание общества к проблемам людей с особыми потребностями.

Независимо от типа, все они строятся на принципах сотрудничества и участия, предполагают гибкость режиссёрских и педагогических методов. В процессе репетиций создаётся особая атмосфера доверия и поддержки, где каждое достижение участника имеет значение. Инклюзивный театр практикует адаптацию классического репертуара под возможности актёров (например, упрощение пластической партитуры для актёров с ДЦП, использование сурдоперевода и тифлокомментариев, замена сложных декораций более доступными формами и т.д.). Одновременно разрабатываются новые выразительные приёмы – от пластических этюдов, учитывающих особую психофизику актёров, до внедрения импровизации как средства раскрепощения. Например, отмечается эффективность методов театральной педагогики в работе с детьми-аутистами – специальные игровые упражнения и драматизация помогают таким детям в развитии коммуникации и эмоциональной сферы [2, 118].

Важно подчеркнуть, что инклюзивный театр стремится к равноправию участников. Речь идёт не об имитации участия, а о реальном актёрском труде и сотворчестве. Например, в одном из манифестов отмечено, что подобный «нужный театр» должен вносить вклад в переустройство общества, избегая поверхностной благотворительности. На практике это означает, что актёры с инвалидностью рассматриваются как носители особого художественного опыта, а не просто как объекты опеки. Такой подход меняет и этику, и эстетику взаимодействия на сцене. В итоге зритель получает не «спектакль жалости», а полноценный художественный продукт, рожденный совместными усилиями разных людей.

В России инклюзивный театр начал активно развиваться в 2010-е годы, хотя отдельные инициативы существовали и ранее. Знаковым событием стало вручение в 2014 году главной национальной театральной премии «Золотая Маска» спектаклю «Отдалённая близость», в котором наряду с профессиональными актёрами играли актёры с ментальными

особенностями. Этот прецедент фактически легитимировал инклюзивный театр в профессиональном сообществе, продемонстрировав его художественную состоятельность. Вслед за этим появились новые проекты. В 2016 году фонд поддержки слепоглухих «Со-единение» совместно с ведущими театральными школами (ГИТИС, Школа-студия МХАТ, Щукинское училище) запустил Инклюзивную театральную школу-лабораторию, в рамках которой смешанные труппы (студенты, профессиональные актёры и люди с инвалидностью) подготовили эскизы спектаклей. Эти эскизы позже были доработаны до полноценных постановок: например, в МХАТовской мастерской под руководством Дмитрия Брусникина была создана инклюзивная версия чеховской «Чайки», показанная на фестивале «Мелиховская весна». Куратор проекта Д. Брусникин отмечал, что включение особых актёров обогащает театральный процесс: это попытка рассмотреть «достоинства этих людей, а не их недостатки», понять их уникальные способности и показать их зрителю.

Такой принцип – фокус на талантах, а не ограничениях – лег в основу многих последующих инициатив. Сегодня в различных городах России действуют инклюзивные студии и театры: например, московский театр «Простодушные», интегрированный театр-студия «Круг II» и др., где вместе на сцене выступают актёры с ограниченными возможностями (синдром Дауна, нарушения слуха, ДЦП и т.д.) и без таковых. В 2019 году, объявленном Годом театра, в стране прошёл ряд инклюзивных фестивалей и лабораторий, что свидетельствует о повышении интереса общества и государства к этой теме. На форуме социального театра «Особый взгляд», по сообщению организаторов, ежегодно растёт число участников и расширяется география инклюзивных проектов.

Международный опыт инклюзивного театра насчитывает уже несколько десятилетий и богат разнообразными моделями. Ещё в 1960-е годы были сделаны первые попытки интегрировать в сценическое действие людей с ограниченными возможностями. В качестве одного из пионеров часто упоминают лондонский Chickenshed – инклюзивный детско-молодёжный театр, основанный в 1974 году, который стал одной из ведущих европейских инклюзивных трупп.

За рубежом сформировались как специализированные театры (например, театры глухих – Московский театр мимики и жеста, 1962; Национальный театр глухих в США, 1967 и др.), так и интегрированные театральные компании, куда изначально закладывался принцип совместной работы разных людей. В Великобритании, помимо Chickenshed, известны труппа Graeae (театр людей с физическими ограничениями, основан в 1981 г.), группа Mind the Gap (одно из крупнейших объединений актёров с интеллектуальными нарушениями) и многие другие. В Германии, Франции, Австралии и других странах также действуют профессиональные коллективы, где часть или даже большинство артистов – с инвалидностью. Например, греческая труппа «En Dynamei» ставит спектакли с актёрами с синдромом Дауна, демонстрируя потенциал театра в социальной интеграции и дестигматизации людей с интеллектуальными нарушениями.

Инклюзивный социальный театр оказывает комплексное воздействие на различные уровни социокультурной жизни – от личностного развития участников до изменения общественного дискурса о «инаковости». Рассмо-

трение этой роли важно, поскольку позволяет оценить, насколько глубоки и устойчивы изменения, инициируемые подобными практиками.

Во-первых, на индивидуальном уровне участие в инклюзивном творчестве трансформирует самих актёров (и во многом – педагогов и волонтёров, работающих с ними). Для людей с ограниченными возможностями это часто шанс раскрыть новые стороны личности, приобрести уверенность. Социальные исследователи фиксируют, что инклюзивный театр способствует смене самоощущения особых участников: приходит чувство собственной значимости, повышается самооценка, формируется более позитивная идентичность вместо стигматизированной.

Э.Д. Гофман ещё в 1960-х указывал, что стигма деформирует идентичность человека, но расширение социальных ролей (например, роль актёра на профессиональной сцене) позволяет частично нормализовать восприятие себя обществом и самим индивидом.

Через творческое самовыражение человек с инвалидностью начинает выступать в глазах окружающих прежде всего как Артист, носитель таланта, а не как «больной» или «проблемный». Например, многие родители отмечают, что после участия в спектаклях их дети с особыми потребностями становятся более коммуникабельными, ответственными, у них появляются новые друзья среди коллег по сцене и зрителей. Всё это расширяет социальный капитал ранее изолированного человека – сети связей, доверия, возможностей.

С другой стороны, инклюзивный театр часто меняет и самих профессионалов: режиссёров, педагогов, партнёров-актёров. У них развиваются навыки эмпатии, терпение, умение находить нестандартные решения, переосмысливается взгляд на природу творчества. Многие отмечают, что участие в таких проектах является сильным профессиональным и духовным опытом, расширяющим границы театра.

Во-вторых, на групповом и коммунитарном уровне инклюзивный театр укрепляет социальные связи и трансформирует малые сообщества. Театральная труппа – модель микросоциума, и в инклюзивном её варианте выстраивается новая этика взаимоотношений. Здесь приняты ценности поддержки, равенства, уважения к инаковости. Исследование практик инклюзивного театра в России выявило важность поддержки коллектива для достижения инклюзивных эффектов.

В инклюзивной студии все участники – «свои», чувство локтя помогает преодолевать барьеры. Такая группа часто становится для особого человека второй семьёй. Одновременно происходит воспитание и самого коллектива зрителей. Люди, посещающие инклюзивные спектакли, невольно включаются в пространство толерантности. Зрители учатся не смотреть сквозь призму жалости или неловкости, а воспринимать игру особых актёров через призму художественных образов. В идеале исчезает разделение на «нас» и «их»: все переживают одни и те же эмоции от увиденного на сцене. Кроме того, инклюзивные проекты активизируют местные сообщества – вокруг театральных студий формируются волонтёрские группы, ассоциации родителей, создаются дискуссионные площадки. К примеру, семейный инклюзив-театр «И» в Беларуси стал центром консолидации вокруг себя разных организаций и СМИ для актуализации проблем инвалидности [3, 20].

В-третьих, на социокультурном (макро) уровне инклюзивный театр вписы-

вается в широкие процессы изменения общественных норм и представлений. Его влияние сказывается как на культуре в целом, так и на социальных отношениях. С культурной точки зрения, инклюзивный театр расширяет понятие normativity на сцене: он доказывает, что эстетическая ценность спектакля не зависит от физических параметров актёров [4]. Художественный язык обогащается – режиссёры ищут новые формы, эстетика «особого театра» становится частью современного искусства.

Многие театральные критики уже признают инклюзивные постановки полноправной частью театрального процесса, они участвуют в фестивалях, получают премии. Это ломает стереотип, что творчество людей с инвалидностью – якобы «низкое качество» или исключительно терапия. Более того, в самом профессиональном театральном сообществе происходит переосмысление: появляются программы обучения режиссёров и педагогов для работы в инклюзивных проектах, крупные театры задумываются о доступности своих сцен и репертуара (появляются сурдоперевод спектаклей, адаптации для особой аудитории и пр.) [5]. Со стороны общества в целом инклюзивный театр повышает видимость ранее невидимой группы. Актёры с инвалидностью выходят в публичное пространство – на афиши, в СМИ, на культурные события – и тем самым меняют массовое сознание. Когда зритель видит на сцене человека с ДЦП в роли, скажем, Шекспировского героя, это разрушает предубеждения [6]. Люди начинают воспринимать инвалидность без излишнего драматизма, как одну из граней человеческого существования. Происходит дестигматизация – снижение отрицательных ярлыков в отношении инвалидности.

Список литературы

1. Рубцова О.В., Сидоров А.В. «Особый театр» как средство социальной инклюзии: зарубежный и отечественный опыт // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 1. С. 68-80.
2. Галяветдинова М.М. Оценка эффективности приёмов и методов театральной педагогики в работе с детьми-аутистами // Научное мнение. 2019. № 7/8. С. 112-120.
3. Сидорская И.В. Взаимодействие организаций и масс-медиа в актуализации социальных проблем (на примере семейного инклюзив-театра «И») // Вестн. Белорус. гос. ун-та. Журналистика. Педагогика. 2018. № 2. С. 14-25.
4. Теория и практика «особого театра» / А.Б. Афонин, Е.А. Осипова, Е.И. Аксенова, Е.А. Дроздова. – М.: Городец, 2022. 176 с.
5. Губина Н.В., Тагильцева Е.П., Ивонина Я.А. Аксиологический подход в практике инклюзивного театра // Учёные записки Алтайской гос. академии культуры и искусств. 2021. № 2. С. 79-84.
6. Еваева А.Э. Социальный театр как психолого-педагогический феномен театральной культуры XX–XXI столетий // Вестник Кемеровского гос. института культуры. 2018. № 44. С. 143-149.

References

1. Rubtsova O.V., Sidorov A.V. “Special Theater” as a means of social inclusion: foreign and domestic experience // Cultural and historical psychology. 2017. Vol. 13. № 1. P. 68-80.
2. Galyavetdinova M.M. Evaluation of the effectiveness of techniques and methods of theater pedagogy in working with autistic children // Scientific opinion. 2019. № 7/8. P. 112-120.
3. Sidorskaya I.V. Interaction of organizations and mass media in actualizing social problems (on the example of the family inclusive theater “I”) // Bulletin of the Belarusian state University. Journalism. Pedagogy. 2018. № 2. P. 14-25.
4. Theory and practice of the “special theater” / A.B. Afonin, E.A. Osipova, E.I. Aksenova, E.A. Drozdova. – M.: Gorodets, 2022. 176 p.
5. Gubina N.V., Tagiltseva E.P., Ivonina Ya.A. Axiological approach in the practice of inclusive theater // Scientific notes of the Altai State Academy of Culture and Arts. 2021. № 2. P. 79-84.
6. Evaeva A.E. Social theater as a psychological and pedagogical phenomenon of theatrical culture of the 20th-21st centuries // Bulletin of the Kemerovo State Institute of Culture. 2018. № 44. P. 143-149.

Смеричевский Э.Ф.

Кандидат философских наук. ФГБОУ ВО «Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Коржова Д.А.

Преподаватель. Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказский федеральный университет.

Надпрофессиональные навыки и компетенции профессий будущего на современном рынке труда*

Аннотация. В настоящей работе обозначены проблемы, перспективы, динамика рынка труда для молодёжи в регионе. Отмечены местные различия, факторы, повлиявшие на их формирование. Анализируются определенные тренды изменения характера современных профессий. Определено, что появление профессий будущего, а также систем надпрофессиональных навыков, необходимых для современных профессий. Выявлены проблемы моделирования профессий будущего, а также определены перспективы изменения спроса на профессии и навыки.

Ключевые слова: социальное развитие, молодежь, социальные страты, профессии будущего, надпрофессиональные навыки, многомодальность.

Smerichevskiy E.F.

Candidate of Philosophical Sciences. Donetsk State Medical University named after M. Gorky of the Ministry of Health of the Russian Federation.

Korzhova D.A.

Lecturer. Pyatigorsk Institute (branch) of the North Caucasus Federal University.

Transprofessional skills and competencies of the professions of the future in the modern labor market

Abstract. This paper outlines the problems, prospects, and dynamics of the youth labor market in the region. Local differences and the factors that influenced their formation are noted. The article analyzes certain trends in the changing nature of modern professions. It is determined that the emergence of professions of the future, as well as systems of supra-professional skills necessary for modern professions. The problems of modeling professions of the future have been identified, as well as the prospects for changing demand for professions and skills.

Key words: social development, youth, social strata, professions of the future, supra-professional skills, multimodality.

Россия, как государство стремится заниматься вопросам молодежной политики, потому как видит в этом направлении значительный потенциал.

* © Смеричевский Э.Ф., Коржова Д.А., 2025.

Надпрофессиональные навыки и компетенции профессий будущего на современном рынке труда

Работа с молодежью обеспечит эффективное функционирование государства в будущем, а также самих россиян, как нации. Для современного общества важно, чтобы молодое поколение развивалось не только физически, но и в социальном плане. Задачу социального развития можно выполнить, через профессиональную трудовую деятельность. Сам по себе процесс социального воспитания подразумевает совершенствование человека в сфере образования, культуры, непосредственно осуществление трудовой деятельности. Молодое поколение страны должно быть во все сферы жизни гражданского общества. [3].

Основы государственной молодежной политики до 2025 года определены Распоряжением Правительства РФ 29.11.2014 г. (№ 2403-р), которое регулирует молодежную политику в Российской Федерации [10]. Возрастная категория молодежь означает, что человек находится в биологическом возрасте от 14 до 35 лет. Механизмы взаимодействия государства и молодежи нашли свое отражение в положениях нормативно-правовой базы Российской Федерации. Важно определить, кто должен быть отнесен к категории «молодежь». «Это, безусловно, группа граждан, которую определяют биологические признаки, в первую очередь возраст. Однако даже такие вещи необходимо закрепить в соответствующих актах» [7].

Часто профессиональная сфера деятельности человека видоизменяется под воздействием такого процесса, как технологический процесс. Указанную тенденцию в свое время отметил Э. Тоффлер [17]. Начиная с 2010 года, АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» (АСИ) провидит работу систематического характера по составлению атласов с перечнями новых профессий. Составление непосредственно атласа происходит с использованием «Skills Technology Foresight» а также через отслеживание тенденций происходящих на различных рынках труда в масштабах всего мира [1; 2]. На данный момент времени человечество, как вид двигает свою трудовую деятельность по пути интеллектуализации. Простые производства автоматизируют с целью затраты на производство необходимого количества товара меньшего количества ресурса [15].

Современная трудовая деятельность часто предполагает управление какими-либо процессами или же объектами. Для профессиональной деятельности важно соблюдать принцип разнообразия по мнению У. Росс Эшби. Указанный принцип утверждает, что чем выше показатель разнообразия в объекте, что находится под управлением, тем большим разнообразием должен обладать механизм, используемый для его управления. К выводам подобного характера пришел и К. Шеннон канал принимающий сигнал должен соответствовать своим разнообразием сигналу по нему идущему.

Педагогика необходима молодому поколению, как наука для того, чтобы процесс их обучения проходил максимально эффективно. Важно отметить тенденцию в современной педагогике, что сейчас стали использовать большое количество различных игровых форм обучения [14]. Проходя через процесс обучения личность человека обретает свою целостность.

Информация о профессиях представляет интерес для научного сообщества, для проработки различных исследований теоретического характера, а также для бизнес сообщества, чтобы

понимать в какую сторону развивать бизнес для получения максимальной прибыли. Для указанных категорий важно на постоянной основе понимать, каким образом будет изменяться структура рынка труда. Исследования научного характера в этой области проводились организациями, что осуществляют свою деятельность на международном уровне: BCG, WorldSkills, PwS, Всемирный экономический форум и ряд других организаций. В Российском секторе работу подобного характера проводят: Росстат, Работа.ру., Высшая школа экономики РФ, и ряд других организаций.

1. Массовое появление новых профессий. Сфера экономики любой страны мира находится в процессе постоянной эволюции. Указанный процесс оказывает свое влияние на перечень профессий. Подростки для того, чтобы быть востребованными на рынке труда должны мыслить на перспективу и планировать, какие профессии будут актуальны через 5-10 лет, а не прямо сейчас, потому как они должны пройти профессиональное обучение, а это достаточно длительный срок. Рынок труда на постоянной основе требователен к определенному перечню профессиональных навыков.

Сотрудник должен обладать тем перечнем профессиональных качеств, что более всего востребован на рынке труда в данный момент времени. За временной отрезок в 10 лет могут появиться те профессии, которых ранее не существовало. Для понимания ситуации, необходимо полагаться на заключения экспертов, а они в свою очередь приходят к выводам через механизм анализа данных.

Так, в исследовании WEF (Всемирного экономического форума) под названием «Jobs of Tomorrow: Mapping Opportunity in the New Economy», перечень профессий был представлен в следующих кластерах: экономика, работа с базами данных и искусственный интеллект, инженерия и вычисления облачных данных, зеленая экономика и энергетика, разработка цифровых продуктов, создание цифрового контента, маркетинг [16].

Среди перечня профессий представленного НИУ ВШЭ представлены, как профессии инновационного типа, так и те, что входят в «классический золотой» перечень профессий. В случае с инновационными профессиям пик их спроса конкретно в РФ наступит через 10 лет. Учебные предметы, что необходимы для освоения новых профессий: прикладная математика, дисциплины научной направленности, гуманитарный цикл наук, информатика, вступление в менеджмент, бизнес и финансы [12].

Профессии, включенные в список LinkedIn, продемонстрировали наиболее высокий рост по числу вакансий на временном промежутке в 5 лет. Непосредственно в перечне нашли отражение следующие профессии: инженер робототехник, инженер эксплуатации оборудования, эксперт по работе с цифровыми данными [13].

Исходя из изложенного выше можно прийти к следующим выводам: профессии будущего в значительной мере связаны с технологическим развитием человека. Развитие происходит за счет автоматизации производственного цикла, информационные технологии, искусственный интеллект.

2. В плане профессионального развития существует концепция человекацентризма, как профессионала. Некоторые профессии сотрудники выбирают на всю жизнь потомку, как обучение определенным профессиям происходит очень долго, а потому переучится и

набрать достаточного количества практического опыта просто невозможно. Важно понимать, что трудовые ресурсы не равномерно, и это необходимо учитывать в процессе экономического развития. Для сотрудников начиная с двадцатого столетия значительную важность имеет механизм профессиональной социализации.

Обеспечить развитие профессиональных отношений в сообществе людей возможно только за чет кардинального изменения взаимоотношений между работодателем и сотрудником. В современных реалиях сотруднику необходимо предоставлять свободу относительно процесса профессионального обучения. На работника в свою очередь возлагается ответственность по выполнению профессиональных обязанностей.

Формирование сотрудника-профессионала начинается со школьной скамьи. Сфера образования по факту выступает посредником между сотрудником и работодателем. Фактически сфера образования осуществляет начальную подготовку трудовых ресурсов. Современное образование имеет возможность проводить обучение персонально специалиста под выполнение определенных задач. На современном этапе государство должно учитывать персональные предпочтения своих собственных граждан. Государство со своей стороны должно предоставить гражданину возможность трудоустройства [6].

Для современного профессионала – важно обеспечить приобретение семи навыков: приобретение профессиональных навыков, постоянная профессиональная мотивация сотрудников, свободное перемещение по структуре рынка труда, мобильность, уважение принципа инклюзивности. Исследователи из BCG считают для работы с трудовыми ресурсами ключевую важность имеют 3 основных параметра: «Способности», «Мотивация» и «Возможности». С соблюдением принципов сформированы 8 кластеров. На сегодня Россия находится в кластере – «экспортер талантов». Если брать мировые тенденции в сфере образования, то в РФ сильно школьное образование, а также образование в системе ВУЗов. При этом рынок труда в стране работает не эффективно. Не эффективность рынка труда объясняется низким уровнем мотивации сотрудников, непосредственно выполняющих обязанности, в стране недостаточно возможностей для профессионального развития сотрудника [5].

3. Востребованность «нового типа» работников. На рынка труда наблюдается тенденция недостатка работников нового типа. Новый сотрудник должен обладать высоким уровнем навыков креатива, навыками коммуникативного характера, значительными навыками креатива [8]. Сейчас многие направления трудовой деятельности предполагают наличие навыков творческого характера. В том случае, если для выполнения задач у сотрудника не достаточный уровень профессиональных компетенций он может решить возникшую проблему за счет внешнего обучения. Для выполнения некоторых задач важно обладать профильными навыками на высоком уровне [9].

Сфера образования должна развивать коммуникативные навыки человека, а также навыки социального характера, а также отработку поведенческих навыков. Технологическое развитие, а именно автоматизация производственных циклов в значительной степени изменят перечень профессий. На сегодня автоматизируются те профессии, что

отличаются высокой степенью монотонности. В некоторых случаях современные технологии органично дополняют функционал специалиста. При этом люди все еще находятся на руководящих должностях и должны осуществлять управление внутри структуры организации. Еще одно качество современного сотрудника, которое хотелось бы отметить – это креативность [4]. На основе анализа проведенных исследований, необходимо спрогнозировать именно те навыки и компетенции, которые наиболее вероятно будут решающими для выбора профессии будущего на современном рынке труда (таблица 1).

Современный мир подвержен явлению глобализации, а значит факторы глобального уровня могут оказывать влияние на все процессы в рамках всех сфер. Для всего населения земли сейчас важно получить навык цифровой грамотности, также не менее важно иметь аналитические способности для того, чтобы проводить анализ окружающей обстановке, высокий уровень коммуникативных навыков, умение работать в команде. Бизнес среда в таких обстоятельствах может претерпеть значительные изменения. Профессионалы высокого уровня всегда должны находиться на острие процесса трансформации [11].

В итоге исследования необходимо отметить, что в качестве направлений, что обладают значительными перспективами можно отметить следующие: практическое использование положений концепций где человеку отводится центральное место, обеспечить условия для качественного профессионального роста сотрудников, формирование сотрудников нового поколения, практическое внедрение технологии искусственного интеллекта, изменение концепций ведения бизнеса и как следствие этого изменение бизнес среды.

В современном мире работодатель ценит практические навыки специалиста при этом не имеет значения, каким образом он их получил. Изменение структуры неизменно проходит под знаком того, что в трудовой профессиональной среде изменился перечень навыков, что необходим для ведения про-

Таблица 1. Основные навыки и компетенции профессий будущего на современном рынке труда.

Ранг	**2025** год	**2030** год
1	Решение поставленных проблем	Решение поставленных проблем
2	Взаимодействие с другими	Навыки работы с цифровыми технологиями
3	Креативность и лидерство	Аналитическое мышление
4	Критическое мышление	Оптимальное принятие решения
5	Взаимодействие с людьми	Эмоциональный интеллект
6	Эмоциональный интеллект	Самосовершенствование
7	Принятие быстрых и верных решений	Креативность в профессиональной деятельности
8	Ориентация на потребителя	Активное взаимодействие с людьми
9	Активный слушатель	Ведение конструктивных переговоров
10	Гибкость мышления	Управление вниманием бизнес-партнеров

фессиональной трудовой деятельности. Сейчас все большую популярность набирают междисциплинарные навыки. Это такие навыки, что находятся на стыке двух дисциплин.

На перечень профессий в значительной мере влияют внедрение инноваций, а также процесс технического прогресса. Изменение перечня профессий диктует необходимость внедрять изменения в сферу образования, как на школьном уровне, так и на уровне ВУЗов. Эффективное образование увеличивает шанс для специалиста успешно устроиться на работу.

Список литературы

1. Атлас новых профессий / сост. П. Лукша, К. Лукша, Д. Песков, Д. Ко-ричин. – М.: АСИ, Московская школа управления «Сколково», 2014. 164 с.
2. Атлас новых профессий 3.0. / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. – М.: Интеллектуальная Литература, 2020. 456 с.
3. Батчаев А.Д. Приоритетные направления государственной молодежной политики России // Мировая наука. 2023. № 1 (70). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prioritetnye-napravleniya-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki-rossii (дата обращения: 18.02.2025).
4. Будущее рынка труда. Противоборство тенденций, которые будут формировать рабочую среду в 2030 году // URL: https://www.pwc.ru/ru/publications/workforce-of-the-future-rus.pdf (Дата обращения: 16.03.2025).
5. Бутенко В., Полунин К., Степаненко А. и др. Массовая уникальность — глобальный вызов в борьбе за таланты // BCG. 2019. 27 сент. // URL: https://web-assets.bcg.com/f9/24/5f3a82564d6fa0d27a6d767ae0f6/rus-bcg-mas-uniq-tcm27-228998.pdf (Дата обращения: 25.02.2025).
6. Забелина О.В. Трансформация востребованности навыков и профессий в условиях цифровизации российской экономики / О.В. Забелина, А.В. Майорова, Е.А. Матвеева // Экономика труда. 2020. Т. 7. № 7. С. 589-608.
7. Коржова Д.А. Институциональные особенности регулирования социального развития российской молодежи на региональных рынках труда // Миссия Конфессий. 2024. Том 13. Часть 2. № 75. С. 210-215.
8. Лихолетов В.В., Львов Л.В., Годлевская Е.В. О профессиях будущего, надпрофессиональных навыках и проблемах моделирования в сфере профессионального образования // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2020. Т. 12. № 2. С. 91-101.
9. Проект «Парк профессий: из прошлого в будущее» / Н.В. Зубкова, А.Б. Чернова, С.В. Саутнер [и др.]. – Текст: непосредственный // Образование и воспитание. 2023. № 4 (45). С. 49-55.
10. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/5416a7ecef3afe3ff052deb74264bbf282e889ef/?ysclid=ls6cdk9n6z767140780 (Дата обращения: 18.02.2025).
11. Технология формирования надпрофессиональных компетенций студентов в условиях неопределенности будущего мира профессий: монография / А.В. Пеша, М.Н. Шавровская, М.А. Николаева [и др.]; под общ. ред. А. В. Пеша ; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Уральский гос. экономический ун-т. – Казань: Бук, 2022. 240 с.
12. 25 профессий будущего, к которым готовит НИУ ВШЭ / НИУ ВШЭ. – Электрон. текстовые дан. // URL: https://www.hse.ru/25professions (Дата обращения: 16.03.2025).
13. Akhtar A. 15 jobs no one knew about in 2010 that everyone will want in 2020 [Электронный ресурс] / A. Akhtar. - Электрон. текстовые дан. – Нью Йорк: Business Insider, 2020. // URL: https://www.businessinsider.com/linkedin-emerging-jobs-in-high-demand-in-2020-2019-12 (Дата обращения: 16.03.2025).
14. Ashby W.R. Introduction to Cybernetics. - Chapman & Hall, 1956. 295 p.
15. David H. Autor and David Dorn. The Growth of Low-Skill Service Jobs and the Polarization of the US Labor Market // American Economic Review. 2013. № 103 (5). P. 1553-1597.
16. Jobs of Tomorrow. Mapping Opportunity in the New Economy / World Economic Forum. – Электрон. текстовые дан. – Женева: [б.и.], 2020. // URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Jobs_of_Tomorrow_2020.pdf (Дата обращения: 16.03.2025).
17. Toffler Alvin. Future Shock. – Random House, 1970. 505 p.

References

1. Atlas of new professions / compiled by P. Luksha, K. Luksha, D. Peskov, D. Korichin. - M.: ASI, Moscow School of Management “Skolkovo”, 2014. 164 p.
2. Atlas of new professions 3.0. / edited by D. Varlamova, D. Sudakov. – M.: Intellectual Literature, 2020. 456 p.
3. Batchaev A.D. Priority areas of the state youth policy of Russia // World science. 2023. № 1 (70). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prioritetnye-napravleniya-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki-rossii (18.02.2025).
4. The Future of the Labor Market. The Confrontation of Trends That Will Shape the Work Environment in 2030 // URL: https://www.pwc.ru/ru/publications/workforce-of-the-future-rus.pdf (Accessed: 16.03.2025).
5. Butenko V., Polunin K., Stepanenko A. et al. Mass Uniqueness — a Global Challenge in the Struggle for Talent // BCG. 2019. September 27. // URL: https://web-assets.bcg.com/f9/24/5f3a82564d6fa0d27a6d767ae0f6/rus-bcg-mas-uniq-tcm27-228998.pdf (25.02.2025).
6. Zabelina O.V. Transformation of the demand for skills and professions in the context of digitalization of the Russian economy / O.V. Zabelina, A.V. Mayorova, E.A. Matveeva // Labor Economics. 2020. Vol. 7. № 7. P. 589-608.
7. Korzhova D.A. Institutional features of regulating the social development of Russian youth in regional labor

markets // Mission of Confessions. 2024. Vol. 13. Part 2. № 75. P. 210-215.
8. Likholetov V.V., Lvov L.V., Godlevskaya E.V. On the professions of the future, cross-professional skills and problems of modeling in the field of vocational education // Modern higher education: innovative aspect. 2020. Vol. 12. № 2. P. 91-101.
9. Project "Professions Park: from the Past to the Future" / N.V. Zubkova, A.B. Chernova, S.V. Sautner [et al.]. - Text: direct // Education and upbringing. 2023. № 4 (45). P. 49-55.
10. Order of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014 N 2403-r "On approval of the Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the period up to 2025" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/5416a7ecef3afe3ff052deb74264bbf282e889ef/?ysclid=ls6cdk9n6z767140780 (February 18, 2025).
11. Technology of Formation of Students' Transprofessional Competencies in the Context of the Uncertainty of the Future World of Professions: monograph / A.V. Pesha, M.N. Shavrovskaya, M.A. Nikolaeva [et al.]; under the general editorship of A.V. Pesha; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural State University of Economics. - Kazan: Buk, 2022. 240 p.
12. 25 Professions of the Future That the Higher School of Economics Prepares for / HSE University. - Electronic text data // URL: https://www.hse.ru/25professions (16.03.2025).
13. Akhtar A. 15 Jobs No One Knew About in 2010 That Everyone Will Want in 2020 [Electronic resource] / A. Akhtar. - Electronic. text data. – New York: Business Insider, 2020. // URL: https://www.businessinsider.com/linkedin-emerging-jobs-in-high-demand-in-2020-2019-12 (16.03.2025).
14. Ashby W.R. Introduction to Cybernetics. - Chapman & Hall, 1956. 295 p.
15. David H. Autor and David Dorn. The Growth of Low-Skill Service Jobs and the Polarization of the US Labor Market // American Economic Review. 2013. № 103 (5). P. 1553-1597.
16. Jobs of Tomorrow. Mapping Opportunity in the New Economy / World Economic Forum. – Electronic. text data. – Geneva: [b.i.], 2020. // URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Jobs_of_Tomorrow_2020.pdf (16.03.2025).
17. Toffler Alvin. Future Shock. – Random House, 1970. 505 p.

Степнова Л.А.

Доктор психологических наук, профессор. Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. ORCID: 0000-0002-2649-0349

Афганьяр М.

Аспирант. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. ORCID ID: 009-0001-0573-9563

Образовательная миграция среди мусульманских женщин Афганистана: политико-социологические аспекты проблемы*

Аннотация. В статье рассматриваются политико-социологические аспекты проблемы неготовности стран с доминирующей исламской традицией к интеграции женщин, получивших образование за границей, в социальную и профессиональную среду своей страны, что будет увеличивать потенциал социального конфликта в обществе и способствовать дальнейшему нарастанию социально-политической напряженности. Выделены основные социально-политические факторы «выталкивания», влияющие на образовательную миграцию женщин Афганистана: повторяющаяся в истории страны политическая нестабильность; связанная с этим утрата исторических традиций мусульманского образования, включающего разносторонне гуманитарного и естественно-научное образование; стигматизация женщин-мусульманок, получивших образование за границей и невозможность их профессиональной и личностной самореализации на родине. Обозначены социально-политические предпосылки конструктивного решения проблемы адаптации в афганистанском обществе мусульманских женщин, получивших образование за рубежом: использование и развитие мирового опыта «исламского феминизма», как фактора модернизации исламского общества; понимание образовательная миграции как инвестиции в экономическое и политическое развитие общества.

Ключевые слова: образовательная миграция, исламский феминизм, образовательная мобильность мусульманок, гендерное неравенство.

Stepnova L.A.

Doctor of Psychology, Associate Professor of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2649-0349

Afganyar M.

Graduate student of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. ORCID ID: 009-0001-0573-9563

Educational migration among Muslim women in Afghanistan: political and sociological aspects of the problem

* © Степнова Л.А., Афганьяр М., 2025.

Образовательная миграция среди мусульманских женщин Афганистана: политико-социологические аспекты проблемы

Abstract. The article examines the political and sociological aspects of the problem of the unwillingness of countries with a dominant Islamic tradition to integrate women who have received education abroad into the social and professional environment of their country, which will increase the potential for social conflict in society and contribute to a further increase in socio-political tension. The main socio-political factors of "displacement" affecting the educational migration of Afghan women are highlighted: political instability, which is recurring in the country's history.; the related loss of the historical traditions of Muslim education, which includes a diverse humanitarian and natural science education; the stigmatization of Muslim women who received education abroad and the impossibility of their professional and personal self-realization in their homeland. The socio-political prerequisites for a constructive solution to the problem of adaptation in Afghan society of Muslim women educated abroad are outlined: the use and development of the world experience of "Islamic feminism" as a factor in the modernization of Islamic society; understanding educational migration as an investment in the economic and political development of society.

Key words: educational migration, Islamic feminism, educational mobility of Muslim women, gender inequality.

Постановка проблемы

Анализ проблемы образовательной миграции среди мусульманских женщин является весьма актуальной. Целостный анализ данной проблемы представлен в статье Ульмясбаевой А.О. Она отмечает, что «в последние годы наблюдается значительный рост числа женщин среди международных студентов, который, с одной стороны, связан с качественными социокультурными и демографическими изменениями в глобальном контексте. С другой этому способствуют изменения в социально-экономических ролях женщин в обществе. Эмансипация и новые социальные функции формируют обновленную статусно-ролевую модель жизни мусульманских женщин, делая их более активными, мобильными и свободными. Доля женщин в образовательной миграции увеличилась на 20% с 2014 по 2021 года[1]. Основными странами, принимающими мигрантов для получения образования, стали США, Великобритания, Германия и Франция. Например, в 2022 году более 50000 женщин из стран Ближнего Востока и Северной Африки поступили в европейские университеты»[2].

Несмотря на широкий спектр обсуждаемых проблем: «методологические проблемы исследования социального процесса, факторы и последствия образовательной миграции среди мусульманских женщин, ключевые проблемы с которыми сталкиваются мусульманские женщины, получающие образование за границей»[3], политико-социологические аспекты данной проблемы пока не получили должного изучения. Между тем, «современные социологи отмечают, что растущая феминизация образовательной миграции среди мусульманских стран приводит к ослаблению и трансформации религиозных норм, а глобальные процессы создают как возможности, так и вызовы»[4].

Основной проблемой, которая, на наш взгляд, должна получить более

1 Аналитическая записка: Высшее образование в Центральной Азии // UNESCO // URL: https://unesdoc. unesco.org/ark:/48223/pf0000377911rus

2 *Ульмясбаева А.О.* Образовательная миграция женщин из мусульманских стран // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 108. С.186-187. – DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-185-196

3 Там же. С. 186-187.

4 Там же. С. 186-187.

глубокое изучение в политико-социологическом дискурсе, является неготовность стран с доминирующей исламской традицией к интеграции женщин, получивших образование за границей, в социальную и профессиональную среду своей страны. Эксперты отмечают, что «образовательная мобильность мусульманок — рискованный проект, поскольку может привести к культурному разрыву, конфликту между приобретенными знаниями и традиционными ценностями, к чувству изоляции и социальной непринадлежности, тем самым создаст трудности в адаптации[5].

Следствием этого является социальная стигматизация женщин, получивших образование за границей: «мусульманские женщины часто сталкиваются с осуждением со стороны своих сообществ. Это осуждение может проявляться в различных формах: от открытой критики до скрытых предвзятых мнений. В некоторых случаях общество может воспринимать таких женщин как «отступниц» от традиционных ролей, что приводит к негативным последствиям. Чаще всего, когда окружение их не поддерживает в развитии, у женщин появляется чувство одиночества и непонимания. Потеря социальной поддержки от семьи и друзей может значительно ухудшить психологическое состояние и самооценку»[6].

Невозможность эффективной адаптации данной социальной группы в мусульманское общество будет увеличивать потенциал социального конфликта в обществе и способствовать дальнейшему нарастанию социально-политической напряженности.

Между тем, ряд арабских стран (Иран, ОАЭ, Турция) пошли по пути преодоления этой проблемы, предоставив женщинам, получившим образование за границей, возможности профессиональной самореализации и личностного благополучия внутри своей страны. Анализ данного опыта и возможности его использования в Афганистане будут рассмотрены в данной статье.

Таким образом, решение сложной социальной, психологической проблемы образовательной миграции мусульманских женщин может стать одним из значимых инструментов решения сложных политических проблем и стабилизации политической ситуации в целом в мусульманских странах.

Влияние религиозных убеждений на образование

Образовательная миграция среди мусульманских женщин является сложным процессом. Образование является фундаментальным правом человека, закрепленным в различных международных декларациях и конвенции. Например, Всеобщая декларация прав человека подтверждает право на образование без какой-либо дискриминации по признаку пола.

Религиозные убеждения выступают одним из влиятельнейших факторов образовательной миграции. Для некоторых женщин религиозные убеждения могут стать как стимулом, так и барьером для миграции. С одной стороны, религиозные общины за границей мо-

5 *Аляутдинов Ш.* Женщины и Ислам. СПб.: «Издательство «Диля», 2022.Аляутдинов 2022; Ульмясбаева А.О. Образовательная миграция женщин из мусульманских стран // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 108. С. 192. – DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-185-196

6 *Ананичева С.Р.* Стигматизация и ее проявления в современном обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 8. С. 17-20. – DOI: 10.23672/a2017-4282-3217-a

гут поддерживать женщин в их образовательных стремлениях. С другой стороны, страх перед культурной ассимиляцией и потерей религиозной идентичности может сдерживать миграцию.

Противостояние девочкам в образовании не только нарушает их индивидуальные права, но и препятствует общему прогрессу и развитию общества. Доступ к образованию имеет решающее значение для расширения прав, возможностей и улучшения положения женщин и девочек в стране.

Крайне важно подчеркнуть, что исламские учения, найденные в Коране и хадисах, поддерживают и защищают права женщин, включая их право в образовании. Ислам уделяет большое внимание о поиске знаний и получении образования как для мужчин, так и для женщин. Коран подчеркивает важность образования, призывая мусульманам искать знания и размышлять о знаки Бога во Вселенной. Пророк Мухаммад также подчеркивал важность образования и побуждал мужчин, так и женщин в приобретении знаний. В Коране сказано:

Стих- Narrated by Ibn Maja in al-Sunan, [1:81 §224.]

Приобретение знаний является обязательным для всех мусульман (как мужчин, так и женщин без какой-либо дискриминации).

طلب العلم فريضة على جميع المسلمين

Стих- Narrated by Muslim in al-Sahih, [4:2074 §2699.]

Всевышний Аллах облегчает путь в рай тому, кто идет по нему ради получения знаний.

مَنْ سَلَكَ طَرِيقًا يَلْتَمِسُ فِيهِ عِلْمًا سَهَّلَ اللَّهُ لَهُ طَرِيقًا إِلَى الْجَنَّةِ

Педагогика в исламе направленна через практическую реализацию становления личности мусульман, в исламской педагогике существуют такие термины (تربية – тарбия) воспитание, (معرفة – марифат) знание, (ءُاكُذ – заки) интелект, (التفكير – аль тафкир) мышление, (لمَع – амаль) действие..., все эти концепции имеют обширное значение и все народы исповедующий ислам употребляют ими в повседневной жизни. Такие чувства как чувство соучастие к своей нации, обычаям, традициям, любовь к Родине, любовь к Богу и к своему ближнему изначально присваиваются в институте семьи. В мусульманских семьях истинные верующие внедряют в душе ребенка основы ислама и прочность этих традиций никогда не будет терять свою актуальность. Цель познания в исламе состоится в том, чтобы научить добру человека, конечная цель образования заключается в формировании добропорядочной личности, благонравственного человека, обладающего адабом(морали)[7].

Педагогическая система образования в исламе сформировалась еще в средневековье, исламская модель образования прежде всего основывается на Коране и Сунне а также на теоретические усилия давних мусульманских мыслителей. Мусульманские ученные и их мировоззрения основываются на нравственных ценностях (أرقي) что в переводе значит (Познай,Чтиво, Толкуй) – Коран, 96:1. сыграла важную роль в этико-морального учения построения педагогический идей воспитание человека. Образование-это процесс и инструмент становления личности, приобретения знаний, понятия ценности, общее осведомленность об определенных науках а также навыки через систе-

7 *Хабибулина Г.Ю.* “Педагогическая система образования в исламе” Вестник Православного вято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия :4 Педагогика. Психология, 2016. № 3 (42). P. 31-35.

му образовательных институтов (семья, школа...).

Овсянкина М.В., Теленная М.С. отмечают, что «не совсем верно объяснять ухудшение положения женщин в арабском мире религией. На протяжении всей истории ислама женщины имели равные права, подкрепленные стихами из Корана. И только с упадком исламской цивилизации, распространением колониализма и диктатуры права женщин в арабском мире снизились, утверждают рана Дайани и Камаль бани-Хани»[8].

Авторы «исследования «женское образование и тенденции в сфере занятости» считают главной задачей популяризацию положительных примеров женщин-ученых в истории ислама и в современной науке на государственном уровне … социологические данные доказывают необходимость поддержки в социальных сетях, что может увеличить число женщин в науке и медицине. Поэтому сеть наставничества среди женщин-специалистов и ученых не только поможет привлечь новое поколение к науке, но и будет способствовать межкультурным и междисциплинарным исследованиям, объединяющим все сферы знаний и человеческой цивилизации»[9].

Пик изучения науки в Афганистане относится к эпохе Саманидов. В то время в Балхе располагалась крупнейшая библиотека региона, известная как Библиотека Ноубахара Балха. После распространения ислама в Афганистане изучение Корана стало первой причиной, заставившей мусульман читать и учиться. Таким образом, в Медине была открыта первая школа, учителем которой был Мухаммад, Пророк ислама. Второе медресе находилось в Мекке, и за ним следовали Багдад и Сирия, где мусульмане изучали Коран и письменность. Некоторое количество детей и молодых людей из стран, завоеванных арабами, были вывезены в арабские страны, получили там исламское учение и отправлены обратно на родину.

Право на образование в Афганистане и исторические истоки проблемы

В рамках концепции миграции Эверетта С. Ли выделены факторы выталкивания и факторы притяжения мигрантов (Push-Pull Factors). «Как правило факторы выталкивания заставляют студентов покинуть свои родные страны, в то время как фак торы притяжения связаны со стремлением студентов переехать в страну, где они, по их мнению, смогут получить лучшее образование и как следствие лучшие перспективы на будущее (более высокую должность на родине или за рубежом, более высокую заработную плату). Говоря о факторе выталкивания, помимо низкого уровня образования, следует упомянуть и та кие факторы, как неблагоприятная социально-экономическая и/или политическая обстановка в стране исхода, высокий уровень безработицы, угроза безопасности индивида»[10]. Таи-

8 *Овсянкина М.В., Теленная М.С.* Женское образование в арабских странах // Вестник науки. 2019. № 10 (19). С. 16. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskoe-obrazovanie-v-arabskih-stranah

9 История женского образования в Египте в XIX-XXI вв. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 9 (65). С. 87-89. с. 89. Овсянкина М.В., Теленная М.С. Женское образование в арабских странах // Вестник науки. 2019. № 10 (19). С. 17. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskoe-obrazovanie-v-arabskih-stranah

10 *Таишева В.В.* Образовательная миграция в смысловом пространстве политической науки: обзор теоретических подходов // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020. № 3. С. 371. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnaya-migratsiya-v-smyslovom-prostranstve-politicheskoy-nauki-obzor-teoreticheskih-podhodov (Дата обращения: 25.03.2025)

шева В.В. отмечает в своем анализе, что «в настоящее время все большую значимость стали приобретать социальные, культурные, политические факторы миграции, которые также нашли свое отражение в работах, посвященных миграции студентов»[11].

Проведенный анализ позволил выделить основные социально-политические факторы «выталкивания», влияющие на образовательную миграцию женщин Афганистана: повторяющаяся в истории страны политическая нестабильность; связанная с этим утрата исторических традиций мусульманского образования, включающего разносторонне гуманитарного и естественно-научное образование; стигматизация женщин-мусульманок, получивших образование за границей и невозможность их профессиональной и личностной самореализации на родине. Рассмотрим эти факторы более подробно.

Афганистан имеет долгую историю конфликтов и нестабильности, что сильно влияет на образовательные возможности для женщин. С приходом к власти движения «Талибан» в 1990-х годах женщины были практически исключены из системы образования. Хотя после 2001 года произошли значительные улучшения, возвращение «Талибана» в 2021 году вновь поставило под угрозу права женщин на образование. Женщины сталкиваются с жесткими ограничениями на обучение, что побуждает многих искать образовательные возможности за пределами страны.

Состояние образования в Афганистане исторически было очень слабым, но мальчики, которые собирались стать священником, учили персидский язык, а также изучали математику, арифметику и геометрию Эвклида. Детей обучали старым арабским языком, они знали наизусть тексты из Корана, но в основном не понимали их смысла. Британский автор книги “Краткий обзор афганской нации и история Дуранитской Монархии” Эльфинстон Монстюарт указывал что даже пуштунские священники были все образованные, владели персидским языком и произведения персидских авторов и пользовались безграничным почетом особенно в сельских местностях, где они являлись единственными грамотными людьми.

История образования в Афганистане относится ко второму периоду правления Амиршира Али Хана в 1875 г. В этом году Амиршир Али Хан основал в Кабуле полусовременную школу, состоявшую из двух гражданских и военных школ. Некоторые авторы считают действия Амиршира Али по созданию первой современной школы результатом теорий и предложений Сейеда Джамалуддин Афгана. В столице действовала частная школа для эмиров и вождей страны, где дети семей эмиров и придворных эмиров изучали предметы права, управления, политики, религиозных наук и история.

С началом правления Аманулы-хана и в связи с тем, что он уделял особое внимание новым школам и современному образованию, школы получили развитие в Кабуле и провинциях. Одним из наиболее важных шагов, предпринятых на этом пути, стало создание Министерства образования в Афганистане. Сформировав это министерство, правительство смогло лучше контролировать дела школ. Именно в это время 1923 г была принята первая конституция Афганистана. С принятием этого закона образование стало обязательным для всех афганских детей и подростков. В эти же годы была созда-

11 Там же. С. 371.

на ассоциация по составлению и переводу учебников, а также по изучению положения школ и учителей в Кабуле. Менее чем за несколько лет в Кабуле и провинциях были расширены начальные школы для мальчиков и девочек. Большое количество учеников этих школ окончили обучение. Также часть студентов была отправлена на обучение в зарубежные страны, в том числе в Турцию, Германию и Францию[12].

Женское образование в Афганистане на протяжении всей истории переживало ряд взлетов и падений, больше всего в сфере образования пострадали женщины. С самого начала женское образование не было так уж удовлетворено до гражданской войны в Афганистане, но гражданская война и конфликты, длившиеся четыре десятилетия, ухудшили положение учащихся-женщин. Это было в правительстве Талибан (1996-2001 гг.), когда уровень образования женщин упал до 0%. Надежды ожили с созданием нового правительства и поддержку международного сообщества в 2001 году. Однако спустя 20 лет образование женщин еще находится на низком уровне.

К сожалению, после возвращения Талибана к власти в 2021 году, начали появляться доказательства, свидетельствующие о тревожно похожей ситуации в(1996-2001гг.). Это отрицание было оправдано талибами как временная мера, пока они занимаются реструктуризации системы образования. Однако такие временные меры уже имеют долгосрочные последствия для жизни и здоровья женщин, пострадавших от этих решений Талибана. Талибы настаивают на том, что с их стороны не существует никаких препятствий для посещения школ девочками, кроме основных требований Талибана. Однако на самом деле эти условия зачастую не выполняются. Из-за растущей нестабильности многие родители запрещают своим детям ходить в школу и с большей готовностью отправляют своих дочерей в религиозные школы. Страх является ключевым фактором даже в тех районах, где талибы готовы позволить девочкам получать высшее образование. Мало кто готов рисковать жизнями девочек и собой, присоединяясь к обучению Талибана.

Некоторые страны, такие как Индия, Пакистан, Иран, Турция и США, принимают афганских студенток, предоставляя им образовательные стипендии и возможность продолжить обучение. Например, Индия через программу ICCR предоставляет стипендии для афганских студентов.

Афганские студентки, выезжающие за границу, сталкиваются с рядом трудностей. В их числе языковые барьеры, т.е. необходимость изучения нового языка для успешного обучения и интеграции; культурные различия и потребность в процессе адаптации к новой культуре и образу жизни; финансовые ограничения, несмотря на стипендии, расходы на проживание и обучение могут быть непосильными, а также психологическое давление из-за разлуки с семьей и стресса от интеграции в новое общество.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что миграция исламских женщин является их политическим выбором. Выделим причины и факторы, влияющие на решение молодых женщин эмигрировать.

1. Политические изменения. Дипломатические связи между странами и улучшение отношений между ислам-

12 Монография-Халил Ведад. 2 часть. Амира Аманулла Хан и годы реформы . Шах Аманулла, начало XX века, модернизация, реформы и национализм. авт-пер. // URL: https://www.ariaye.com/ketab/wadad3.html.

скими странами и Западом способствуют увеличению числа студентов, обучающихся за границей. Политическая стабильность и реформы в странах происхождения играют важную роль. Например, в Саудовской Аравии в рамках «Vision 2030» созданы программы, поддерживающие образование женщин.

2. Экономические условия. Рост числа женщин, обучающихся за границей в Катаре и ОАЭ. Саудовская Аравия и ОАЭ предоставляют стипендии для обучения за границей. Экономические факторы и стремление к личной свободе стимулируют миграционные тенденции из Ирана Наблюдается тенденция роста численности женщин в науке и технологиях, согласно исследованию, проведенному Исследовательским центром Pew (2023), исламские женщины начинают выбирать технические и научные специальности, стремясь занять места в высокотехнологичных отраслях.

3. Культурные нормы и семейные ожидания. Если культурные нормы противоречат традиционным ролям женщин, они сталкиваются с препятствиями. Поддержка семьи может стать важным фактором, стимулирующим процесс обучения за границей. поддержка семьи и наличие родственников за границей значительно облегчают процесс.

Политика образовательной миграции в Турции, Иране, ОАЭ: позитивный опыт

Кютюкчю Мустафа в своем исследовании отмечает, что «в Турецкой Республике права женщин были закреплены Мустафой Кемалем Ататюрком в ходе его реформ. Определенный прогресс в вопросе равенства мужчин и женщин был достигнут в период становления республики. Реформы положения женщин, осуществленные под руководством Ататюрка за 10 лет после образования Турецкой Республики в 1923 г., с одной стороны, способствовали достижению женщинами гражданских прав, с другой – во многом обеспечили перестройку турецкого общества. Стало возможно участие женщин в таких важных сферах, как образование и политика, деловая жизнь. Государство посредством политики равенства полов поддерживало их участие во всех сферах общественного развития. Ататюрк находился под впечатлением высокой гражданской активности женщин во время освободительной войны 1918–1923 гг. в Турции, и именно он инициировал политику по полному уравниванию женщин в правах с мужчинами. Но турецкое общество было не готово к радикальным изменениям в этой сфере.»[13].

Несмотря на то, что история развития реформ в области прав женщин в Турции насчитывает уже более 100 лет и «уровень образования женщин за последние 10 лет неуклонно повышается, все же нельзя игнорировать тот факт, что в начале столетия каждая пятая женщина Турции не владеет основами грамоты. Из пяти грамотных женщин одна не имеет свидетельства об образовании. На сто без грамотных мужчин приходится 309 женщин, что свидетельствует о существенном дисбалансе между мужчинами и женщинами в сфере просвещения»[14]. Длительный опыт реформ привел к тому, что турецкие

13 Кютюкчю Мустафа Формирование прав женщин в процессе культурных и общественных преобразований в Турецкой Республике // Власть. 2010. № 2. С. 144 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-prav-zhenschin-v-protsesse-kulturnyh-i-obschestvennyh-preobrazovaniy-v-turetskoy-respublike (Дата обращения: 29.03.2025)

14 Там же. С. 148.

женщины, получившие образование в Европе, стали активно отстаивать права женщин-мусульманок за рубежом. Эксперты отмечают, что «наиболее «продвинутыми» среди представительниц исламского движения феминисток являются турчанки. Тенденции развития исламского женского движения многогранны, и оно привлекает к себе внимание по причине кризисного положения женщин в исламском мире. На сегодняшний день турецкая республика накопила достаточное количество опыта по конституционному закреплению за женщиной равного с мужчиной конституционного статуса. Именно поэтому турецкие женщины, проживающие в Европе, и впитавшие в себя дух свободы, могут открыто и непринужденного говорить о многих вещах, издавать книги, давать интервью. Одной из представительниц турецких феминисток является Некла Келек, известная в Германии как немецкий социолог и публицист, критик ислама, борец за права женщин»[15].

Политика образовательной миграции в Иране формируется под влиянием как внутренних, так и внешних факторов, и направлена на поддержку как студентов, желающих обучаться за границей, так и иностранных студентов, приезжающих в Иран. Иран вкладывает значительные ресурсы в развитие системы высшего образования, стремясь повысить свои международные позиции и привлечь иностранных студентов. Государственные программы поддерживают образовательные обмены и предлагают стипендии для обучения в иранских университетах. Одной из таких программ является предоставление стипендий для студентов из мусульманских стран, включая Афганистан, что способствует укреплению культурных и образовательных связей.

В числе возможностей для женщин: доступ к высшему образованию. Женщины в Иране имеют доступ к университетам и составляют значительную часть студенческого населения; стипендии и обменные программы поддерживают обучение за границей, позволяя женщинам получать международный опыт.

В то же время несмотря на высокий уровень образования, женщины сталкиваются с барьерами на рынке труда и в академической среде, возвращаясь в Иран после обучения за границей, они могут сталкиваться с трудностями в признании их квалификации.

Иранская политика в области образовательной миграции подчеркивает важность международного сотрудничества и культурного обмена, но также требует решения внутренних социальных и политических вопросов, чтобы обеспечить равные возможности для всех студентов, включая женщин.

В силу того, что в ОАЭ с 1970 гг. активно развивается национальная система образования, тесно интегрированная с европейским и американским образованием, образовательная миграция в целом и среди женщин, в частности. снижается. Проблема гендерного неравенства в этой стране практически решена, мальчики и девочки обучаются совместно. Исследователи отмечают, что «государство стало выделять и направлять огромные денежные средства (около 25%) на развитие национальной системы образования, сделав его более приоритетным, чем развитие экономики. …В сентябре 2010 г. Совет по образованию Абу Даби представил план со-

15 *Бахшиева Н.Н.* О возможностях мусульманских женщин в Европе / Н.Н. Бахшиева, Н.В. Брехова. – Текст: непосредственный // Юный ученый. 2016. № 2 (5). С. 55-57. // URL: https://moluch.ru/young/archive/5/301/ (Дата обращения: 29.03.2025)

вершенствования системы образования и подготовки выпускников для поступления в ведущие мировые университеты. При создании новой модели школьного образования в качестве ориентира были выбраны лучшие в мире стандарты образования для детей, на работу в школы было принято более 1500 учителей из США, Великобритании, Канады, Ирландии, ЮАР. …Это позволило ряду крупных университетов мира открыть в ОАЭ свои филиалы…В 2005 г. в Объединенных Арабских Эмиратах открыл свои двери для абитуриентов первый российский вуз - Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет (ИНЖЭКОН). Вторым российским вузом, открывшим свой филиал в Дубае, стал Московский финансово-промышленный университет «Синергия»[16].

Таким образом, уровень образовательной миграции женщин-мусульманок из арабских стран зависит от уровня экономического развития данных стран и связанной с этим политики в сфере образования. Положительный опыт основан на прогрессивных изменениях в структуре гендерных отношений.

Социально-политические предпосылки конструктивного решения проблемы адаптации в афганистанском обществе мусульманских женщин, получивших образование за рубежом.

Конструктивные подходы к решению данной проблемы могут базироваться на следующих научных решениях:

- в качестве основы для конструктивного решения проблемы образовательной миграции мусульманских женщин в Афганистане может стать использование и развитие мирового опыта изменений в структуре гендерных отношений как фактора модернизации исламского общества (Турция, Иран): «конституционное закрепление за женщиной равного с мужчиной правового статуса, а также осуществление административно-организационных мер, призванных обеспечить ей достойное место в семье, обществе и государстве»[17].

- получение образования за рубежом и возможности профессиональной самореализации на родине способствуют экономическому развитию страны, так как с точки зрения концепции «человеческого капитала» «образовательная миграция …выступает в качестве инвестиции…миграция с целью обучения предоставляет возможность получить лучшее образование и более широкие возможности трудоустройства и, как следствие, – больший доход в будущем. Согласно теории человеческого капитала, если выгода от обучения за рубежом (в будущем) превышает затраты на миграцию»[18].

- интеграция мусульманских женщин, получивших образование за рубежом, в афганистанское общество будет способствовать интеграции европейской и арабской культур, так как «проживая в Европе, они уже в большей мере являются носителями европейских ценностей и будут в даль-

16 *Яку Г., Иванова А.* Высшее образование в арабских странах: актуальные вопросы // Азия и Африка сегодня, 2018. С. 56.

17 *Лебедева И.В.* Свободная женщина востока как феномен «другого» в семье // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 4. С. 307. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svobodnaya-zhenschina-vostoka-kak-fenomen-drugogo-v-semie (Дата обращения: 29.03.2025)

18 *Таишева В.В.* Образовательная миграция в смысловом пространстве политической науки: обзор теоретических подходов // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020. № 3 С. 374.. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnaya-migratsiya-v-smyslovom-prostranstve-politicheskoy-nauki-obzor-teoreticheskih-podhodov (Дата обращения: 25.03.2025)

нейшем способствовать диалогу и взаимопроникновению культур Запада и Востока.»[19].

Заключение

Образовательная миграция из Афганистана, особенно среди женщин, представляет собой сложный и многогранный процесс, обусловленный историческими, социальными и политическими факторами. Важность образованной женщины нельзя отрицать, поскольку она является первым учителем ребенка. Образованная женщина строит образованное общество, поэтому ее неграмотность плохо повлияет на будущее нации и станет огромной проблемой для прогресса страны. Образовательная миграция из Афганистана остается актуальной темой, требующей внимания международного сообщества для поддержки и защиты прав женщин на образование.

Список литературы

1. Angha, N. Women in Islam // URL: http://ias.org/sufism/women-in-islam/ (Дата обращения: 19.12.2024)
2. Аляутдинов Ш. Женщины и Ислам. – СПб.: Издательство «Диля», 2022. 320 с.
3. Аналитическая записка: Высшее образование в Центральной Азии // UNESCO // URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000377911_rus
4. Ананичева С.Р. Стигматизация и ее проявления в современном обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 8. С. 17-20. – DOI: 10.23672/a2017-4282-3217-a
5. Бахшиева Н.Н. О возможностях мусульманских женщин в Европе / Н.Н. Бахшиева, Н.В. Брехова. – Текст: непосредственный // Юный ученый. 2016. № 2 (5). С. 55-57. // URL: https://moluch.ru/young/archive/5/301/ (Дата обращения: 29.03.2025).
6. Буллок К. Новый взгляд на мусульманок и хиджаб: Вызов историческим и современным стереотипам // «Институт Интеграции Знаний» Центр исламоведческих исследований Национального университета «Острожская академия». – Международный Институт Исламской Мысли, 2020. 343 с.
7. Grinin L. & Korotayev A. Современный исламизм: анализ основных функций и характеристик. Восток – Афро-Азиатские общества: история и современность, 2019. № 2. С. 92-114. // URL: https://doi.org/10.31857/S086919080004631-1.
8. История женского образования в Египте в XIX-XXI вв. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 9 (65). С. 87-89, с. 89.
9. Кютюкчю Мустафа Формирование прав женщин в процессе культурных и общественных преобразований в Турецкой Республике // Власть. 2010. № 2. С. 144 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-prav-zhenschin-v-protsesse-kulturnyh-i-obschestvennyh-preobrazovaniy-v-turetskoy-respublike (Дата обращения: 29.03.2025).
10. Лебедева И.В. Свободная женщина востока как феномен «другого» в семье // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 4. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svobodnaya-zhenschina-vostoka-kak-fenomen-drugogo-v-semie (Дата обращения: 29.03.2025)
11. Монография-Халил Ведад. 2 часть. Амира Аманулла Хан и годы реформы. Шах Аманулла, начало XX века, модернизация, реформы и национализм. авт-пер. // URL: https://www.ariaye.com/ketab/wadad3.html.
12. Овсянкина М.В., Теленная М.С. Женское образование в арабских странах // Вестник науки. 2019. № 10 (19). С. 16. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskoe-obrazovanie-v-arabskih-stranah
13. Сюкияйнен Л.Р. Права человека в диалоге исламской и западной правовых культур // Ишрак. Ежегодник исламской философии. № 2. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2021. С. 266-289.
14. Таишева В.В. Образовательная миграция в смысловом пространстве политической науки: обзор теоретических подходов // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020. № 3. С. 371. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnaya-migratsiya-v-smyslovom-prostranstve-politicheskoy-nauki-obzor-teoreticheskih-podhodov (Дата обращения: 25.03.2025)
15. Хабибулина Г.Ю. "Педагогическая система образования в исламе" Вестник Православного вято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия :4 Педагогика. Психология, 2016. № 3 (42). Р. 31-35.
16. Ульмясбаева А.О. Образовательная миграция женщин из мусульманских стран // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 108. С. 185-196. – DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-185-196
17. Яку Г., Иванова А. Высшее образование в арабских странах: актуальные вопросы // Азия и Африка сегодня, 2018. С. 56.
18. Ulmyasbayeva A.O. Educational migration of women from Muslim countries // Public administration. Electronic bulletin. 2025. № 108. С. 192. – DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-185-196
19. История женского образования в Египте в XIX-XXI вв. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 9 (65). С. 87-89.

19 *Лебедева И.В.* Свободная женщина востока как феномен «другого» в семье // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 4. С .306. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svobodnaya-zhenschina-vostoka-kak-fenomen-drugogo-v-semie (Дата обращения: 29.03.2025).

References

1. Angha, N. Women in Islam // URL: http://ias.org/sufism/women-in-islam/ (19.12.2024)
2. Alyautdinov Sh. Women and Islam. - St. Petersburg: Dilya Publishing House, 2022. 320 p.
3. Analytical note: Higher education in Central Asia // UN-

ESCO // URL: https://unesdoc. unesco.org/ark:/48223/pf0000377911_rus
4. Ananicheva S.R. Stigmatization and its manifestations in modern society // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021. № 8. P. 17-20. – DOI: 10.23672/a2017-4282-3217-a
5. Bakhshieva N.N. On the Opportunities of Muslim Women in Europe / N.N. Bakhshieva, N.V. Brekhova. – Text: direct // Young scientist. 2016. № 2 (5). P. 55-57. // URL: https://moluch.ru/young/archive/5/301/ (03.29.2025).
6. Bullock K. A New Look at Muslim Women and Hijab: Challenging Historical and Modern Stereotypes // "Institute for Knowledge Integration" Center for Islamic Studies of the National University "Ostroh Academy". - International Institute of Islamic Thought, 2020. 343 p.
7. Grinin L. & Korotayev A. Modern Islamism: Analysis of the Main Functions and Characteristics. East – Afro-Asian Societies: History and Modernity, 2019. № 2. P. 92-114. // URL: https://doi.org/10.31857/S086919080004631-1.
8. History of Women's Education in Egypt in the 19th-21st Centuries // Society: Philosophy, History, Culture. 2019. № 9 (65). P. 87-89, p. 89.
9. Kutukchu Mustafa Formation of Women's Rights in the Process of Cultural and Social Transformations in the Republic of Turkey // Power. 2010. № 2. P. 144 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-prav-zhenschin-v-protsesse-kulturnyh-i-obschestvennyh-preobrazovaniy-v-turetskoy-respublike (Accessed: 29.03.2025).
10. Lebedeva I.V. Free woman of the East as a phenomenon of the "other" in the family // Caspian region: politics, economics, culture. 2012. № 4. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svobodnaya-zhenschina-vostoka-kak-fenomen-drugogo-v-semie (29.03.2025)
11. Monograph-Khalil Vedad. Part 2. Amir Amanullah Khan and the Years of Reform. Shah Amanullah, the Beginning of the Twentieth Century, Modernization, Reforms, and Nationalism. author-trans. // URL: https://www.ariaye.com/ketab/wadad3.html.
12. Ovsyankina M.V., Telenaya M.S. Women's Education in Arab Countries // Science Bulletin. 2019. № 10 (19). P. 16. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskoe-obrazovanie-v-arabskih-stranah
13. Syukiyainen L.R. Human Rights in the Dialogue of Islamic and Western Legal Cultures // Ishraq. Yearbook of Islamic Philosophy. № 2. – M.: Publishing Company "Eastern Literature" of the Russian Academy of Sciences, 2021. P. 266-289.
14. Taisheva V.V. Educational migration in the semantic space of political science: a review of theoretical approaches // Bulletin of RUDN. Series: Political Science. 2020. № 3. P. 371. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnaya-migratsiya-v-smyslovom-prostranstve-politicheskoy-nauki-obzor-teoreticheskih-podhodov (03.25.2025)
15. Khabibulina G.Yu. "Pedagogical system of education in Islam" Bulletin of the Orthodox Vyato-Tikhonovsky Humanitarian University. Series: 4 Pedagogy. Psychology, 2016. № 3 (42). P. 31-35.
16. Ulmyasbayeva A.O. Educational migration of women from Muslim countries // Public administration. Electronic bulletin. 2025. № 108. P. 185-196. – DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-185-196
17. Yaku G., Ivanova A. Higher education in Arab countries: topical issues // Asia and Africa today, 2018. P. 56.
18. Ulmyasbayeva A.O. Educational migration of women from Muslim countries // Public administration. Electronic bulletin. 2025. № 108. P. 192. – DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-185-196
19. History of female education in Egypt in the 19th-21st centuries // Society: philosophy, history, culture. 2019. № 9 (65). P. 87-89.

Шепелева Л.С.

Кандидат экономических наук, доцент.
Российский государственный социальный университет, г. Москва. SPIN-код: 5227-3220

Стимулы и мотивация обучения студентов: исследование и стратегия улучшения производительности учебного процесса*

Аннотация. В статье анализируются основные элементы стимулирования и мотивационных факторов в рамках академической деятельности студентов, что представляет собой ключевую проблематику в нынешнем образовательном контексте. Осмысление данных категорий критически важно для создания высокоэффективных учебных программ и формирования стратегий по улучшению учебных достижений. Исследование направлено на идентификацию переменных, оказывающих влияние на мотивацию к обучению, и разбор методов их использования для наращивания продуктивности образовательного процесса. Анализ уделяет внимание таким ключевым элементам, как эффект квалификации и методов преподавания преподавателей на интерес студентов к обучению, значимость качества и доступности учебных ресурсов, а также влияние социальной поддержки и качества взаимоотношений между студентами и учебным персоналом на академический энтузиазм. Методологический подход данного исследования уникален тем, что опирается на совокупность качественных и количественных исследовательских методов, обеспечивая комплексный анализ мотивационных факторов. Анализ собранных данных позволит сформулировать целенаправленные методические рекомендации для педагогов и образовательных институтов, способствующие более точному соответствию учебных подходов потребностям студентов, ведущее к совершенствованию образовательной динамики и укреплению образовательной инфраструктуры.

Ключевые слова: учащиеся, достижение индивидуальных целей, стремление к знаниям, развитие внутренних способностей, мотивационные факторы образовательного процесса.

Shepeleva L.S.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.
Russian State Social University, Moscow. SPIN-code: 5227-3220

Incentives and motivation for students' learning: research and strategy for improving the productivity of the educational process

Abstract. The article analyzes the main elements of incentives and motivational factors within the framework of students' academic activities, which is a key issue in the current educational context. Understanding these categories is critically important for creating highly effective curricula and developing strategies to improve academic achievement. The research is aimed at identifying variables that influence learning motivation and analyzing methods of using them to increase the productivity of the educational process. The analysis focuses on such key elements as the effect of teachers' qualifications and teaching methods on students' interest in learning, the importance of the quality and accessibility of educational resources, as well as the impact of social support and the

* © Шепелева Л.С., 2025.

Стимулы и мотивация обучения студентов: исследование и стратегия улучшения производительности учебного процесса

quality of relationships between students and teaching staff on academic enthusiasm. The methodological approach of this study is unique in that it relies on a combination of qualitative and quantitative research methods, providing a comprehensive analysis of motivational factors. The analysis of the collected data will make it possible to formulate targeted methodological recommendations for teachers and educational institutions, contributing to a more accurate correspondence of educational approaches to the needs of students, leading to an improvement in educational dynamics and strengthening the educational infrastructure.

Key words: students, achievement of individual goals, pursuit of knowledge, development of internal abilities, motivational factors of the educational process.

Введение

Данной статье основное внимание будет уделено ключевым мотиваторам, оказывающим значительное воздействие на процесс образования студентов. Данные мотиваторы классифицируются на интернальные и экстернальные типы, оба из которых являются критически важными для стимулирования желания к обучению.

Мотивация к учебной активности обусловлена комплексом стимулов, охватывающих как экстернальные, так и интернальные факторы, направленные на активизацию стремления к познанию у обучающихся. Экстернальные стимулы включают в себя перспективы профессионального роста, влияние социального контекста и диктат учебных программ, в то время как интернальные аспекты связаны с индивидуальными стремлениями, установками и мотивационной сферой личности. В свою очередь, мотивация рассматривается как более углубленная система побуждений, которые заставляют человека идти на обучение и самоусовершенствование, различаясь от стремления к профессиональной квалификации до потребности в самоактуализации через приобретение новых знаний и развитие собственного потенциала.

Внутренние мотивационные факторы включают в себя личные стремления и интересы учащихся. Это может быть желание изучать определенную дисциплину, нацеленность на личностное развитие, получение удовольствия от процесса образования и моральное удовлетворение, связанное с приобретением новых знаний. Такие мотиваторы часто имеют более продолжительное воздействие на академическую активность, поскольку они порождаются внутренними аспектами индивидуальности студента и связаны с его личными амбициями и принципами. В качестве примера можно привести студентов, которые с самого начала проявляют заинтересованность в своей будущей специальности и обладают ясным видением своего карьерного пути, такие студенты, как правило, проявляют значительную активность в образовательной деятельности и стремятся к достижению высоких результатов в учебе [3].

Окружающая среда обогащается разнообразием социальных, культурных и экономических аспектов, которые действуют как внешние мотивирующие агенты. В числе этих факторов находятся эмоциональная и образовательная поддержка от родителей и учителей, финансовое обеспечение через стипендии, а также анализ успеваемости через оценки и опросы, способные как воодушевлять учащихся на новые достижения, так и провоцировать стресс. В ответ на эти стимулы,

образовательные учреждения могут разрабатывать и внедрять мотивационные инициативы, включая организацию конкурсов, дебатов и выставок, которые предлагают конструктивную обратную связь и предоставляют студентам уникальные возможности для демонстрации своих умений и знаний в творческой форме [7].

Важно принимать во внимание воздействие со стороны сверстников, взаимодействие внутри группы, а также общий социальный контекст. Студенты, активно взаимодействующие с однодумцами в социально поддерживающей обстановке, часто испытывают повышенную учебную мотивацию и меньшую восприимчивость к стрессу во время образовательного процесса. Это подчеркивает, что успех в обучении зависит не только от личных усилий и способностей студента, но и от его социальной среды, играющей ключевую роль в развитии мотивации к обучению.

Таким образом, критично учесть, что экстернальные стимулы могут оказывать как стимулирующее, так и демотивирующее воздействие. Примером тому служит, высокая степень конкурентной борьбы может фундаментально повышать уровень стремления среди учащихся, однако при некоторых обстоятельствах может стать причиной анксиозности и истощения ресурсов личности, ведущего к синдрому эмоционального выгорания. Следовательно, крайне значимо достигнуть гармонии между интринзичной мотивацией и экстринзичными факторами, что обеспечит идеальную среду для эффективного образовательного процесса и всестороннего развития обучающихся.

Методика

Ключевым моментом нашего научного исследования стал выбор инструментария для исследования динамики учебного интереса среди студентов. В нашем арсенале были задействованы различные методологии для глубинного изучения этого явления. В числе основных инструментов, которые мы реализовали в рамках исследования, находятся анкетирование и проведение полуструктурированных собеседований.

В начальной фазе исследования была разработана анкета для проведения исследования, включающая в себя как закрытые, так и открытые типы вопросов. Использование закрытых вопросов позволило эффективно собрать количественные показатели, отражающие степень мотивации студентов, определить факторы, влияющие на их академическую активность, и измерить уровень их удовлетворенности образовательным процессом. Открытые вопросы, в свою очередь, предоставили участникам исследования возможность свободно выражать свои мысли и чувства по поводу своей мотивации, что дополнило основные данные важными качественными аспектами для глубинного анализа. Исследование проводилось среди студентов разнообразных образовательных учреждений, что сделало полученную информацию богато разнообразной и позволило выявить мотивационные факторы, характерные для конкретных групп учащихся. Вовлечение более чем 300 участников обеспечило высокую статистическую надежность количественного анализа собранных данных [9].

В качестве второй методологии в нашем анализе были использованы полуструктурированные интервью. Для углубленного анализа мотиваций к учебе была отобрана группа студентов на основании предварительного опроса. Полуструктурированный формат интервью дал нам возможность не толь-

ко задать ключевые вопросы, но и позволил студентам свободно выражать свои уникальные мысли и эмоции. Этот подход помог выявить как общие, так и индивидуальные мотивационные факторы, которые могут оставаться незамеченными при использовании только стандартных опросов. Интервьюируемые предоставили личные рассказы, демонстрирующие влияние разнообразных аспектов, от поддержки преподавателей до личных стремлений, на их академическое развитие, обогатив тем самым наше понимание мотивации к обучению [7].

К тому же, анализ информации был выполнен через призму статистических методик и контент-анализа. Для изучения численных данных, собранных через анкетирование, применялось специализированное ПО для статистического анализа, что обеспечило выявление взаимосвязей между разными исследуемыми факторами. В рамках качественной оценки информации, полученной в процессе интервью, использовался метод тематического кодирования, благодаря чему стало возможным определить основные направления и закономерности в откликах участников. Такой интегрированный метод в анализе данных позволил обрести более комплексное понимание мотивационных аспектов академической деятельности студентов, а также позволил детализировать, как формируются их образовательные стратегии и предпочтения в контексте учебной среды.

Следовательно, использование многообразных аналитических подходов обеспечило нам возможность формирования интегрированного представления о движущих силах образовательного стремления студентов и оценки взаимосвязи между внутренними и внешними детерминантами в образовательном процессе.

Результаты

В процессе нашего исследования были получены значимые данные, способствующие более глубокому осмыслению причин учебного вовлечения студентов. Представленная информация собрана через опросы и интервью, что обеспечило анализ и количественных, и качественных характеристик мотивации [4].

Основная находка исследования заключается в измерении мотивационного уровня студентов по разным аспектам. Согласно проведенному опросу, 75% участников исследования выделили ключевые элементы, стимулирующие их академическую активность: пристрастие к изучаемому предмету (48%), стремление к будущему карьерному росту (32%) и поддержка со стороны академического персонала (20%).

Рис. 1. Мотивационные составляющие к академической активности учащихся.

Источник: составлено автором по ряд данным исследованиям.

Эти выводы находят отображение на (рис. 1), демонстрируя, что энтузиазм по отношению к дисциплине выступает главным мотивационным двигателем, что подтверждает значимость выбора образовательных программ, которые откликаются на увлечения студентов.

В ходе аналитического этапа была реализована кластеризация, основываясь на анкетных данных студентов. Этот процесс кластеризации обнаружил три ярко выраженные категории студентов, различающиеся по мотивационным характеристикам: экстраверты, интроверты и целеустремленные. Эти мотивационные различия имеют значительное воздействие на предпочитаемые ими методы обучения и образовательные стратегии.

Определенные категории мотивации подчеркивают важность применения индивидуализированной стратегии в образовании. Адаптация методик обучения к уникальным характеристикам и интересам различных учебных групп способствует усовершенствованию процесса образования и улучшению его результативности.

Рис. 2. Негативные внешние факторы и уровень стресса влияющие на учебную активность.

Источник: составлено автором по ряд данным исследованиям.

Будущие научные исследования могут сосредоточиться на разработке и реализации индивидуализированных учебных планов, которые будут учитывать стимулирующие факторы, характерные для разных категорий учащихся. Это может способствовать улучшению академических достижений, активного участия и общего удовлетворения студентов процессом обучения.

Особо стоит упомянуть, что в ходе проведения полуструктурированных интервью студенты выразили свое мнение относительно критической роли поддержки со стороны академического персонала. Примерно две трети опрошенных (68%) подчеркнули, что компетентная обратная связь от преподавателей значительно усиливает их мотивацию и стремление к обучению. Среди ключевых аспектов, влияющих на учебный процесс, были выделены не только регулярные консультации и детальное разъяснение предмета, но и поддержание обратной связи, оказывающее непосредственное воздействие на академические достижения студентов. Эти качественные показатели в сочетании с количественными данными опроса дополнительно усиливают понимание значимости взаимоотношений преподаватель-студент как ключевого элемента, способствующего повышению мотивации к учебе.

Ограниченное число учащихся (12%) поделились, что их мотивация страдает под влиянием внешних обстоятельств, включая стрессовые состояния и прессинг со стороны семьи. Эта

информация была включена в (рис. 2), демонстрирующую отрицательную корреляцию между стрессом и академической деятельностью. Респонденты подчеркивают необходимость оптимизации образовательного процесса и минимизации внешнего давления для формирования условий, благоприятствующих самостоятельному образованию.

В заключение на основе опроса выявили разносторонность элементов, которые оказывают воздействие на мотивационную сферу студенчества. Данное исследование поможет для образовательных институтов в отношении формирования стратегий поддержки студентов, которые будут способствовать их учебным успехам и всестороннему саморазвитию и создания более целесообразных и эффективных обучающих стратегий [8].

Обсуждение

Исследование представило значимые выводы относительно мотивационных аспектов в образовательной деятельности студентов, позволяющие сравнить полученные данные с ключевыми теоретическими подходами мотивации, включая теории самодетерминации и бивариатные модели мотивации. Прежде всего, привлечение к изучаемой дисциплине выделилось как главный мотиватор, способствующий академической активности, что коррелирует с принципом автономности, описанным в самодетерминационной теории Ричарда Райана и Эдварда Деци. Согласно данным принципам, учеба становится более целенаправленной и эффективной, когда процесс обучения отвечает личным интересам и целям индивида. Такой вывод находит подтверждение в ответах участников опроса, которые подчеркнули значимость выбора предметов согласно собственным предпочтениям для повышения мотивации и учебной активности. Эти выводы коррелируют с количественными данными исследования, показывающими, что для 48% опрошенных студентов главным стимулом является именно интерес к предмету [2].

Кроме того, выводы исследования подчеркнули ключевое значение экстернальных факторов, таких как поддержка со стороны преподавателей и влияние социальной среды. Почти три четверти опрошенных (68%) выделили важность обратной связи от преподавателей и её вклад в положительное развитие их академической мотивации. Эти находки находятся в рамках Expectation-Value Theory, которая утверждает, что успех в учебе опирается на ожидания студентов относительно собственных достижений и ценности, которую они придают образовательному процессу. Когда студенты убеждены в том, что их усилия будут вознаграждены достижениями и знаниями, их мотивация к учёбе существенно усиливается. Поддержка преподавателей и фокус на собственные жизненные планы, выделенные респондентами, являются важными компонентами, иллюстрирующими принципы данной теории.

Сравнительное исследование подтвердило, что мотивация студентов сложно устроена и зависит от множества аспектов. Мы классифицировали студентов на две основные категории: тех, кто мотивируется внешними стимулами, включая карьерный рост и финансовые вознаграждения, и тех, кто мотивирован желанием личностного роста и стремлением к обучению ради новых знаний. Эти наблюдения напоминают о дихотомии между внутренней и внешней мотивацией, под-

черкивая, что у студентов могут сосуществовать различные побудительные мотивы, влияющие на их обучение на разных этапах образовательного процесса. В нашем исследовании было выявлено, что 40% студентов демонстрируют черты обеих видов мотивации, что говорит о необходимости применения гибких методов обучения. Кроме того, некоторые студенты (12%) сообщили о снижении мотивации, вызванном внешним давлением и стрессом, что отсылает к модели стресса и механизмов совладания, отражающей влияние стрессоров на образовательный потенциал и эффективность обучения. Стресс, превышающий контрольные возможности студента, может привести к ухудшению академической активности и даже к профессиональному выгоранию. Таким образом, тщательный анализ полученных данных позволяет более полно осмыслить факторы, определяющие мотивацию к обучению, подчеркивая значимость как внутренних, так и внешних стимулов в стимулировании академической активности студентов. Эти выводы открывают пути к созданию более целенаправленных подходов в поддержке студентов на их образовательном пути.

Заключение

В ходе выполненных научных работ были собраны обширные сведения, касающиеся мотивационных аспектов в области образовательной деятельности студентов, что позволило составить детальный анализ и сформулировать целенаправленные предложения для улучшения качества обучения. Анализируя как внутреннюю, так и внешнюю мотивацию, мы пришли к ряду важных заключений. Наиболее значительный вывод заключается в том, что личный интерес к изучаемым предметам выступает в роли основного стимулятора академической активности студента. Почти половина опрошенных указали, что страсть к предмету играет ключевую роль в их образовательном процессе. Это подчеркивает значимость создания учебных программ, ориентированных на индивидуальные предпочтения и страсти студентов, что в свою очередь может повысить уровень их вовлеченности и улучшить учебные показатели. Второстепенно, поддержка со стороны преподавателя имеет критическое значение. Большинство опрошенных подтвердили, что профессиональная и актуальная обратная связь от наставников значительно стимулирует их стремление к обучению. Следовательно, ключевым является внедрение систем оценки и поддержки учащихся на все время их обучения, обеспечивая им доступ к необходимым ресурсам для освоения сложного материала. Принятие мер по организации регулярных встреч для консультаций и вопросов может сыграть значительную роль в создании благоприятной атмосферы обучения, способствующей развитию конструктивного и оптимистичного подхода к образованию. Третий важный момент связан с воздействием социального контекста. Исследование показывает, что студенты, окруженные поддержкой социального окружения, демонстрируют более сильную мотивацию к занятиям. Отсутствие веры в себя и невысокий уровень социальной интеграции могут негативно сказаться на академической активности. Таким образом, развитие не только учебных навыков, но и социально-коммуникативных способностей является критическим для успешного включения студентов в учебный процесс.

Кроме того, определённый процент студентов испытывает снижение моти-

вации из-за внешнего давления и стрессовых ситуаций. В связи с этим, одной из рекомендаций является создание благоприятной учебной среды, защищенной от излишнего стресса от оценочных мероприятий. Образовательные учреждения должны акцентировать внимание на внедрении программ по психологии обучения и на поддержании психического здоровья студентов, что повысит их способность эффективно управлять учебной нагрузкой. В заключение, изучение выявило множество аспектов, оказывающих влияние на мотивацию студентов в их образовательном процессе, подчеркивая необходимость многоаспектного подхода в обучении. Стимуляция интереса, оптимизация обратной связи и создание поддерживающей социально-психологической атмосферы способны значительно улучшить академическую активность студентов. Продолжение подобного рода исследований обеспечит дальнейшее понимание сложных механизмов мотивации и разработку передовых образовательных методик.

Список литературы

1. Екатерина Лихачева исследует роль учебной стимулЕкатерина Лихачева исследует роль учебной стимуляции в педагогической деятельности университетского преподавателя. // Pedagogical Review. 14.12.2020. С. 98-102.
2. Фрумин и Добрякова анализируют факторы изменений в российских высших учебных заведениях. // Voprosy Obrazovaniya. 01.11.2013. С. 159-190.
3. Бурыкина, Данилова, Тонких обсуждают применение инновационных технологий в образовании. // Management of Education. 30.08.2022. С. 22-35.
4. Тазов рассматривает цифровое образование и методы активизации обучающихся. // Современные наукоемкие технологии. 01.01.2020. С. 1066-1077.
5. Мишина и коллеги исследуют динамику учебной мотивации студентов медицинских вузов. // CHILD`S HEALTH. 03.07.2019. С. 96-102.
6. Яровенко изучает психологию студентов-исследователей. // ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ. 04.2022. С. 139-150.
7. Балабанова исследует социальную активность молодежи. // Znanie Ponimanie Umenie. 03.10.2018. 13. Иванова, Сторожева сравнивают мотивацию студентов разных курсов. // Научные труды МГУ. 01.10.2018. С. 210-223.
8. Кормачёва рассматривает академическую прокрастинацию. // Psychology in Education. 01.01.2021. С. 61-70.
9. Стручкова, Корякина обсуждают развитие учебной мотивации. // Современные наукоемкие технологии. 01.01.2021. С. 2-12.
10. Егорихина исследует мотивацию аспирантов и магистрантов. // Penza Psychological Newsletter. 01.07.2020. С. 96-102.

References

1. Ekaterina Likhacheva studies the role of educational incentivesEkaterina Likhacheva studies the role of educational incentives in the pedagogical activity of a university teacher. // Pedagogical Review. 12/14/2020. P. 98-102.
2. Frumin and Dobryakova analyze the factors of change in Russian higher education institutions. // Voprosy Obrazovaniya. 11/01/2013. P. 159-190.
3. Burykina, Danilova, Tonkikh discuss the use of innovative technologies in education. // Management of Education. 08/30/2022. P. 22-35.
4. Tazov considers digital education and methods of activating students. // Modern science-intensive technologies. 01/01/2020. P. 1066-1077.
5. Mishina and colleagues study the dynamics of academic motivation of medical students. // CHILD`S HEALTH. 03.07.2019. P. 96-102.
6. Yarovenko studies the psychology of student researchers. // TERRITORY OF NEW OPPORTUNITIES. 04.2022. P. 139-150.
7. Balabanova studies the social activity of young people. // Znanie Ponimanie Umenie. 03.10.2018. 13. Ivanova, Storozheva compare the motivation of students of different years. // Scientific Works of Moscow State University. 01.10.2018. P. 210-223.
8. Kormacheva considers academic procrastination. // Psychology in Education. 01.01.2021. P. 61-70.
9. Struchkova, Koryakina discuss the development of educational motivation. // Modern science-intensive technologies. 01.01.2021. P. 2-12.
10. Egorikhina studies the motivation of graduate and master's students. // Penza Psychological Newsletter. 01.07.2020. P. 96-102.

Упоров И.В.

Доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор.
Российская академия естествознания, г. Краснодар.

Муниципальные программы по обеспечению безопасных условий жизнедеятельности населения: правовой и методологический аспекты*

Аннотация. Одно из важнейших направлений деятельности исполнительных структур публичной власти всех уровней (федерального, регионального и муниципального) является обеспечение безопасных условий жизнедеятельности населения. В статье рассматриваются особенности реализации этого направления местных администраций муниципальных образований посредством принятия муниципальных целевых программ. Отмечается, что эта деятельность органов местного самоуправления является обязательной и включает в себя ряд вопросов местного значения, предусмотренных ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Анализируются ряд соответствующих муниципальных программ, обосновываются предложения по совершенствованию их содержание и повышению эффективности.

Ключевые слова: местное самоуправление, безопасные условия жизнедеятельности населения, целевая программа, бюджет.

Uporov I.V.

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor.
Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar.

Municipal programs for ensuring safe life conditions of the population: legal and methodological aspects

Abstract. One of the most important areas of activity of the executive structures of public authorities at all levels (federal, regional and municipal) is ensuring safe living conditions for the population. The article examines the specifics of implementing this area by local administrations of municipalities through the adoption of municipal target programs. It is noted that this activity of local governments is mandatory and includes a number of issues of local importance provided for by the Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation". A number of relevant municipal programs are analyzed, proposals for improving their content and increasing their efficiency are substantiated.

Key words: local government, safe living conditions for the population, target program, budget.

Деятельность органов местного самоуправления по обеспечению безопасных условий жизнедеятельности населения муниципального образования

* © Упоров И.В., 2025.

Муниципальные программы по обеспечению безопасных условий жизнедеятельности населения: правовой и методологический аспекты

связывается прежде всего с предупреждением и защитой от чрезвычайных ситуаций (далее также – ЧС), о чем свидетельствуют, среди прочего, и названия как координационных органов в этой сфере (комиссий), так и постоянно действующих органов местных администраций муниципальных образований, создаваемых на основе пока еще действующего ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] (далее – Закон о местном самоуправлении). Деятельность органов местного самоуправления в данной сфере наиболее полно находит отражение в соответствующих муниципальных целевых программах. Эти программы разрабатываются и утверждаются органами местного самоуправления соответствующими муниципальными правовыми актами, поэтому они являются частью муниципального права. Важно также заметить, что целевые программы являются ведущей формой реализации соответствующих вопросов местного значения, в связи с чем таким программам уделяется значительное внимание.

Разработка и утверждение целевых муниципальных программ предусматриваются в ст. 17 Закона о местном самоуправлении в качестве одного из полномочий органов местного самоуправления. Здесь же заметим, что сфера обеспечения безопасных условий жизнедеятельности относится не только к муниципальному, но и к федеральному и региональному уровня публичной власти, в связи с чем важную роль имеет вопрос, связанный с формами и методами сотрудничества органов местного самоуправления в рамках одного или нескольких муниципалитетов, их взаимодействия с органами государственной власти, осуществления муниципального контроля в соответствующих сферах, участия населения и т.п. в области обеспечения безопасных условий жизнедеятельности муниципальных образований. Данный аспект достаточно сложный, и здесь не рассматривается. В этой связи следует заметить, что в рассматриваемой сфере общественных отношений имеются соответствующие федеральные целевые программы и региональные целевые программы. Так, Правительством Российской Федерации несколько лет назад (2011 г.) была утверждена федеральная целевая программа, направленная на снижение рисков и смягчение последствий ЧС природного и техногенного характера на срок до 2015 г. [2]. В дальнейшем была утверждена новая, действующая Государственная программа Российской Федерации «Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах» [3]. В развитие этих положений подобные программы принимаются в субъектах Российской Федерации.

На муниципальном уровне также разрабатываются соответствующие муниципальные программы на определенный период. Так, постановлением администрации муниципального образования Приозерское сельское поселение (Палласовский муниципальный район Волгоградской области) [4]. Основные цели этой программы были определны следующим образом: «уменьшение количества пожаров, снижение рисков возникновения и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций; снижение числа травмированных и погибших на пожарах; сокращение материальных потерь от пожаров; создание необходимых условий для обеспечения пожарной безопасности, защиты жизни и здоровья граждан;

создание резервов (запасов) материальных ресурсов для ликвидации чрезвычайных ситуаций и в особый период; повышение подготовленности к жизнеобеспечению населения, пострадавшего в чрезвычайных ситуациях; разработка и реализация мероприятий, направленных на соблюдение правил пожарной безопасности населением и работниками учреждений социальной сферы; повышение объема знаний и навыков в области пожарной безопасности руководителей, должностных лиц и специалистов; организация работы по предупреждению и пресечению нарушений требований пожарной безопасности и правил поведения на воде; информирование населения о правилах поведения и действиях в чрезвычайных ситуациях; создание материальных резервов для ликвидации чрезвычайных ситуаций; мероприятия по пожарной безопасности; мероприятия по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций; организационные мероприятия» [4].

Эти цели были обусловлены проблемами в данной сфере на территории сельского поселения. Важно заметить, что в данном постановлении особо подчеркивается необходимость их решения именно программными методами. В частности, в данном контексте указывается, что основными проблемами пожарной безопасности являются: позднее сообщение о пожаре в пожарную охрану и удаленность места пожара от ближайшего подразделения пожарной охраны; низкий уровень защищенности населения, территорий и учреждений социальной сферы от пожаров; несвоевременное сообщение о пожаре (загорании) в пожарную охрану; недостаток специальных приборов, осветительного оборудования для выполнения работ в условиях плохой видимости и высоких температур [4]. Исходя из этого констатируется, что на территории Приозерного сельского поселения существуют угрозы чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, в том числе в результате опасных природных явлений, как весеннее половодье, паводки, сильные ветры, снегопады, засухи.

Далее сообщается, что эффективность ликвидации чрезвычайных ситуаций во многом определяется наличием материальных ресурсов. Достаточность материальных ресурсов позволяет в минимальные сроки локализовать чрезвычайную ситуацию, уменьшить масштабы ее последствий и решить главную задачу - спасти и организовать первоочередное жизнеобеспечение пострадавших. Вместе с тем в Приозерном сельском поселении рекомендованные объемы резервов созданы не в полном объеме [4]. Следует заметить, что столь объективные положения в целевых программах встречаются нечасто. Собственно, и скрывать это все сложнее, учитывая, что в современной России абсолютное большинство муниципальных образований имеют дотационный характер [5; 6; 7 и др.], и эта пробелам пока не решается.

Оценивая эту программу, заметим, что для решения поставленных задач перед органами местного самоуправления муниципалитет выделил 460 тысяч, то есть примерно 153 тысячи рублей в год, что, конечно же. немного. И здесь вызывает вопрос в том, что в программе указаны 11 мероприятий, но денежные средства выделены только для двух: приобретение первичных средств пожаротушения (техническое обслуживание огнетушителей) – 250 тысяч рублей); Противопожарное опахивание на территории поселения – 210 тысяч рублей. В таблице в графах для осталь-

ных 9 мероприятий значится «0,0». Представляется, что не лучший вариант данного раздела программы. Заметим также, что предусмотренные мероприятия настолько простые, что вряд ли эту совокупность действий необходимо оформлять в форме муниципальной целевой программы.

В этом смысле более оптимальным представляется вариант, когда такого рода муниципальные правовые акты охватывают более широкий круг вопросов и рассчитываются не на один, а на несколько лет. Такой опыт имеется, хотя и в прошедшем времени. Характерной является муниципальная программа, утвержденная в муниципальном образовании город Прокопьевск (Кемеровская область) - «Защита прокопчан от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», принятая в 2021 г. [8]. Здесь дается довольно четкое обоснование такого муниципального правового акта. Указывается, в частности, что на территории Прокопьевского городского округа расположены потенциально-опасные объекты экономики. На них имеется высокая вероятность возникновения техногенных аварий и чрезвычайных ситуаций. Кроме техногенных угроз источниками событий чрезвычайного характера на территории Прокопьевского городского округа являются опасные природные явления и природные риски, возникающие в процессе хозяйственной деятельности. Определенную угрозу для населения и экономики города представляют опасные природно-климатические явления: низкие температуры, снегопады, гололед, ураганные ветра, возможные землетрясения. Социальную напряженность в обществе вызывают чрезвычайные ситуации, инициируемые авариями на объектах жилищно-коммунального хозяйства. Территория Прокопьевского городского округа находится в зоне восьми бального сейсмического риска. Развитие опасных геологических процессов природного и природно-техногенного характера усугубляет возможные разрушительные последствия землетрясений. Все это определяет необходимость обеспечения на территории Прокопьевского городского округа сейсмической безопасности населения и устойчивости материально-технических объектов в пределах показателей приемлемого риска. Вышеперечисленные факторы указывают на высокую вероятность возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера на территории Прокопьевского городского округа. В краткосрочной перспективе чрезвычайные ситуации остаются одним из важнейших вызовов стабильному социально-экономическому росту. Пожары наносят ущерб окружающей природной среде, угрожают жизни и здоровью людей, несут значительные материальные потери и нарушают устойчивость работы объектов жизнеобеспечения населения [8].

В рассматриваемом муниципальном правовом акте раскрывается также оценка эффективности его реализации, а именно - путем ежегодного сопоставления планируемых и фактических значений показателей (индикаторов) через коэффициент эффективности муниципальной программы. И далее следует соответствующий расчет.

Анализ такого рода муниципальных целевых программ дает основание с методологической точки зрения считать целесообразным разбивать муниципальную программу с условным названием «Обеспечение безопасных условий жизнедеятельности населения муниципального образования» на несколько подпрограмм, в том числе каса-

ющихся: а) предупреждения и защиты от чрезвычайных ситуаций; б) пожарной безопасности; в) обеспечение безопасности людей на водных объектах. При этом можно сформулировать базовый перечень мероприятий, которые необходимо осуществлять местной администрации для решения вопросов местного самоуправления, определенных в ст. 14-16, 16.2 Закона о местном самоуправления в данной сфере общественных отношений. Как представляется, в этот перечень мероприятий, финансируемых из местного бюджета, должны включаться следующие мероприятия: обеспечение своевременного информирования и оповещения населения муниципального образования об угрозе возникновения или возникновении чрезвычайных ситуаций; разработка предложений по реализации на территории муниципального образования государственной политики в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций; подготовки и обучение населения муниципального образования способам защиты и действиям при возникновении чрезвычайных ситуаций; развертывание медицинских пунктов, необходимых для первоочередного обеспечения пострадавшего населения; поддержание функционирования важнейших объектов жизнедеятельности муниципального образования, находящихся в зоне ответственности органов местного самоуправления (больницы, котельные, транспорт, водопровод и др.) при возникновении чрезвычайных ситуаций; регулярное проведение проверок состояния указанных объектов; обеспечение согласованности действий и решений территориальных государственных органов исполнительной власти и местной администрации муниципального образования в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций; координация деятельности всех спасательных служб, нештатных аварийно-спасательных формирований, расположенных на территории муниципального образования; организация подготовки, переподготовки, повышения квалификации должностных лиц органов местного самоуправления, сотрудников аварийно-спасательных формирований по вопросам вопросам защиты населения от чрезвычайных ситуаций; разработка и проведении мероприятий по подготовке к эвакуации населения, перемещению материальных и культурных ценностей в безопасные места, их размещению; организационно-техническое обеспечение деятельности комиссии муниципального образования по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

При этом целесообразно, чтобы в муниципальных программах, где должны закрепляться указанные направления деятельности органов местного самоуправления в сфере обеспечения безопасных условий жизнедеятельности населения муниципальных образований, были ссылки на соответствующие федеральные и региональные правовые акты, учитывая, что в эти акты вносятся изменения.

Из опыта организации деятельности органов местного самоуправления в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций необходимо также отметить фактор, стимулирующий данную деятельность. И в этом смысле представляет интерес постановление Правительства Курганской области об организации и проведении ежегодного смотра-конкурса на лучшую организацию деятельности органов местного самоуправления Курганской области по обеспечению безопасно-

сти жизнедеятельности населения [9]. Здесь указывается, что данный конкурс имеет своей целью повышение эффективности деятельности органов местного самоуправления в области гражданской обороны, защиты населения и территории. Участие в конкурсе осуществляется на добровольной основе, при этом все муниципальные образования распределены на четыре группы – в соответствии с законодательным разделением по видам муниципальных образований. В Положении закрепляются двадцать показателей, по которым определяются лучшие муниципальные образования, среди которых: организация деятельности органов местного самоуправления по выполнению требований действующих правовых норм по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций; организация деятельности по предупреждению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, а также по поддержанию устойчивого функционирования предприятий и организаций, расположенных на территории муниципального образования; готовность систем обеспечения управления, оповещения, связи, информирования населения при чрезвычайных ситуации; организация деятельности единых дежурно-диспетчерских служб и др. Решение по конкурсу в итоге принимает комиссия по организации данного смотра-конкурса, которую возглавляет первый заместитель губернатора Курганской области, а награждение победителей осуществляется на основании распоряжения Правительства Курганской области. Опты организации и проведения такого конкурса, который способствует улучшению эффективности деятельности органов местного самоуправления в рассматриваемой сфере общественных отношений, целесообразно использовать и в других субъектах Федерации.

Список литературы

1. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 10.03.2025).
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 07.07.2011 N 555 (ред. от 25.04.2015) «О федеральной целевой программе «Снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации до 2015 « // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 23.11.2024).
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 N 300 (ред. от 24.09.2021) «О Государственной программе Российской Федерации «Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах»» // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 23.11.2024).
4. Постановление администрации муниципального образования Приозерское сельское поселение (Палласовский муниципальный район Волгоградской области) от 30.12.2022 «Об утверждении ведомственной целевой программы «Защита населения от чрезвычайных ситуаций и обеспечение мер противопожарной безопасности на территории Приозерного сельского поселения на 2023-2025 годы» // Сайт муниципального образования Приозерское сельское поселение (Палласовский муниципальный район Волгоградской области) (Дата обращения: 10.03.2025).
5. Рогожкин А. Д., Слинько А. А. Приоритеты бюджетной политики муниципальных образований в условиях неравномерности социально-экономического развития // Регион: системы, экономика, управление. 2024. № 1. С. 53-60.
6. Архиреева А. С. Бюджет муниципального образования: проблемы и пути увеличения его доходной части и предупреждение налоговых правонарушений // Эпомен. 2021. № 55. С. 290-295.
7. Тиникашвили Т. Ш. Бюджетная политика муниципального образования // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 311-316.
8. Муниципальная программа от 14.12.2021 «Защита прокопчан от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (утвержд. постановлением администрации муниципального образования город Прокопьевск Кемеровской области от 14. 12. 2021 г. № 222п) // Официальный сайт администрации муниципального образования город Прокопьевск Кемеровской области (Дата обращения: 22.02.2025).
9. Положение о смотре-конкурсе на лучшую организацию деятельности органов местного самоуправления Курганской области по обеспечению безопасности жизнедеятельности населения (утвержд. Постановлением Правительства Курганской области от 23. 09. 2013 г. № 424) // Портал Правительства Курганской области (Дата обращения: 12.11.2024).

References

1. Federal Law of 06.10.2003 N 131-FZ (as amended on 13.12.2024) "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus" (10.03.2025).
2. Resolution of the Government of the Russian Federation of 07.07.2011 N 555 (as amended on 25.04.2015) "On the federal target program "Reducing risks and mitigating the consequences of natural and man-made emergencies in the Russian Federation until 2015" // SPS "ConsultantPlus" (23.11.2024).
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of 15.04.2014 N 300 (as amended on 24.09.2021) "On the State Program of the Russian Federation "Protection of the population and territories from emergency situations, ensuring fire safety and safety of people on water bodies"" // SPS "ConsultantPlus" (23.11.2024).
4. Resolution of the administration of the municipality Priozerskoye rural settlement (Pallasovsky municipal district of the Volgograd region) dated 12/30/2022 "On approval of the departmental target program" Protection of the population from emergency situations and ensuring fire safety measures on the territory of Priozersk rural settlement for 2023-2025 " // Website of the municipal formation Priozersk rural settlement (Pallasovsky municipal district of the Volgograd region) (03.10.2025).
5. Rogozhkin A.D., Slinko A.A. Priorities of the budget policy of municipalities in the context of uneven socio-economic development // Region: systems, economics, management. 2024. № 1. P. 53-60.
6. Arkhireeva A. S. Budget of the municipality: problems and ways to increase its revenue and prevent tax offenses // Epomen. 2021. № 55. P. 290-295.
7. Tinikashvili T.Sh. Budget policy of the municipality // Bulletin of Economic Security. 2022. №6. P. 311-316.
8. Municipal program of 12/14/2021 "Protection of Prokopyevsk residents from natural and man-made emergencies" (approved by the resolution of the administration of the municipality of Prokopyevsk, Kemerovo region dated 12/14/2021 No. 222p) // Official website of the administration of the municipality of Prokopyevsk, Kemerovo region (02.22.2025).
9. Regulations on the review-competition for the best organization of the activities of local government bodies of the Kurgan region to ensure the safety of life of the population (approved by the Resolution of the Government of the Kurgan Region dated 23.09.2013 No. 424) // Portal of the Government of the Kurgan Region (12.11.2024).

Жулина Ю.О.

Магистрант факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Пренас Н.Н.

Старший преподаватель кафедры физической культуры и спорта. ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет).

Запрометова С.А.

Старший преподаватель кафедры физической культуры и спорта. ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет).

Ценностные ориентации студентов-спортсменов как социокультурный детерминант формирования здорового общества*

Аннотация. В статье рассматриваются ценностные ориентации студентов-спортсменов как социокультурный детерминант формирования здорового общества. Анализируются ключевые моральные и социальные ценности, такие как честь, совесть, справедливость и ответственность, их влияние на личностное развитие и общественные процессы. Проведенное исследование демонстрирует, что студенты-спортсмены обладают устойчивыми моральными установками, ориентированными на честность, дисциплину, самореализацию и коллективную ответственность. Выявлена роль спорта в формировании социально зрелых граждан, способных вносить вклад в укрепление общественных норм и развитие активного гражданского общества.

Ключевые слова: ценностные ориентации, студенты-спортсмены, социальные ценности, спорт.

Zhulina J.O.

Graduate student of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University.

Prenas N.N.

Senior Lecturer of the Department of Physical Culture and Sports, St. Petersburg State Technological Institute (Technical University).

Zaprometova S.A.

Senior Lecturer of the Department of Physical Culture and Sports, St. Petersburg State Technological Institute (Technical University).

Value orientations of student-athletes as a socio-cultural determinant of the formation of a healthy society

* © Жулина Ю.О., Пренас Н.Н., Запрометова С.А., 2025.

Ценностные ориентации студентов-спортсменов как социокультурный детерминант формирования здорового общества

Abstract. The article examines the value orientations of student-athletes as a sociocultural determinant of the formation of a healthy society. The article analyzes key moral and social values such as honor, conscience, justice and responsibility, their impact on personal development and social processes. The conducted research demonstrates that student-athletes have stable moral attitudes focused on honesty, discipline, self-realization and collective responsibility. The role of sport in the formation of socially mature citizens capable of contributing to the strengthening of social norms and the development of an active civil society is revealed.

Key words: value orientations, student-athletes, social values, sports.

В современном мире спорт играет одну из ключевых ролей в социальной жизни, формируя поведенческие модели и общественные идеалы. Спорт является многогранным понятием, который включает в себя не только привычные аспекты, как соревнования, дух соперничества поражения и победы, но еще и выступает инструментом в формировании ценностей и становление личности [1]. Такие качества спортсменов как целеустремленность, усердие, честность, командный дух, уважение к соперникам воспитываются с юных лет и оказывают влияние на поведение человека.

Студенты-спортсмены – это особая социальная группа, сочетающая академическое образование и спортивное развитие, что влияет на их мировоззрение, нормы поведения и систему ценностей. Их ценности играют важную роль не только в их личностном росте, но и в формировании социальных норм. Понимание этих ценностей позволяет обществу развивать качества молодежи, которые становятся важным элементом формирования социального капитала общества.

Данная тема является актуальной так как ценностные ориентации студентов, как будущего фундамента общественного строя, во многом определяют направление социальных процессов, таких, например, как гражданская ответственность, активная позиция, профессиональная мотивация и степень вовлеченности в общественную жизнь. В условиях изменчивости общества, снижении мотивации к физической активности среди молодежи, кризиса ценностей и усиления индивидуализма, изучение студентов-спортсменов как носителей социокультурных ориентиров приобретает особую значимость. Формирование ценностных ориентаций осуществляется через освоение социально значимых мотивов, которые влияют на личностную структуру спортсмена, определяя его систему ценностей и регулируя его активность в социальных взаимодействиях.

Согласно социологическому энциклопедическому словарю Г.В. Осипова ценность рассматривается как «фундаментальные нравственные и этические нормы, выполняющие одновременно регулятивную и прогностическую функции и обеспечивающие целостность социальных систем посредством нормативного регулирования и коррекции происходящих в обществе процессов, перспектив раз вития личности и поведения людей» [2].

Ценностные ориентации позволяют рассмотреть ценности с точки зрения системы, предполагающей структурную связь или отношения между ценностями и ценностно-ориентированным субъектом, например, группой. Ценностные ориентации являются синтезом индивидуальной пси-

хологии личности и средой, в которой она находится, тем самым представляя собой уникальную форму репрезентации ценности. Изучение этого понятия носит междисциплинарный характер, им занимаются как психология, так и социология.

В широком смысле, по мнению А.Г. Здравомыслова, ценностные ориентации – «это есть установки личности на ценности материальной и духовной культуры, отражение в сознании людей ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров, основа их социальной жизни, жизненных устремлений и профессиональных амбиций» [3]. Таким образом, мы видим, что ценностные ориентации являются регулятором поведения индивида в социуме. Формируются и закрепляются они в ходе получения индивидом жизненного опыта в результате таких процессов как социализация и социальная адаптация. Тем самым обеспечивается целостность и устойчивость личности и определяются структура сознания и стратегии деятельности и общения как средства достижения целей [4].

Также спорт – инструмент социальной интеграции и социализации в целом, который способствует объединению различных социальных групп, росту толерантности и снижению уровня девиантного поведения среди молодежи. Так, исследование ценностных ориентаций студентов-спортсменов позволит глубже понять механизмы формирования здорового общества, психологическую устойчивость молодежи, и разработки эффективных социальных программ, направленных на воспитание активных, ответственных и социально ориентированных граждан. Таким образом, изучение данной темы важно не только для сферы социологии, но и для социальной и молодежной политики, направленных на повышение уровня физического и морального благополучия населения.

Студенты-спортсмены активно участвуют в социальной жизни, продвигая идеи здорового образа жизни, дисциплины и справедливости. Они становятся мотиваторами для сверстников, пропагандируя ценности честной игры, взаимоуважения и трудолюбия. Их пример вдохновляет молодежь на саморазвитие и преодоление трудностей, что важно не только в спорте, но и в любой сфере жизни. С точки зрения влияния на общество, студенты-спортсмены способствуют укреплению национального духа и патриотизма. Их успехи на соревнованиях разного уровня становятся символами достижений страны, формируют гордость за национальный спорт и мотивируют новых спортсменов к высоким достижениям. Они не только продвигают свою страну на международной арене, но и создают позитивный имидж государства.

В долгосрочной перспективе студенты-спортсмены нередко продолжают карьеру в спорте как тренеры, педагоги и менеджеры, передавая свои ценности следующим поколениям. Изучение их ценностных ориентиров играет важную роль в формировании здорового, сплоченного и социально ответственного общества [5]. Таким образом, студенты-спортсмены – это не просто молодые люди, увлекающиеся спортом, а настоящие двигатели общества и страны. Их ценности, сформированные в спортивной среде, находят отражение в жизни, политике, бизнесе и культуре, делая их важным элементом прогрессивного развития государства.

Настоящая работа направлена на анализ ключевых социальных ценно-

стей спортсменов, их значимости для воспитания молодежи и влияния на индивида и общество. В рамках исследования был проведен опрос. Выборочная совокупность составила 94 респондента: из них 52 человека мужчины и 42 – женщины. Возрастная группа от 18 до 27 лет, обучающиеся на специальностях технического и гуманитарного направления бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, занимающиеся спортом (легкая атлетика). География проведения исследования – Санкт-Петербург. Исследование носило пилотажный характер и не претендует на репрезентативность, однако в рамках проведенного исследования четко вырисовывается определенная картина индивидуально-психологических особенностей развития молодого поколения.

Анализ результатов показывает, что ключевыми ценностями студентов-спортсменов являются:

– Семья – фундаментальная социальная ценность, которая воспринимается как основа стабильности и поддержки.

– Любовь – отражает значимость эмоциональных и межличностных связей.

– Свобода – акцент на самостоятельность, право выбора и независимость.

Рис. 1. Облако тегов по результатам опроса.

– Совесть, честь, ответственность, справедливость – эти категории указывают на высокую значимость моральных норм и этических стандартов.

– Образование – ценность знаний, обучения и саморазвития, что особенно важно для студентов.

– Здоровье – как физическое, так и ментальное благополучие рассматривается как важный фактор жизнедеятельности.

– Дружба, взаимоуважение – значимость социальных связей, доверия и партнерства.

По результатам исследования мы видим, что респонденты демонстрируют ориентацию на фундаментальные общественные нормы – семья, любовь, честь, совесть. Это свидетельствует о том, что студенты-спортсмены являются носителями консервативных ценностей, ориентированных на стабильность, поддержку и моральные принципы. Такие категории, как ответственность, справедливость, честность, подчеркивают стремление к соблюдению морально-этических стандартов, что особенно важно в спортивной среде, где ценится честная конкуренция и командный дух. Присутствие понятий свободы, карьеры говорит о том, что студенты-спортсмены стремятся к независимости, развитию и достижению профессиональных и личностных целей. Упоминание здоровья и образования подчеркивает осознание важности физического и интеллектуального развития, что подтверждает комплексный подход к жизненным приоритетам.

Данные ценностные ориентации подтверждают, что спорт участвует в формировании не только физической подготовки, но и высоких моральных и социальных качеств. Ценности студентов-спортсменов отражают их приверженность принципам дисци-

плины, коллективной ответственности и социальной справедливости. Можно утверждать, что данная группа молодежи формирует устойчивые модели социального поведения, способствующие развитию здорового общества. Спорт не только укрепляет физическое здоровье, но и формирует нравственные ориентиры, воспитывает чувство ответственности и развивает социальный капитал, делая студентов-спортсменов потенциальными лидерами и активными участниками общественной жизни.

Отдельно стоит отметить такие ценности студентов-спортсменов, как честь, совесть, справедливость и ответственность. Высокий уровень моральных установок указывает на наличие внутреннего нравственного регулятора. Это значит, что респонденты ориентированы на честную борьбу, следование моральным нормам и внутреннему кодексу справедливости. В спортивной среде эти качества особенно значимы, так как честность и порядочность являются основой как индивидуальных достижений, так и командных взаимодействий.

Высокая значимость справедливости говорит о том, что студенты-спортсмены не только ценят честное соревнование, но и стремятся к равноправию в обществе. Они воспринимают успех как результат труда и стараний, а не случайного везения или привилегий. Это также отражает неприятие несправедливых социальных практик, таких как коррупция, фаворитизм и дискриминация, что особенно важно для формирования здорового общественного климата. Упоминание ответственности свидетельствует о высоком уровне самодисциплины и готовности нести обязательства перед собой, командой и обществом. Это качество особенно важно для студентов-спортсменов, поскольку оно формируется через строгий режим тренировок, необходимость соблюдения правил и умение работать в коллективе.

Совокупность этих ценностей говорит о том, что студенты-спортсмены склонны к активной гражданской позиции. Они с большей вероятностью будут отстаивать общественные интересы, соблюдать закон, участвовать в волонтерской и общественной деятельности. Это подтверждает, что спортивная среда способствует воспитанию социально зрелых и ответственных граждан, что в долгосрочной перспективе положительно сказывается на развитии общества.

Таким образом, студенты-спортсмены – важные агенты общественных изменений. Они могут стать лидерами, наставниками и примерами для подражания, способствуя развитию честного, справедливого и ответственного общества. Анализ ценностных ориентаций студентов-спортсменов показывает, что эта социальная группа обладает устойчивыми моральными установками, ориентированными на **честность, совесть, справедливость, ответственность, дисциплину и самореализацию**. Они ценят **семью, свободу, здоровье, образование и дружбу**, что свидетельствует о гармоничном сочетании личных и общественно значимых приоритетов.

В спортивной среде формируются ключевые качества, способствующие социальной интеграции: **дисциплина, командный дух, стремление к справедливости и высокая социальная ответственность**. Совокупность таких ценностей соответствуют модели активного гражданина, способного позитивно влиять на общество, продвигать идеи честной конкуренции, законности и равенства возможностей.

Список литературы

1. Панова Е.О. Повышение уровня физической подготовленности студентов как фактор приобщения к ценностям физической культуры и спорта // Теория и практика физической культуры. 2011. № 2. С. 69-72.
2. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор академик РАН Г, В. Осипов. – М.: Издательская группа ИНФРА М – НОРМА, 1998. 488 с.
3. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. – М.: Политиздат.1986.
4. Кузьмин А.М., Габдуллин Р.И., Сазонов И.Ю., Тарасевич И.В. Теоретико-методологические аспекты формирования социально-значимых ценностей спортсменов-единоборцев // Ученые записки университета Лесгафта. 2019. № 12 (178). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-aspekty-formirovaniya-sotsialno-znachimyh-tsennostey-sportsmenov-edinobortsev (Дата обращения: 07.03.2025).
5. Казанчева А.Р. Социально-педагогические условия формирования духовно-нравственных ценностных ориентаций студентов-спортсменов сборных команд вузов // ФК: ВОТ. 2023. № 4. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-pedagogicheskie-usloviya-formirovaniya-duhovno-nravstvennyh-tsennostnyh-orientatsiy-studentov-sportsmenov-sbornyh-komand (Дата обращения: 07.03.2025).

References

1. Panova E.O. Improving the level of physical fitness of students as a factor in introducing them to the values of physical culture and sports // Theory and Practice of Physical Culture. 2011. № 2. P. 69-72.
2. Sociological Encyclopedic Dictionary. In Russian, English, German, French and Czech. Editor-Coordinator Academician of the Russian Academy of Sciences G.V. Osipov. – M.: Publishing Group INFRA M - NORMA, 1998. 488 p.
3. Zdravomyslov A.G. Needs. Interests. Values. – M.: Politizdat. 1986.
4. Kuzmin A.M., Gabdullin R.I., Sazonov I.Yu., Tarasevich I.V. Theoretical and methodological aspects of the formation of socially significant values of martial arts athletes // Scientific notes of Lesgaft University. 2019. № 12 (178). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-aspekty-formirovaniya-sotsialno-znachimyh-tsennostey-sportsmenov-edinobortsev (07.03.2025).
5. Kazancheva A.R. Social and pedagogical conditions for the formation of spiritual and moral value orientations of student-athletes of national teams of universities // FC: VOT. 2023. № 4. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-pedagogicheskie-usloviya-formirovaniya-duhovno-nravstvennyh-tsennostnyh-orientatsiy-studentov-sportsmenov-sbornyh-komand (07.03.2025).

Шнайдер Ю.В.

Аспирант. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Мусабеков М.Д.

Аспирант. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Социальные лифты в новом пространстве социальной мобильности*

Аннотация. Современные процессы киберсоциализации и кибермобильности, превосходящие по своему масштабу и значимости изменения при переходе к постиндустриальному обществу XX века, существенно преобразовали формулу функционирования социальных лифтов и социальной мобильности. Осознание происходящего происходит постфактум, тогда, когда перед глазами исследователей предстает новая картина социальной реальности.

Ключевые слова: социальные лифты, естественная социализация, искусственная социализация, киберсоциализация, киберпространство социальная мобильность.

Shnaider Y.V.

Postgraduate Student. The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Musabekov M.D.

Postgraduate Student. The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Social elevators in the new landscape of social mobility

Abstract. Contemporary processes of cybersocialization and cybermobility, which surpass in scale and significance the transformations associated with the transition to a post-industrial society in the 20th century, have substantially reshaped the mechanisms of social mobility and the functioning of social elevators. The awareness of these changes often comes retrospectively — only when researchers are confronted with a new picture of social reality.

Key words: social elevators, natural socialization, artificial socialization, cybersocialization, cyberspace, social mobility.

Многочисленные исследования показывают высокую динамику изменений социального порядка и связанной с ними трансформацией традиционных стратегий профессионального и кадрового роста, а также сопутствующих им социальных рисков. Идет активный процесс старения прежних теоретиче-

* © Шнайдер Ю.В., Мусабеков М.Д., 2025.

Социальные лифты в новом пространстве социальной мобильности

ских оснований обоснования процессов социальной мобильности, а также механизмов социальных лифтов.

Ведущее положение среди противоречий устаревающих теоретических подходов сосредоточено в основаниях концепций традиционных институтов. Изменение социального пространства восходящей социальной мобильности делает востребованным теоретическое осмысление формирующихся инновационных механизмов социальных лифтов, социальных процессов, которые влияют на стратегии профессионального и кадрового роста, что изменяет и дискурс социальных рисков, порождаемых этими процессами.

Современные процессы, фиксирующие изменения в концепциях социальной мобильности и социальных лифтов, а также связанных с ними концепциях социальных рисков коррелируются через наполнение новым содержанием социальных процессов новой эпохи. В основе происходящего, согласно концепции Ж.Т. Тощенко, могут лежать «неосознанные интересы человеческого сознания, выступающие предвестником противоречий и хаоса в прошлом, настоящем и будущем в совокупности с устаревшим понятием «средний класс» [Тощенко Ж.Т. 2022].

Тема социальных лифтов и социальной мобильности активно исследуется в различных областях социальной науки, включая социологию, экономику и управление персоналом. Научные исследования можно разделить на несколько направлений.

К первому направлению относятся исследования карьеры, карьерного роста и карьерных стратегий в системе социального управления. Особое место в ряду управления процессами карьерного роста и социальных лифтов занимает рассмотрение теорий элит и элитологии как науки. В этом ряду выделяются работы А.Я. Кибанова, касающиеся субъективного основания понятия «карьера» [Кибанов, 2007]. В ряду управления процессами карьерного роста и социальных лифтов – работы посвященные теориям элит и элитологии как науки Г.К. Ашиным [Ашин, 1985]; О.В. Гаман-Голутвиной [Гаман-Голутвина, 2000], а также социологические исследования элит и правящих классов Ольги Крыштановской [Крыштановская, 2021].

Второе направление касается тематики социальной мобильности и социальных лифтов. Так, в начале прошлого века одним из первых авторов, предложивших концепцию социальной мобильности, включающую вертикальные перемещения между социальными слоями общества, был Питирим Сорокин [Сорокин, 1927]. Среди российских ученых, изучающих вопросы социальной стратификации, необходимо выделить основополагающий вклад Л.А. Беляевой [Беляева, 2005]; Т.И. Заславской [Заславская, 2003], С.Г. Кирдиной [Кирдина, 2001], В.В. Радаева [Радаев, 1996], О.И. Шкаратан [Шкаратан, 2009], Ж.Т. Тощенко [Тощенко, 2022].

В то же время отсутствуют исследования механизмов социальных лифтов в стратегиях карьерного роста сотрудников в условиях современных социальных изменений, а также связанных с данными процессами социальных рисков, продуцируемых плохо управляемыми процессами вертикальной мобильности.

Снижение эффективности работы социальных лифтов ведет к возникновению и развитию целого ряда социальных рисков. Поэтому третье направление базируется на теории социальных рисков, связанных со сменой элит, Вильфредо Парето [Pareto, 1916],

обновленной концепцией нетократии шведских ученых Александра Барда и Яна Зодерквиста [Бард, Зодерквист, 2004], пониманием социального риска и управления им в карьерных стратегиях российскими учеными В.И. Зубковым, Е.Е. Мачульской, О.Н. Мизиновой, А.Л. Благодир [Зубков, 2003]; [Мизинова, 2007]; [Мачульская, 2010]; [Благодир, 2011] и др.

Очевидно, что в современном постиндустриально-информационном мире социальная мобильность и социальные лифты, ведущие к новым высотам, социально-значимым успехам, росту социального статуса, демонстрируют новый до этого смысл и содержание. Их стремительный, инновационный алгоритм напоминает формулу М. Вебера о «появлении духа капитализма прежде чем сложились капиталистические отношения» [М. Вебер, 2003]. Таким проявлением является формирование нового «социального цифрового пространство» [Попков С.С 2020] со всеми присущими ему свойствами.

Примером развития теории является дополнение к трем основным социальным лифтам (армия, семья, церковь), выделенных в начале XX века классиком социологической мысли П. Сорокиным ряд современных [Сорокин П. 2000]. А также, рядом исследователей, новых видов киберсоциальной мобильности формирующей новые революционные по своей сути социальные лифты. Например, лифты цифровой экономики и социальной сферы. В их числе: Интернет, производство контента, интернет-технологии и IT – компании.

Исследователи трактуют социальную мобильность как изменение индивидом или группой социальной позиции, места, занимаемого в социальной структуре [Романова К. 2015]. Современной основой социальной мобильности выступает новый класс ценностей, формы и стиль общения, потребности кибербезопасности, роста и развития искусственной социальности. При этом в числе рисков эффективной социальной мобильности и функционирования социальных лифтов, согласно исследованиям в США, является уверенность 74% опрошенных о неадекватности информации о социальных процессах в социальных сетях.

Новые типы социальной мобильности созвучны новым типам социальной изменчивости и социальных лифтов**,** обусловленным симбиозом естественной и искусственной социальности. Под "социальной изменчивостью" понимается существенная модификация в социальной организации общества, изменение установленных социальных образцов поведения» [Семигин Г.Ю. 2003; Петрова С.И. Петров И.Ф. 2022].

Среди многочисленных лифтов особое положение занимают социальные лифты представительной власти. В отечественной истории «в Российской империи земские учреждения…» выступали «как социальные лифты, через которые осуществлялся переход на высший уровень управления государством» [Сенина А.В. 2023].

Механизм социального лифта — один из основных инструментов повышения качества жизнедеятельности и управления в государстве и обществе. В то же время тренд доминирующего влияния на социальные лифты «исторических типов государства и форм собственности» [К. Романова, 2015] постепенно уступает место влиянию новых социальных институтов. Трансформацию прежних систем социальных лифтов характеризует, как и в экономике, процесс «созидательного разрушения» [Й. Шумпетер 2022].

По мнению социологов, «соци-

альная революция, трансформируя общественную структуру, разрушает существующие лифты социальной мобильности. При этом, ряд исследователей считают, что каждая новая революция создает свой лифт, который работает на слом старой системы. С окончанием слома старой системы перестает работать и революционный лифт» [Захарова 2018]. Современную социальную мобильность посредством социальных лифтов характерезует снижение социальной устойчивости взаимодействующих сторон, **ценностный сдвиг,** которые американский социолог Р. Инглехарт определяет, как «бесшумную революцию».

Наряду с этой тенденцией, более часто фиксируется проявление противоречия, подтвержденное в ходе многочисленных эмпирических исследований, отраженное в концепции солидаризма Э. Дюркгейма и индивидуализмом Л. Вирта, Г. Зиммеля. Именно это противоречие во многом является движущей силой и мотивом стать капитаном социального лифта.

Социальные лифты характеризует и определяет новое качество социальной общности и ее организации. Оно проявляет себя в новых видах социальной стратификации, цифровой социальной иерархии и неравенстве, возникновении и расширении новых виртуальных устойчиво-неустойчивых связей и отношений, социальной мобильности и социальной дистанции, размещении социальных групп в социальном пространстве, а также соотношении его форм (активной, пассивной, смешанной), их рационализации и упорядочивании посредством современных IT-технологий.

Одной из особенностей современных социальных лифтов стала связь с новыми цифровыми технологиями, новыми условиями саморазвития личности, уровнем знаний, умений и навыков в информационной среде. Характерной чертой современных социальных лифтах выступает новая коммуникация с обновленной системой ценностей. При этом, если придерживаться теории М. Рокича, то наиболее существенная, устойчивая роль ценностей связана с теми ценностями, которые либо находятся в верху рейтинга, либо в его конце.

Современные социальные лифты характеризуются, по мнению одних исследователей, более быстрым, а в ряде случаев молниеносным повышением социального статуса. Для других — возрастанием степени риска, связанного с резкой сменой социального статуса в случае недоучета потенциала цифровой социальности, недостаточной цифровой компетентности.

Причины изменения системы социальных лифтов лежат в изменении социокультурной системы в истории человечества под влиянием изменения окружающей социальной среды. Современные социальные лифты обладают общим континуумом свойств, не присущих ни одной из формирующих его взаимодействующих дискретных единиц, ни сумме свойств их компонентов.

Сегодня на цифровой экосистемной платформе в России объединены множество проектов, каждый из которых является социальным лифтом. В их числе: «Лидеры России», «Герои России», «Моя страна — моя Россия» [Фролов, Соколов, Палагичева, 2023]. Свое активное развитие идеи современных социальных лифтов нашли во многих странах. Так, например, в Республике Казахстан развитие получили множество социальных проектов, являющихся по своей сути социальными лифтами. Среди них Г. Халикова, науч-

ный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, в числе эффективных социальных лифтов называет институт волонтерства [Халикова Г. 2023].

В тоже время, с позиции сопоставления социальной динамики и стабильности, китайский исследователь У Яао, обращая внимание на глобальные процессы социальной мобильности и изменений в социальных лифтах в мире, отмечает, что при тысячелетней сложной истории Китая, согласно оценкам видных ученых Цинь Гуантао и Ли Цинфэнь поднебесная обладает «суперстабильной системой» [Яао У].

В России традиционные механизмы социальных лифтов трансформируются под противоречивым влиянием масштабных демократических преобразований в стране, с одной стороны, а с другой, благодаря усилению воздействий руководства страны по формированию кадрового корпуса новой формации, вызванных наступлением технологических укладов, высокой динамикой социальных изменений и связанных с ними социальных рисков.

Один из подходов управления современными механизмами социальных лифтов — расширение социальной базы претендентов с применением современных сетевых технологий, открывающее элитность среды. На этой теоретической основе выявлено появление перспективных инновационных социальных лифтов в России и их влияние на снижение социальных рисков, в том числе: а) бывшие военнослужащие, героически доказавшие преданность Родине и продемонстрировавшие деловые качества и способность к управлению в кризисных условиях (механизм «СВО и Герои России»); б) молодые, талантливые претенденты, обладающие нетократическим потенциалом, выпускники творческих проектов экосистемы «Россия — страна возможностей» (механизм «Социальные лифты в условиях экосистем и цифровых платформ»).

Руководство Российской Федерации активно внедряет новые механизмы социальных лифтов. Одним из конкретных механизмов выступает программа для участников специальной военной операции «Время героев», созданная по поручению президента России В.В. Путина. Она предполагает подготовку «высококвалифицированных, компетентных руководителей из числа участников СВО для последующей работы в органах государственной и муниципальной власти, а также государственных компаниях» [Путин В.В. 2024].

Отечественные исследователи фиксируют заинтересованность власти и населения в формировании элиты нового типа из числа граждан, доказавших свою деловую состоятельность, патриотизм и преданность Родине, «которые не боятся трудностей и препятствий и умеют с ними справляться», ярко проявляется в текстах комментариев-реакций на новость о данной инициативе.

В тоже время, особенности новой социальной мобильности отмечают, что «отдельные категории граждан, оказавшись на “верхнем уровне социального лифта”, оказываются не готовы к своему новому социальному статусу в обществе и адекватному восприятию самих себя в новых “социальных реалиях”. Их личностное и профессиональное развитие не успевает за стремительно меняющимся «качественно новым» уровнем их жизни» [Попков С.С. 2020]. Примерами множества стремительного вознесения на верхние уровни «социального лифта, а затем катастрофического падения особенно отличается блогосфера.

В современных условиях возникает потребность в формулировании новых теоретических подходов к управлению современными механизмами социальных лифтов. В первую очередь в связи с изменением главного смыслового значения, т.е. перенаправлением целевого ориентира с достижения позиции во властной вертикали на позицию полноценной реализации себя как социально значимой личности. На этой теоретической основе возможно более полное раскрытие содержания инновационных составляющих механизмов социальных лифтов, как каналов восходящей мобильности во властной вертикали, так и каналов, независимых от занимаемой должности. Каналов, формирующих более высокий статусный потенциал в социуме и бизнесе через самореализацию, самоорганизацию и сетевое влияние на общество. Например: фрилансеры, лидеры общественного мнения, блогеры (механизмы «Социальные лифты в условиях экосистем и цифровых платформ», «Современный бизнес как социальный лифт», «Малый бизнес, предпринимательство, самозанятость и фриланс»).

Список литературы

1. Ашин Г.К. Современные теории элиты: критический очерк. – М.: Международные отношения. 1985. 256 с.
2. Бард А., Зодерквист Я. Netократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / Перевод с шведского языка. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
3. Беляева Л.А. Социальные слои в России: опыт кластерного анализа // Социологические исследования. 2005. № 12 (260). С. 57-64.
4. Благодир А.Л. Социальные риски как обстоятельства, влекущие возникновение социально-обеспечительных отношений // Социальное и пенсионное право. 2011. № 1. С. 5-12.
5. Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис: Политические исследования. 2000. № 3. С. 97-103.
6. Заславская Т. Образование и карьерные перспективы в постсоветской России. Издательство Московского университета, 2003.
7. Захаров Н.Л., Перфильева М.Б., Захаров Д.Н., Сигов В.И. Социальный лифт революции 1917 года // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018.
8. Зубков В.И. Социологическая теория риска. – М.: Изд-во РУДН, 2003.
9. Кибанов А.Я. Основы управления персоналом. 2-е изд., доп. и перераб. – М.: ИНФРА-М., 2007. С. 295.
10. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН. 2001. 305.
11. Крыштановская О. В., Лавров И. А. Политическая карьера для поколения интернета // Цифровая социология. 2021. Т. 4. № 4. С. 18-27.
12. Мачульская Е.Е. Право социального обеспечения. – М.: Юрайт, 2010.
13. Петрова С.И., Петров И.Ф Проблема социальной изменчивости // Миссия конфессий. 2022.
14. Попков С.С. и др. Система социальных лифтов и социальных лестниц в цифровом пространстве: уровни и ступени спусков и подъемов, механизм работы и инструменты развития, надпрофессиональные навыки и личностные характеристики, современные тренды, кадровая политика// Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 4. С. 18-28.
15. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. – М.: Аспект Пресс. 1996. 318 с.
16. Романова К.С. Социальные лифты как средство социальной мобильности // Дискурс-Пи. 2015.
17. Сенина А.В., Тургенев Е.Г. Земские учреждения как социальные лифты: вертикальная мобильность из земств в высшие представительные органы законодательной власти в поздней российской империи // Вестник Пермского государственного университета. 2023. № 4 (63). С. 161-177.
18. Сергеева Е.В. Основные каналы рекрутирования региональной политической элиты (на примере депутатов саратовской областной думы) // Молодежная политическая наука в Саратове. 2020. С. 101-106.
19. Сорокин Питирим. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ., СПБ6ЕХГИ, 2000. 10056. С. 747-748.
20. Вебер М. Социологическая энциклопедия: В 2 т.Т.1 / Национальный общественно-научный фонд / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; Главный редактор В.Н. Иванов. – М.: Мысль, 2003 С.481.
21. Тощенко Ж.Т. Эволюция идей социальной структуры российского общества // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 62-73.
22. Шкаратан О.И. Сущность и функции социальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 3. С. 43-66.
23. Халикова Г. «Социальные лифты» - реальная возможность для целеустремленной молодежи Казахстана // КАЗИНФОРМ. 2023.
24. Шумпетер Й. Теория экономического развития: Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и конъюнктуры. Пер. с нем. / Под науч. ред. и со вступит. Ст. В.С. Автономова. Изд. 3-е. – М.: ЛЕНАНД, 2022. 400 с.
25. Яао У. Особенности динамики социальной стратификации современного китайского общества // Дис. на соиск. уч. ст. к.с.н. 2018.
26. Pareto, Vilfredo. Trattato di Sociologia Generale. G. Barbèra, 1916.

References

1. Ashin G.K. Modern Theories of the Elite: A Critical Essay.

– Moscow: International Relations. 1985. 256 p.
2. Bard A., Soderqvist J. Netocracy. The New Ruling Elite and Life after Capitalism / Translated from Swedish. St. Petersburg: Stockholm School of Economics in St. Petersburg, 2004. 252 p.
3. Belyaeva L.A. Social Strata in Russia: An Experience of Cluster Analysis // Sociological Research. 2005. № 12 (260). P. 57-64.
4. Blagodir A.L. Social Risks as Circumstances Entailing the Emergence of Social Security Relations // Social and Pension Law. 2011. № 1. P. 5-12.
5. Gaman-Golutvina O.V. Definition of the Basic Concepts of Elitology // Polis: Political Studies. 2000. № 3. P. 97-103.
6. Zaslavskaya T. Education and Career Prospects in Post-Soviet Russia. Moscow University Publishing House, 2003.
7. Zakharov N.L., Perfil'eva M.B., Zakharov D.N., Sigov V.I. Social Lift of the 1917 Revolution // Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics. 2018.
8. Zubkov V.I. Sociological Theory of Risk. - M.: RUDN University Press, 2003.
9. Kibanov A.Ya. Fundamentals of Personnel Management. 2nd ed., supplemented. and revised. – M.: INFRA-M, 2007. P. 295.
10. Kirdina S.G. Institutional Matrices and the Development of Russia. Novosibirsk: IE i OPP SB RAS. 2001. 305.
11. Kryshtanovskaya O.V., Lavrov I.A. Political career for the Internet generation // Digital sociology. 2021. Vol. 4. № 4. P. 18-27.
12. Machulskaya E.E. Social security law. – M.: Yurait, 2010.
13. Petrova S.I., Petrov I.F. The problem of social variability // The mission of confessions. 2022.
14. Popkov S. S. et al. The system of social elevators and social ladders in the digital space: levels and steps of descents and ascents, the mechanism of work and development tools, supra-professional skills and personal characteristics, modern trends, personnel policy // Problems of Economics and Legal Practice. 2020. Vol. 16. № 4. P. 18-28.
15. Radaev V.V., Shkaratan O.I. Social stratification. – M.: Aspect Press. 1996. 318 p.
16. Romanova K.S. Social elevators as a means of social mobility // Discourse-Pi. 2015.
17. Senina A.V., Turgenev E.G. Zemstvo institutions as social elevators: vertical mobility from zemstvos to the highest representative bodies of legislative power in the late Russian empire // Bulletin of Perm State University. 2023. № 4 (63). P. 161-177.
18. Sergeeva E.V. The main channels for recruiting the regional political elite (on the example of deputies of the Saratov Regional Duma) // Youth political science in Saratov. 2020. P. 101-106.
19. Sorokin Pitirim. Social and cultural dynamics. The study of changes in large systems of art, truth, ethics, law and public relations / Translated from English, SPb6EKhGI, 2000. 10056. P. 747-748.
20. Weber M. Sociological encyclopedia: In 2 volumes. T. 1 / National social and scientific foundation / Head of the scientific project G.Yu. Semigin; Editor-in-chief V.N. Ivanov. – M.: Mysl, 2003 P. 481.
21. Toshchenko Zh.T. Evolution of ideas of the social structure of Russian society // Sociological studies. 2022. № 10. P. 62-73.
22. Shkaratan O.I. The essence and functions of social stratification // Journal of sociology and social anthropology. 2009. Vol. 12. № 3. P. 43-66.
23. Khalikova G. "Social lifts" - a real opportunity for the goal-oriented youth of Kazakhstan // KAZINFORM. 2023.
24. Schumpeter J. Theory of economic development: A study of entrepreneurial profit, capital, credit, interest and market conditions. Transl. from Germ. / Under the scientific editorship and introduction. Art. V.S. Avtonomov. 3rd ed. – M.: LENAND, 2022. 400 p.
25. Yao W. Features of the dynamics of social stratification of modern Chinese society // Dis. for dis. student. candidate of social sciences 2018.
26. Pareto, Vilfredo. Trattato di Sociologia Generale. G. Barbera, 1916.

Аннотации

Сторчак В.М.
Авакян Д.А.
Огородникова О.А.

Феномен апостольства в культуре советской гражданской религии

В статье исследуется вопрос соотнесения религиозных и квазирелигиозных, а точнее, содержаний советской гражданской религии. В последнее десятилетие понятие «гражданская религия» и связанные с ней синонимы стали объектом активного изучения как в зарубежной, так и в отечественной гуманитарной науке: философии, религиоведения, истории, социологии. Многие исследователи находят много аналогий в этом аспекте между христианством и советской квазирелигией. В представленной работе такого рода аналогии касаются в основном двух аспектов: взаимосвязи образов Христос-Ленин и феномен апостольского служения как в христианском, так и в советском культурном, в большей степени литературном, отображении последователей того или иного учения.

Ключевые слова: апостольство, христианство, гражданская религия, литература, культура, Христос, Ленин, роман, стихотворение.

Ма Ян

Возрождение джазового саксофона в Китае в эпоху «реформ и открытости»

Статья посвящена возрождению в 1980-1990-е годы в КНР джазового саксофона. Автор указывает на трудности, сопровождавшие данный процесс. Выявлены ключевые фигуры, заложившие основы современного развития китайского саксофонного джаза. Также определены основные факторы будущего развития в Китае джазового саксофона: исполнительство, международный обмен, аудиозаписи, инфраструктура, образование.

Ключевые слова: саксофон, джаз, жёлтая музыка, Лю Юань, Лу Тинцюань, Ду Иньцзяо, китайская музыка, музыка XX века.

Рыжова В.А.

Легитимность харизматического политика и способы его персонификации в современных политических условиях (на материале российского и китайского лингвокультурологического сообщества)

На сегодня политологические и лингвокультурологические исследования существуют, практически, в непересекающихся плоскостях. Вместе с тем, уже в гипотезе лингвистической относительности (Э. Сэпира и Б. Уорфа) показывается, что именно языковая картина мира конструирует систему детерминаций, приводящих именно к такому поступку, такой коммуникации и т.д. В настоящей работе мы попытаемся показать, как модель харизматичного политика, выдвинутая классиком обществознания М. Вебером, может быть дополнена и аргументирована средствами лингвокультурологии. Мы исходим из того, что национальная мифологема, понимаемая как устойчивый конструкт, на котором базируется национальное мировоззрение, закрепляется в языке. Закрепившись, она начинает оказывать мощнейшее воздействие и на поведение лидера, и на систему коллективных действий. Для анализа таких устойчивых конструктов выбраны лингвокультурологические сообщества России и Китая. Однако начнем все же с анализа концепции М. Вебера о политике как призвании и как профессии.

Ключевые слова: харизматический политик, персонификация, мифологема, идеологема.

Козыренко Н.Е.
Козыренко И.С.

Профессиональная архитектура в стиле китайское барокко (Харбин)

В статье рассматривается вопрос об авторстве сооружений в стиле китайского барокко, построенных в начале XX в. в китайском городе Харбина. Сегодня данному стилю уделяется большое внимание и в том числе авторству исторических архитектурных памятников [1]. Данная тема актуализировалась в связи с реконструкцией района Дао Вай (Фудзядьзянь), с восстановлением разрушенных объектов и со строительством новых зданий в аналогичном стиле. Основным методом исследования были натурные обследования объектов, которое проводилось с 2002 г. К основным результатам исследования относятся электронные обмеры крупных объектов, систематизация полученных материалов, архитектурный, композиционный анализы фасадов сооружений и семантический анализ декоративных деталей.

Анализ 54 объектов позволили прийти к выводу, что это не народная архитектура, которую разра-

ботали китайские ремесленники. Это профессиональная архитектура с ярко выраженными стилистическими признаками. Авторами проектов сооружений в стиле китайского барокко были российские архитекторы, которые в это время работали в Харбине. Именно они определили генетический код стиля, который раскрывается через архитектурные детали, обладающих благопожелательной символикой.

Ключевые слова: реконструкция, китайское барокко, архитектура, стиль, среда, функции, композиция, детали, символы.

Васильева О.А.
Зюзина И.С.

Художественные образы произведений искусства как элемент разработки рекламной кампании

В статье рассматривается образно-эстетическая составляющая современной рекламы, выявляется ее специфика и исследуется трансформация художественных образов в рекламе. Целью данной работы является выявление особенностей использования образов художественной культуры при разработке рекламной кампании. Основной фокус направлен на исследование инструментария искусства в конкретных примерах рекламной практики. Результатом стали рекомендации относительно применения художественных образов при разработке креативной концепции рекламной кампании для усиления позиционирования бренда, создания эмоциональной связи с целевой аудиторией и достижения наибольшей эффективности коммуникации.

Ключевые слова: образность рекламы, трансформация художественных образов, инструментарий искусства, реклама как искусство, эффективность рекламной кампании.

Кудряшова Е.В.

Субъект познания в естествознании и современный дискурс

В статье рассматриваются основные нормы познания в естествознании. Наиболее удобным для анализа познания в естественнонаучной сфере представляется понятие дискурса, сочетающего в себе внутридисциплинарные нормы получения знания и социальные ожидания эффективности его результата. Нормы получения знания формируются в процессе обучения и регулируются познавательным сообществом, главным образом на этапе оценки знания. В случае соблюдения дискурса, построенного по строгим правилам соответствующей науки, знание может транслироваться, в случае его эффективности – использоваться в технической и инженерной деятельности. Дискурс естественнонаучного познания регулируется также социальными ожиданиями. Современный социальный запрос требует оценивать знание как «инновационное» или способное привести к «новационному» результату. Современные эпистемологи активно внедряют понятие инновационности в исследования, в том числе это понятие можно встретить в истории физики.

Ключевые слова: субъект познания, дискурс, познавательное сообщество, конвенция, инновация, новационное знание.

Ефимова Л.Н.
Шехирева Н.А.
Александрова Е.В.
Тростина К.В.

«Хроники Нарнии» как духовное завещание Клайва Стейплза Льюиса (1898-1963 гг.)

Актуальность исследования обусловлена тем, что в нем предпринята попытка анализа художественных особенностей, жанрового своеобразия и проблематики одного из значимых и монументальных произведений Клайва Стейплза Льюиса «Хроники Нарнии», написанного в поздний период творчества писателя (1950-1956 гг.). В связи с этим цели данной статьи – рассмотреть сказочный мир К.С. Льюиса и традиции английской литературной сказки; жанр фэнтези как смыслообразующий, а также нравственную проблематику: евангельские ценности – основополагающие в раскрытии характеров героев, их духовно-нравственной эволюции; вместе с тем привести оценку отечественных и зарубежных критиков новаторских тенденций писателя как создателя нового синтетического жанра в рамках литературы для детей и определить место произведения в художественной мысли XX века в целом.

Ключевые слова: нравственный и духовный поиск, богопознание, жанровая структура, философско-религиозные воззрения, христианское фэнтези, духовное наследие, библейская история, английская литературная сказка.

Барковский Е.С.
Данакин Н.С.

Поведение персонала организации в проблемной ситуации

В данной статье представлены результаты авторского социологического исследования «Практика постановки и разрешения социальных проблем», проведенного в органах государственного и муниципального управления, социальной защиты, в высших и общеобразовательных учебных заведениях. Опрошено 505 респондентов. Исследование проводилось в трех регионах: г. Москва, Белгородская и Тульская области.

Ключевые слова: поведение, проблемная ситуация, персонал организации, успешность решения проблем, трудные жизненные ситуации.

Конев И.В.
Знахарчук Ф.Р.

Мотивационно-ресурсное обеспечение социального управления

В данной статье представлены результаты социологического опроса, проведенного среди вузовских преподавателей и педагогов, государственных и муниципальных служащих и социальных работников. Предмет опроса – анализ и оценка мотивационно-ресурсного обеспечения социального управления в различных типах организаций (государственных, муниципальных, социальных, вузовских и школьных).

Ключевые слова: мотивация, ресурсы, проблема, социальная проблема, достаточность/недостаточность ресурсов, социальное управление, эффективная мотивация, постановка проблемы.

Упоров И.В.
Казанков В.Ю.

Уголовно-правовое регулирование ответственности за разбой в советском государстве

Преступления против собственности стали совершаться еще в глубокой древности, тогда же государство определяло меры по защите собственности от общественно опасных посягательств. Постепенно, по мере социально-экономического развития человеческого сообщества, преступления против собственности стали разделяться на виды в зависимости от способа их совершения, в том числе был обособлен разбой, связанный с хищением чужого имущества с применением насилия, опасного для жизни и здоровья. В России законодатель в различные исторические эпохи определял различные признаки данного общественно опасного деяния. В статье рассматриваются особенности уголовно-правового регулирования ответственности за разбой в советском государстве. Соответственно рассматриваются нормы советских уголовных законов, и прежде всего УК РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг., а также научные труды, в которых затрагивается заявленная тема. Делаются авторские обобщения.

Ключевые слова: советское государство, преступления против собственности, разбой, кодекс, насилие, собственность.

Бормотова Т.М.
Макаров В.В.

Управление развитием социального капитала территории

В статье рассматривается концепция управления социальным капиталом как ключевого фактора устойчивого развития регионов. Социальный капитал представляет собой совокупность социальных связей, норм и доверия, которые способствуют снижению транзакционных издержек и укреплению социальной сплочённости. В условиях глобализации значимость социального капитала возрастает.

Авторы анализируют концепции Пьера Бурдье, Роберта Патнэма и Джеймса Коулмана, выделяя структурные и функциональные аспекты социального капитала. Особое внимание уделяется роли социального капитала в формировании местных сообществ, стимулировании экономического роста и инноваций.

На уровне регионов управление социальным капиталом предполагает вовлечение граждан через общественные слушания и советы, поддержку волонтёрской деятельности и некоммерческих организаций, что способствует повышению прозрачности власти и гражданской ответственности.

Статья раскрывает механизмы управления социальным капиталом, такие как вовлечение граждан, развитие волонтёрства и создание институциональной среды для поддержки некоммерческих организаций.

Ключевые слова: социальный капитал, управление развитием, территория, местные сообщества, некоммерческие организации, устойчивое развитие.

Беликова Е.В.
Батяркина В.А.
Миронова К.В.
Нобатгелдиева Ч.Д.

Анализ социально-экономических факторов в Республике Мордовия и распространенность железодефицитной анемии среди беременных женщин

Одним из направлений политики в России является увеличение рождаемости, повышение благосостояния граждан. Проблема анемии во время беременности до настоящего времени остается актуальной, так как она негативно отражается на здоровье матери и ребенка. Остаются высокими показатели встречаемости этой патологии среди женского населения. Большое значение в возникновении и развитии данного заболевания играют социально-экономические факторы. В данной статье приводится анализ таких показателей в Республике Мордовия как народонаселение, естественное движение населения, основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения, структура потребительских расходов домашних хозяйств в Республике Мордовия. Приводится ряд мер для улучшения медицинского обслуживания женщин в Республике Мордовия в рамках национального проекта "Здравоохранение".

Ключевые слова: железодефицитная анемия, беременность, ребенок, народонаселение, естественное движение населения, социально-экономические индикаторы уровня жизни населения.

Калинин Н.А.

Основные аспекты формирования социокультурной инклюзивной среды

В статье рассматриваются основные теоретические аспекты формирования инклюзивной социокультурной среды как необходимого условия для полноценного развития и участия в жизни общества людей с ограниченными возможностями здоровья. Дается определение понятия «инклюзивная социокультурная среда», рассматриваются предпосылки ее возникновения и причины необходимости формирования. Акцентировано внимание на многоаспектном характере процесса развития инклюзивной среды и необходимости системных преобразований во всех сферах жизни общества для обеспечения равных возможностей представителей всех групп населения.

Ключевые слова: Инклюзивная социокультурная среда, инвалидность, ограниченные возможности здоровья, инклюзивное образование, доступность, равные возможности, социализация, толерантность, права человека, интеграция.

Подчуфаров И.
Потемкина Ю.

Управление миграционными потоками на федеральном и региональном уровнях – сравнительный анализ инструментов политики и практик в России, США и Китае

В условиях интенсификации глобальных миграционных процессов особую актуальность приобретает сравнительный анализ механизмов управления миграционными потоками на федеральном и региональном уровнях в крупнейших государствах мира. Настоящее исследование представляет комплексный компаративный анализ инструментов миграционной политики и правоприменительных практик России, США и Китая за период 1975-2023 гг. На основе многоуровневого методологического подхода, сочетающего количественные и качественные методы, проанализированы ключевые параметры миграционных систем трех стран, включая законодательную базу, институциональные структуры, правоприменительные практики и методы контроля миграционных потоков. Исследование выявило существенные различия в системах управления миграцией, обусловленные историческими, политическими и социально-экономическими факторами. Установлена корреляционная зависимость между степенью децентрализации миграционной политики и эффективностью регионального управления миграционными потоками ($r=0,78$, $p<0,001$). Разработана комплексная модель оценки эффективности миграционной политики, учитывающая 27 параметров и позволяющая прогнозировать результативность миграционных стратегий с точностью до 83,4%. На основе полученных данных сформулированы рекомендации по оптимизации федеральных и региональных инструментов управления миграцией, включая внедрение дифференцированных подходов к различным категориям мигрантов и усиление межведомственной координации. Результаты исследования имеют теоретическую значимость для развития компаративистики в области миграциологии и практическую ценность для совершенствования миграционной политики.

Ключевые слова: миграционная политика, федеративные отношения, региональное управление, компаративный анализ, институциональные механизмы, правоприменительные практики, миграционная эффективность.

Калинин Н.А.

Феномен инклюзивности в социальном театре

Статья посвящена анализу феномена инклюзивности в социальном театре. Рассмотрены теоретические основы инклюзии и социального театра, раскрыта роль театральных практик в социальной интеграции людей с инвалидностью. Автор анализирует российские и международные кейсы, показывающие успешность и многообразие инклюзивных проектов, а также описывает влияние инклюзивного театра на личностный рост участников, укрепление социальных связей и трансформацию общественного сознания. Сделан вывод о значительном потенциале инклюзивного театра как механизма социальных и культурных изменений, подчёркнута необходимость дальнейшего развития этого направления в рамках культурной политики и образовательных программ.

Ключевые слова: инклюзивность, социальный театр, инклюзивный театр, социальная интеграция, театральная педагогика, социальные изменения, инвалидность, дестигматизация, культурная политика, социальная терапия.

Смеричевский Э.Ф.
Коржова Д.А.

Надпрофессиональные навыки и компетенции
профессий будущего на современном рынке труда

В настоящей работе обозначены проблемы, перспективы, динамика рынка труда для молодёжи в регионе. Отмечены местные различия, факторы, повлиявшие на их формирование. Анализируются определенные тренды изменения характера современных профессий. Определено, что появление профессий будущего, а также систем надпрофессиональных навыков, необходимых для современных профессий. Выявлены проблемы моделирования профессий будущего, а также определены перспективы изменения спроса на профессии и навыки.

Ключевые слова: социальное развитие, молодежь, социальные страты, профессии будущего, надпрофессиональные навыки, многомодальность.

Степнова Л.А.
Афганьяр М.

Образовательная миграция среди мусульманских женщин
Афганистана: политико-социологические аспекты проблемы

В статье рассматриваются политико-социологические аспекты проблемы неготовности стран с доминирующей исламской традицией к интеграции женщин, получивших образование за границей, в социальную и профессиональную среду своей страны, что будет увеличивать потенциал социального конфликта в обществе и способствовать дальнейшему нарастанию социально-политической напряженности. Выделены основные социально-политические факторы «выталкивания», влияющие на образовательную миграцию женщин Афганистана: повторяющаяся в истории страны политическая нестабильность; связанная с этим утрата исторических традиций мусульманского образования, включающего разносторонне гуманитарного и естественно-научное образование; стигматизация женщин-мусульманок, получивших образование за границей и невозможность их профессиональной и личностной самореализации на родине. Обозначены социально-политические предпосылки конструктивного решения проблемы адаптации в афганистанском обществе мусульманских женщин, получивших образование за рубежом: использование и развитие мирового опыта «исламского феминизма», как фактора модернизации исламского общества; понимание образовательная миграции как инвестиции в экономическое и политическое развитие общества.

Ключевые слова: образовательная миграция, исламский феминизм, образовательная мобильность мусульманок, гендерное неравенство.

Шепелева Л.С.

Стимулы и мотивация обучения студентов:
исследование и стратегия улучшения производительности учебного процесса

В статье анализируются основные элементы стимулирования и мотивационных факторов в рамках академической деятельности студентов, что представляет собой ключевую проблематику в нынешнем образовательном контексте. Осмысление данных категорий критически важно для создания высокоэффективных учебных программ и формирования стратегий по улучшению учебных достижений.

Исследование направлено на идентификацию переменных, оказывающих влияние на мотивацию к обучению, и разбор методов их использования для наращивания продуктивности образовательного процесса. Анализ уделяет внимание таким ключевым элементам, как эффект квалификации и методов преподавания преподавателей на интерес студентов к обучению, значимость качества и доступности учебных ресурсов, а также влияние социальной поддержки и качества взаимоотношений между студентами и учебным персоналом на академический энтузиазм. Методологический подход данного исследования уникален тем, что опирается на совокупность качественных и количественных исследовательских методов, обеспечивая комплексный анализ мотивационных факторов. Анализ собранных данных позволит сформулировать целенаправленные методические рекомендации для педагогов и образовательных институтов, способствующие более точному соответствию учебных подходов потребностям студентов, ведущее к совершенствованию образовательной динамики и укреплению образовательной инфраструктуры.

Ключевые слова: учащиеся, достижение индивидуальных целей, стремление к знаниям, развитие внутренних способностей, мотивационные факторы образовательного процесса.

Упоров И.В.

Муниципальные программы по обеспечению безопасных условий жизнедеятельности населения: правовой и методологический аспекты

Одно из важнейших направлений деятельности исполнительных структур публичной власти всех уровней (федерального, регионального и муниципального) является обеспечение безопасных условий жизнедея-тельности населения. В статье рассматриваются особенности реализации этого направления местных администраций муниципальных образований посредством принятия муниципальных целевых программ. Отмечается, что эта деятельность органов местного самоуправления является обязательной и включает в себя ряд вопросов местного значения, предусмотренных ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Анализируются ряд соответствующих муниципальных программ, обосновываются предложения по совершенствованию их содержание и повышению эффективности.

Ключевые слова: местное самоуправление, безопасные условия жизнедеятельности населения, целевая программа, бюджет.

Жулина Ю.О.
Пренас Н.Н.
Запрометова С.А.

Ценностные ориентации студентов-спортсменов как социокультурный детерминант формирования здорового общества

В статье рассматриваются ценностные ориентации студентов-спортсменов как социокультурный детерминант формирования здорового общества. Анализируются ключевые моральные и социальные ценности, такие как честь, совесть, справедливость и ответственность, их влияние на личностное развитие и общественные процессы. Проведенное исследование демонстрирует, что студенты-спортсмены обладают устойчивыми моральными установками, ориентированными на честность, дисциплину, самореализацию и коллективную ответственность. Выявлена роль спорта в формировании социально зрелых граждан, способных вносить вклад в укрепление общественных норм и развитие активного гражданского общества.

Ключевые слова: ценностные ориентации, студенты-спортсмены, социальные ценности, спорт.

Шнайдер Ю.В.
Мусабеков М.Д.

Социальные лифты в новом пространстве социальной мобильности

Современные процессы киберсоциализации и кибермобильности, превосходящие по своему масштабу и значимости изменения при переходе к постиндустриальному обществу XX века, существенно преобразовали формулу функционирования социальных лифтов и социальной мобильности. Осознание происходящего происходит постфактум, тогда, когда перед глазами исследователей предстает новая картина социальной реальности.

Ключевые слова: социальные лифты, естественная социализация, искусственная социализация, киберсоциализация, киберпространство социальная мобильность.

Abstracts

Storchak V.M.
Avakyan D.A.
Ogorodnikova O.A.

The phenomenon of apostleship in the culture of soviet civil religion

The article explores the issue of correlation of religious and quasi-religious, or rather, the contents of the Soviet civil religion. In the last decade, the concept of "civil religion" and related synonyms have become the object of active study in both foreign and domestic humanities: philosophy, religious studies, history, and sociology. Many researchers find many analogies in this aspect between Christianity and the Soviet quasi-religion. In the presented work, such analogies relate mainly to two aspects: the relationship between the images of Christ and Lenin and the phenomenon of apostolic ministry in both Christian and Soviet cultural, and to a greater extent literary, representations of followers of a particular teaching.

Key words: apostleship, Christianity, civil religion, literature, culture, Christ, Lenin, novel, poem.

Ma Yang

The revival of jazz saxophone in China in the era of "reform and opening up"

The article is devoted to the revival of jazz saxophone in the 1980-1990s in China. The author points out the difficulties that accompanied this process. The key figures who laid the foundations for the modern development of Chinese saxophone jazz are identified. The main factors of the future development of jazz saxophone in China are also determined: performance, international exchange, audio recordings, infrastructure, and education.

Key words: saxophone, jazz, yellow music, Liu Yuan, Lu Tingquan, Du Yinjiao, Chinese music, 20th century music.

Ryzhova V.A.

The legitimacy of a charismatic politician and the ways of his personification in modern political conditions (based on the Russian and Chinese linguacultural community)

Today, political science and linguistic and cultural studies exist, practically, in disjoint planes. At the same time, it is already shown in the hypothesis of linguistic relativity (E. Sapir and B. Whorf) that it is the linguistic picture of the world that constructs a system of determinations leading to just such an act, such communication, etc. In this paper, we will try to show how the model of a charismatic politician, put forward by the classic of social studies M. Weber, can be supplemented and argued by means of linguoculturology. We proceed from the fact that the national mythologeme, understood as a stable construct on which the national worldview is based, is fixed in the language. Once established, it begins to have a powerful impact on both the behavior of the leader and the system of collective actions. The linguistic and cultural communities of Russia and China have been selected to analyze such stable constructs. However, let's start with an analysis of M. Weber's concept of politics as a vocation and as a profession.

Key words: charismatic politician, personification, mythologeme, ideologeme.

Kozyrenko N.E.
Kozyrenko I.S.

Professional architecture in the Chinese baroque style (Harbin)

The article examines the question of the authorship of the Chinese Baroque buildings built in the early twentieth century in the Chinese city of Harbin. Today, much attention is paid to this style, including the authorship of historical architectural monuments [1]. This topic has become relevant in connection with the reconstruction of the Dao Wai district (Fujiajian), the restoration of destroyed facilities and the construction of new buildings in a similar style. The main research method was field surveys of objects, which have been conducted since 2002. The main research results include electronic measurements of large objects, systematization of the obtained materials, architectural and compositional analyses of facades of structures and semantic analysis of decorative details. An analysis of 54 objects led to the conclusion that this is not a folk architecture that was developed by Chinese artisans. This is a professional architecture with pronounced stylistic features. The authors of the Chinese Baroque buildings were Russian architects who were working in Harbin at the time. It was they who determined the genetic code of the style, which is revealed through architectural details with benevolent symbols.

Key words: reconstruction, Chinese Baroque, architecture, style, environment, functions, composition, details, symbols.

Vasilyeva O.A.
Zyuzina I.S.

Artistic images of works of art as an element of the development of an advertising campaign

The article examines the figurative and aesthetic component of modern advertising, identifies its specifics and explores the transformation of artistic images in advertising. The purpose of this work is to identify the features of using images of artistic culture in the development of an advertising campaign. The main focus is on exploring the tools of art in specific examples of advertising practice. The result was recommendations on the use of artistic images in developing a creative concept for an advertising campaign to strengthen brand positioning, create an emotional connection with the target audience and achieve the greatest communication effectiveness.

Key words: imagery of advertising, transformation of artistic images, tools of art, advertising as art, effectiveness of an advertising campaign.

Kudryashova E.V.

The subject of knowledge in natural science and modern discourse

The article examines the basic norms of knowledge in natural science. The most convenient concept for analyzing knowledge in the natural sciences is discourse, which combines interdisciplinary norms for obtaining knowledge and social expectations of the effectiveness of its result. The norms of knowledge acquisition are formed in the learning process and are regulated by the cognitive community, mainly at the stage of knowledge assessment. In the case of compliance with the discourse built according to the strict rules of the relevant science, knowledge can be transmitted, and in the case of its effectiveness, it can be used in technical and engineering activities. The discourse of natural science knowledge is also regulated by social expectations. Modern social demand requires assessing knowledge as "innovative" or capable of leading to an "innovative" result. Modern epistemologists actively introduce the concept of innovativeness into research, including this concept can be found in the history of physics.

Key words: subject of knowledge, discourse, cognitive community, convention, innovation, innovative knowledge.

Efimova L.N.
Shekhireva N.A.
Aleksandrova E.V.
Trostina K.V.

"The chronicles of Narnia"
as a spiritual testament of Clive Staples Lewis (1898-1963)

The relevance of the study is due to the fact that it attempts to analyze the artistic features, genre originality and problems of one of the significant and monumental works of Clive Staples Lewis "The Chronicles of Narnia", written in the late period of the writer's work (1950-1956). In this regard, the purpose of this article is to consider the fairy-tale world of C.S. Lewis and the traditions of the English literary fairy tale; the fantasy genre as a sense-forming, as well as moral issues: gospel values are fundamental in revealing the characters of heroes, their spiritual and moral evolution; at the same time, give an assessment of domestic and foreign critics of the innovative tendencies of the writer as the creator of a new synthetic genre within the framework of literature for children and determine the place of the work in the artistic thought of the twentieth century as a whole.

Key words: moral and spiritual search, knowledge of God, genre structure, philosophical and religious views, Christian fantasy, spiritual heritage, biblical history, English literary fairy tale.

Barkovskii E.S.
Danakin N.S.

Behavior of the organization's staff in a problematic situation

This article presents the results of the author's sociological study "Practice of posing and resolving social problems" conducted in state and municipal government bodies, social protection, in higher and general educational institutions. 505 respondents were interviewed. The study was conducted in three regions: Moscow, Belgorod and Tula regions.

Key words: behavior, problem situation, organization's staff, successful problem solving, difficult life situations.

Konev I.V.
Znakharchuk F.R.

Motivational and resource support for social management

This article presents the results of a sociological survey conducted among university teachers and educators, state and municipal employees and social workers. The subject of the survey is the analysis and assessment of motivational and resource support for social management in various types of organizations (state, municipal, social, university and school).

Key words: motivation, resources, problem, social problem, sufficiency/insufficiency of resources, social management, effective motivation, problem statement.

Uporov I.V.
Kazankov V.Yu.

Criminal-legal regulation of liability for robbery in the soviet state

Crimes against property began to be committed in ancient times, at the same time the state determined measures to protect property from socially dangerous encroachments. Gradually, as the socio-economic development of human society progressed, crimes against property began to be divided into types depending on the method of their commission, including robbery, associated with the theft of someone else's property with the use of violence dangerous to life and health, was isolated. In Russia, the legislator in various historical eras defined various signs of this socially dangerous act. The article examines the features of criminal-legal regulation of responsibility for robbery in the Soviet state. Accordingly, the norms of Soviet criminal laws are considered, and first of all the Criminal Code of the RSFSR of 1922, 1926 and 1960, as well as scientific works that touch on the stated topic. The author's generalizations are made.

Key words: Soviet state, crimes against property, robbery, code, violence, property.

Bormotova T.M.
Makarov V.V.

Management of the development of the territory's social capital

The article discusses the concept of social capital management as a key factor in the sustainable development of regions. Social capital is a collection of social connections, norms, and trust that contribute to reducing transaction costs and strengthening social cohesion. In the context of globalization, the importance of social capital is increasing.

The authors analyze the concepts of Pierre Bourdieu, Robert Putnam and James Coleman, highlighting the structural and functional aspects of social capital. Special attention is paid to the role of social capital in shaping local communities, stimulating economic growth and innovation.

At the regional level, social capital management involves the involvement of citizens through public hearings and councils, support for volunteer activities and non-profit organizations, which contributes to increased government transparency and civic responsibility.

The article reveals the mechanisms of social capital management, such as citizen engagement, the development of volunteerism and the creation of an institutional environment to support non-profit organizations.

Key words: social capital, development management, territory, local communities, non-profit organizations, sustainable development.

Belikova E.V.
Batyarkina V.A.
Mironova K.V.
Nobatgeldieva C.D.

Prevalence of iron deficiency anemia among pregnant women and analysis of socio-economic factors in the Republic of Mordovia

One of the policy areas in Russia is to increase the birth rate, improve the welfare of citizens. The problem of anemia during pregnancy remains relevant to this day, as it negatively affects the health of the mother and child. The incidence of this pathology among the female population remains high. Social and economic factors play a major role in the occurrence and development of this disease. This article provides an analysis of the fol-

lowing indicators: population, natural population movement, main socio-economic indicators of the standard of living of the population, structure of consumer spending of households, maternity capital in the Republic of Mordovia. A number of measures are provided to improve health care for women in the Republic of Mordovia within the framework of the national project "Healthcare".

Key words: iron deficiency anemia, pregnancy, child, population, natural population movement, socio-economic indicators of the standard of living of the population, structure of consumer spending of households, maternity capital.

Kalinin N.A.

Main aspects of formation of socio-cultural inclusive environment

The article examines the main theoretical aspects of the formation of an inclusive socio-cultural environment as a necessary condition for the full development and participation in social life of people with disabilities. The definition of the concept of "inclusive socio-cultural environment" is given, the prerequisites for its emergence and the reasons for the need to form it are considered. Emphasis is placed on the multiaspect nature of the process of developing an inclusive environment and the need for systematic transformations in all spheres of social life to ensure equal opportunities for representatives of all population groups.

Key words: Inclusive socio-cultural environment, disability, health limitations, inclusive education, accessibility, equal opportunities, socialization, tolerance, human rights, integration.

Podchufarov I.
Potemkina Yu.

Management of migration flows at the federal and regional levels – a comparative analysis of policy instruments and practices in Russia, USA and China

In the context of intensifying global migration processes, a comparative analysis of migration flow management mechanisms at the federal and regional levels in the largest countries of the world is becoming especially relevant. This study presents a comprehensive comparative analysis of migration policy instruments and law enforcement practices in Russia, the United States and China for the period 1975-2023. Based on a multi-level methodological approach combining quantitative and qualitative methods, the key parameters of the migration systems of the three countries were analyzed, including the legislative framework, institutional structures, law enforcement practices and methods of monitoring migration flows. The study revealed significant differences in migration management systems due to historical, political and socio-economic factors. A correlation was established between the degree of decentralization of migration policy and the effectiveness of regional migration flow management ($r = 0.78$, $p < 0.001$). A comprehensive model for assessing the effectiveness of migration policy has been developed, taking into account 27 parameters and allowing to predict the effectiveness of migration strategies with an accuracy of up to 83.4%. Based on the data obtained, recommendations have been formulated for optimizing federal and regional migration management tools, including the introduction of differentiated approaches to various categories of migrants and strengthening interdepartmental coordination. The results of the study have theoretical significance for the development of comparative studies in the field of migration studies and practical value for improving migration policy.

Key words: migration policy, federal relations, regional governance, comparative analysis, institutional mechanisms, law enforcement practices, migration efficiency.

Kalinin N.A.

The phenomenon of inclusivity in social theatre

The article analyzes the phenomenon of inclusivity in social theatre. The theoretical foundations of inclusion and social theatre are examined, highlighting the role of theatrical practices in the social integration of individuals with disabilities. The author reviews Russian and international case studies, demonstrating the success and diversity of inclusive theatre projects, and describes the impact of inclusive theatre on personal growth, strengthening social ties, and transforming public consciousness. The article concludes that inclusive theatre possesses substantial potential as a mechanism for social and cultural change, emphasizing the need for further development within cultural policy and educational programs.

Key words: inclusivity, social theatre, inclusive theatre, social integration, theatre pedagogy, social change, disability, destigmatization, cultural policy, social therapy.

Smerichevskiy E.F.
Korzhova D.A.

Transprofessional skills and competencies of the professions of the future in the modern labor market

This paper outlines the problems, prospects, and dynamics of the youth labor market in the region. Local differences and the factors that influenced their formation are noted. The article analyzes certain trends in the changing nature of modern professions. It is determined that the emergence of professions of the future, as well as systems of supra-professional skills necessary for modern professions. The problems of modeling professions of the future have been identified, as well as the prospects for changing demand for professions and skills.

Key words: social development, youth, social strata, professions of the future, supra-professional skills, multimodality.

Stepnova L.A.
Afganyar M.

Educational migration among Muslim women in Afghanistan: political and sociological aspects of the problem

The article examines the political and sociological aspects of the problem of the unwillingness of countries with a dominant Islamic tradition to integrate women who have received education abroad into the social and professional environment of their country, which will increase the potential for social conflict in society and contribute to a further increase in socio-political tension. The main socio-political factors of "displacement" affecting the educational migration of Afghan women are highlighted: political instability, which is recurring in the country's history.; the related loss of the historical traditions of Muslim education, which includes a diverse humanitarian and natural science education; the stigmatization of Muslim women who received education abroad and the impossibility of their professional and personal self-realization in their homeland. The socio-political prerequisites for a constructive solution to the problem of adaptation in Afghan society of Muslim women educated abroad are outlined: the use and development of the world experience of "Islamic feminism" as a factor in the modernization of Islamic society; understanding educational migration as an investment in the economic and political development of society.

Key words: educational migration, Islamic feminism, educational mobility of Muslim women, gender inequality.

Shepeleva L.S.

Incentives and motivation for students' learning: research and strategy for improving the productivity of the educational process

The article analyzes the main elements of incentives and motivational factors within the framework of students' academic activities, which is a key issue in the current educational context. Understanding these categories is critically important for creating highly effective curricula and developing strategies to improve academic achievement. The research is aimed at identifying variables that influence learning motivation and analyzing methods of using them to increase the productivity of the educational process. The analysis focuses on such key elements as the effect of teachers' qualifications and teaching methods on students' interest in learning, the importance of the quality and accessibility of educational resources, as well as the impact of social support and the quality of relationships between students and teaching staff on academic enthusiasm. The methodological approach of this study is unique in that it relies on a combination of qualitative and quantitative research methods, providing a comprehensive analysis of motivational factors. The analysis of the collected data will make it possible to formulate targeted methodological recommendations for teachers and educational institutions, contributing to a more accurate correspondence of educational approaches to the needs of students, leading to an improvement in educational dynamics and strengthening the educational infrastructure.

Key words: students, achievement of individual goals, pursuit of knowledge, development of internal abilities, motivational factors of the educational process.

Uporov I.V.

Municipal programs for ensuring safe life conditions of the population: legal and methodological aspects

One of the most important areas of activity of the executive structures of public authorities at all levels

(federal, regional and municipal) is ensuring safe living conditions for the population. The article examines the specifics of im-plementing this area by local administrations of municipalities through the adoption of municipal target programs. It is noted that this activity of local governments is mandatory and includes a number of issues of local importance provided for by the Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation". A number of relevant municipal programs are analyzed, proposals for improving their content and increasing their efficiency are substantiated.

Key words: local government, safe living conditions for the population, target program, budget.

Zhulina J.O.
Prenas N.N.
Zaprometova S.A.

Value orientations of student-athletes as a socio-cultural determinant of the formation of a healthy society

The article examines the value orientations of student-athletes as a sociocultural determinant of the formation of a healthy society. The article analyzes key moral and social values such as honor, conscience, justice and responsibility, their impact on personal development and social processes. The conducted research demonstrates that student-athletes have stable moral attitudes focused on honesty, discipline, self-realization and collective responsibility. The role of sport in the formation of socially mature citizens capable of contributing to the strengthening of social norms and the development of an active civil society is revealed.

Key words: value orientations, student-athletes, social values, sports.

Shnaider Y.V.
Musabekov M.D.

Social elevators in the new landscape of social mobility

Contemporary processes of cybersocialization and cybermobility, which surpass in scale and significance the transformations associated with the transition to a post-industrial society in the 20th century, have substantially reshaped the mechanisms of social mobility and the functioning of social elevators. The awareness of these changes often comes retrospectively — only when researchers are confronted with a new picture of social reality.

Key words: social elevators, natural socialization, artificial socialization, cybersocialization, cyberspace, social mobility.

Авторы

Авакян Д.А. - кандидат политических наук, доцент. Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт» (НИУ «МЭИ»).

Александрова Е.В. - кандидат исторических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».

Афганьяр М. - аспирант. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. ORCID ID: 009-0001-0573-9563

Батяркина В.А. - студентка. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, г. Саранск.

Барковский Е.С. - аспирант. Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Беликова Е.В. - кандидат медицинских наук, доцент. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, г. Саранск. SPIN-код: 9023-3815

Бормотова Т.М. - доктор социологических наук, профессор, Российский государственный социальный университет, г. Москва.

Васильева О.А. - старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью. Государственный Университет Управления.

Данакин Н.С. - доктор социологических наук, профессор. Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Ефимова Л.Н. - кандидат филологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».

Жулина Ю.О. - магистрант факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Запрометова С.А. - старший преподаватель кафедры физической культуры и спорта. ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет).

Знахарчук Ф.Р. - аспирант. Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Зюзина И.С. - студент. Государственный Университет Управления.

Казанков В.Ю. - кандидат юридических наук. Российская академия естествознания, г. Краснодар.

Калинин Н.А. - Аспирант. Российская академия народного хозяйства государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Козыренко И.С. - старший преподаватель. Тихоокеанский государственный университет Хабаровск, Россия.

Козыренко Н.Е. - кандидат архитектуры, доцент, архитектор. ООО «Сегмаг», Харбин, Китай.

Конев И.В. - доктор социологических наук, профессор. Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Коржова Д.А. - преподаватель. Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказский федеральный университет.

Кудряшова Е.В. - кандидат философских наук, доцент. Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б.П. Бугаева.

Макаров В.В. - Российский государственный социальный университет, г. Москва.

Ма Ян - аспирант. ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», г. Владимир.

Миронова К.В. - студентка. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, г. Саранск.

Мусабеков М.Д. - аспирант. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Нобатгелдиева Ч.Д. - студентка. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, г. Саранск.

Подчуфаров И. - аспирант «МИРЭА – Российский технологический университет», РТУ МИРЭА.

Потемкина Ю. - магистрант. Национальный Исследовательский Нижегородский Государственный университет имени Н.Н. Лобачевского, член федеральной торгово-промышленной палаты РФ.

Пренас Н.Н. - старший преподаватель кафедры физической культуры и спорта. ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет).

Огородникова О.А. - кандидат исторических наук, доцент. Московский городской педагогический университет (МГПУ).

Рыжова В.А. - старший преподаватель Высшей школы социальных и политических наук ФГБОУ ВО «Тихоокеанский, государственный университет», г. Хабаровск.

Смеричевский Э.Ф. - кандидат философских наук. ФГБОУ ВО «Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Степнова Л.А. - доктор психологических наук, профессор. Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. ORCID: 0000-0002-2649-0349

Сторчак В.М. - доктор философских наук, профессор. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Тростина К.В. - старший преподаватель. ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».

Упоров И.В. - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Российская академия естествознания, г. Краснодар.

Шепелева Л.С. - кандидат экономических наук, доцент. Российский государственный социальный университет, г. Москва. SPIN-код: 5227-3220

Шехирева Н.А. - кандидат педагогических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».

Шнайдер Ю.В. - аспирант. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Authors

Afganyar M., Graduate student of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. ORCID ID: 009-0001-0573-9563

Aleksandrova E.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Plekhanov Russian University of Economics.

Avakyan D.A., Candidate of Political Science, Associate Professor of the National Research University «Moscow Power Engineering Institute» (NRU «MEI»).

Barkovskii E.S., Postgraduate Student. Belgorod State Technological University.

Batyarkina V.A., Student. National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Republic of Mordovia.

Belikova E.V., Candidate of Medical Sciences, Associate Professor. National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Republic of Mordovia. SPIN-code: 9023-3815

Bormotova T.M., Doctor of Sociological Sciences, Professor. Russian State Social University.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor. Belgorod State Technological University.

Efimova L.N., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Plekhanov Russian University of Economics.

Shnaider Y.V., Postgraduate Student. The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kalinin N.A., Graduate student. Russian academy of national economy and public administration.

Kazankov V.Yu., Candidate of Legal Sciences. Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar.

Konev I.V., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor. Belgorod State Technological University.

Korzhova D.A., Lecturer. Pyatigorsk Institute (branch) of the North Caucasus Federal University.

Kozyrenko I.S., Senior Lecturer. Pacific State University Khabarovsk, Russia.

Kozyrenko N.E., Candidate of Architecture, Associate Professor, Architect. «Segmag» LLC, Harbin, China.

Kudryashova E.V., Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Ulyanovsk Civil Aviation Institute named after B.P. Bugaev.

Makarov V.V., Russian State Social University.

Ma Yang, Postgraduate student. Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolay Grigorievich Stoletov, Vladimir.

Mironova K.V., Student. National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Republic of Mordovia.

Musabekov M.D., Postgraduate Student. The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Nobatgeldieva C.D., Student. National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Republic of Mordovia.

Ogorodnikova O.A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the

Moscow City Pedagogical University (MCPU).

Podchufarov I., Postgraduate student of Russian Technological University.

Potemkina Yu., Master's student. National Research Nizhny Novgorod State University named after N.N. Lobachevsky, member of the Federal Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation.

Prenas N.N., Senior Lecturer of the Department of Physical Culture and Sports, St. Petersburg State Technological Institute (Technical University).

Ryzhova V.A., Senior Lecture. The School of Social and Political Studies of the Pacific National University, Khabarovsk.

Shekhireva N.A., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor. Plekhanov Russian University of Economics.

Shepeleva L.S., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor. Russian State Social University, Moscow. SPIN-code: 5227-3220

Smerichevskiy E.F., Candidate of Philosophical Sciences. Donetsk State Medical University named after M. Gorky of the Ministry of Health of the Russian Federation.

Stepnova L.A., Doctor of Psychology, Associate Professor of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2649-0349

Storchak V.M., Doctor of Philosophy, Professor. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Trostina K.V., Senior Lecturer. Plekhanov Russian University of Economics.

Uporov I.V., Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor. Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar.

Vasilyeva O.A., Senior Lecturer at the Department of Advertising and Public Relations at the State University of Management.

Zhulina J.O., Graduate student of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University.

Znakharchuk F.R., Postgraduate Student. Belgorod State National Research University.

Zaprometova S.A., Senior Lecturer of the Department of Physical Culture and Sports, St. Petersburg State Technological Institute (Technical University).

Zyuzina I.S., Student at the State University of Management.